

**ФАКТОРЫ УЯЗВИМОСТИ
И УСТОЙЧИВОСТИ
МОЛОДЕЖИ КЫРГЫЗСТАНА,
ТАДЖИКИСТАНА, УЗБЕКИСТАНА
К РИСКАМ РАДИКАЛИЗАЦИИ
И ЭКСТРЕМИЗМА**

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Проект финансируется
Европейским Союзом

ФАКТОРЫ УЯЗВИМОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ МОЛОДЕЖИ КЫРГЫЗСТАНА, ТАДЖИКИСТАНА, УЗБЕКИСТАНА К РИСКАМ РАДИКАЛИЗАЦИИ И ЭКСТРЕМИЗМА

Аналитический обзор
по результатам исследований
в Центральной Азии

УДК 329

ББК 66.75

Ф 18

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф., академик, Тогусаков О.А., член-корр. НАН КР, засл. деятель науки, Вице-Президент НАН КР;

д-р филол. наук, проф., Муллоев Ш.Б., заведующий кафедрой печатных СМИ и PR РТСУ

д-р истор. наук, проф., Усмонов И. К., кафедра истории и теории журналистики РТСУ

к. филос. наук., Смутко А.Н., заведующий кафедрой Института философии и политико-правовых исследований НАН КР;

Маматханов А.М. Заместитель председателя - исполнительный директор ОНД «Юксалиш»

Азизи Р., Карыбаева М., Коротенко В., Кириленко А., Назаров Р., Фукалов И.

Ф 18

Факторы уязвимости и устойчивости молодежи Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана к рискам радикализации и экстремизма. Аналитический обзор по результатам исследований / Отв. Редактор: М.А. Карыбаева - Б., 2022 - 97 с.

ISBN 978-9967-08-940-2

В настоящем аналитическом отчете представлены результаты, выводы и рекомендации кабинетного анализа «Факторы уязвимости и устойчивости молодежи Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана к рискам радикализации и экстремизма. Аналитический обзор по результатам исследований», которое было проведено в рамках Проекта «Трансграничный диалог в интересах толерантности и мира в Центральной Азии». Цель исследования - выявление факторов уязвимости и устойчивости молодежи вышеназванных трех стран Центральной Азии (ЦА) к угрозам радикализации через анализ результатов проведенных ранее исследований и официальных данных из открытых источников. Исследование может стать основой для создания диалоговых площадок для молодых экспертов, лидеров, представителей пилотных местных сообществ, а также формирования межсекторальных и межстрановых механизмов противодействия радикализации и экстремизму в молодежных средах ЦА.

Аналитический отчет издан в рамках проекта, финансируемого Европейским Союзом «Трансграничный многосторонний диалог в интересах толерантности и мира в Центральной Азии». Проект реализуется консорциумом под руководством Фонда им. Конрада Аденауэра совместно с национальными партнерами: Экологическим движением «БИОМ», Кыргызская Республика (КР), Общественным движением «Юксалиш» («Совершенствование»), Республика Узбекистан (РУз), НПО «Гендер и развитие», Республика Таджикистан (РТ). Данное пособие опубликовано при финансовой поддержке Европейского Союза.

Содержание публикации может не отражать точку зрения Европейского Союза.

ISBN 978-9967-08-940-2

УДК 329

ББК 66.75

БИОМ

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1. АКТУАЛЬНОСТЬ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ	6
2. МЕТОДОЛОГИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ	9
2.1. Концептуальные рамки исследования	10
3. ДИСКУРС О ТЕРМИНАХ	18
3.1. Термины, используемые в международных документах.....	18
3.2. Трактовки основных терминов исследования	22
4. ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СТРАН	26
4.1. Демография	26
4.2. Экономика, рынок труда, уровень бедности.....	29
4.3. Этнический и религиозный состав.....	33
4.4. Уровень образования	38
4.5. Миграция	42
5. АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ	46
5.1. Исследования по идентичностям и нациестроительству	46
5.2. Религиозная идентичность и влияние на радикализацию молодежи.....	52
5.3. Причины и факторы радикализации молодежи в Центральной Азии.....	60
5.4. Влияние миграции	67
5.5. Уязвимые группы	73
5.6. Ресурсы устойчивости.....	76
6. «МОЛОДЕЖЬ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ» В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ	80
ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	90

СОКРАЩЕНИЯ

АВП	Ассоциация водопользователей
БНЭ	Борьба с насильственным экстремизмом
ЕС	Европейский Союз
ИБТ	Иностранные боевики-террористы
ИГИЛ/ДАИШ	Исламское государство Ирака и Леванта
ИДУ	Исламское движение Узбекистана
КР	Кыргызская Республика
МСУ	Местное самоуправление
МТО	Международные террористические организации
НПА	Нормативный правовой акт
НПО/НКО/ННО	Неправительственная/некоммерческая организация
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОГО	Организации гражданского общества
ООН	Организация Объединенных Наций
ПНЭ	Противодействие насильственному экстремизму
РТ	Республика Таджикистан
РУз	Республика Узбекистан
РЭО	Радикально-экстремистские организации
СНГ	Содружество Независимых Государств
СБ ООН	Совет безопасности Организации Объединенных Наций
ФГД	Фокус-групповые дискуссии
ЦА	Центральная Азия – регион, состоящий из пяти постсоветских государств: Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан
ЮНЕСКО	Учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий аналитический отчет основан на результатах кабинетного анализа, проведенного в рамках финансируемого Европейским Союзом проекта «Трансграничный многосторонний диалог во имя толерантности и мира в Центральной Азии» (Проект). Проект реализуется консорциумом под руководством Фонда им. Конрада Аденауэра совместно с национальными партнерами: Экологическим движением «БИОМ», Кыргызская Республика (КР), Общенациональным движением «Юксалиш», Республика Узбекистан (РУз), НПО «Гендер и развитие», Республика Таджикистан (РТ).

Цель исследования – *выявление факторов уязвимости и устойчивости молодежи вышеназванных трех стран Центральной Азии (ЦА) к угрозам радикализации через анализ результатов проведенных ранее исследований и официальных данных из открытых источников.*

Дополнительно к этому исследованию, учитывая важность воздействия медийного пространства на возможности радикализации молодежи, проведено отдельное исследование по контент-анализу СМИ и социальных медиа на предмет выявления базовых посланий, транслируемых этнических, религиозных и других стереотипов.

Проект носит комплексный характер и призван принимать во внимание:

- **региональный уровень:** риски, связанные с радикализацией молодежи, актуальны для всех трех государств ЦА, вовлеченных в реализацию Проекта. Особенностью этих стран является высокая доля молодежи в общей численности населения и достаточно высокий уровень рождаемости;
- **национальный уровень:** оценка потенциала государств и обществ на предмет способности проводить превентивную политику, как в работе с населением в целом, так и отдельно с уязвимыми группами молодежи, с помощью легитимных и вызывающих доверие общества методов;
- **местный уровень:** фокус на сокращении факторов, ведущих к потенциальной вербовке, с особым вниманием к запросам молодежи и женщин.

На каждом из этих уровней есть существенные содержательные управленческие разрывы и недостаточный уровень координации, как между странами региона, так и между органами государственной власти, организациями гражданского общества (ОГО) и международными партнерами по развитию.

Кабинетный анализ включает изучение материалов более ста исследований, проведенных по теме Проекта за период с 2015 по 2020 гг., данных официальной статистики, законодательной базы и национальных стратегических документов каждой из трех стран. Придерживаясь одного из основных принципов эффективности внешней помощи – «принципа собственности»¹, реализация Проекта концептуально основана на национальных стратегических приоритетах, отраженных в государственных программах стран, вовлеченных в реализацию Проекта.

Исследование может стать основой для создания диалоговых площадок для молодых экспертов, лидеров, представителей пилотных местных сообществ, а также формирования межсекторальных и межстрановых механизмов противодействия радикализации и экстремизму в молодежных средах ЦА.

Выводы кабинетного исследования были собраны и сформулированы в период между декабрем 2020 и апрелем 2021 года.

---

¹ Принцип собственности (англ. ownership) – один из ключевых принципов Парижской декларации по повышению эффективности внешней помощи, согласно которой страны должны сами осуществлять эффективное руководство разработкой политики и стратегии по развитию и координировать свою деятельность по развитию. URL: <https://www.oecd.org/dac/effectiveness/35023545.pdf>

1. АКТУАЛЬНОСТЬ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

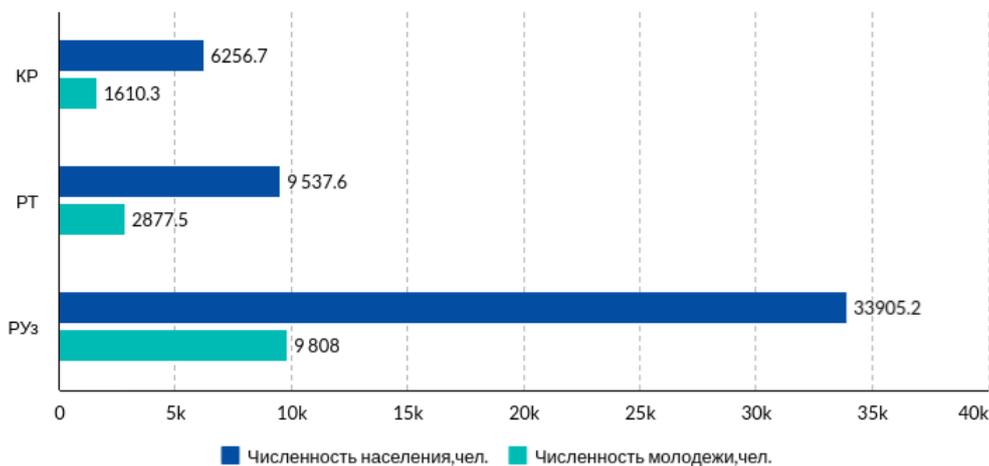
По данным официальной статистики всех трех государств ЦА, вовлеченных в реализацию Проекта, доля молодых людей составляет примерно около трети в общей численности населения.

Таблица 1. Численность населения и доля молодежи в общей численности населения

	Численность населения, чел.	Численность молодежи, чел.	Доля молодежи %	Из них девушки %	Из них юноши %	Возраст отнесения к молодежи
КР	6256,7 тыс. ²	1610,3 тыс.	25,7	49,1	50,9	От 14 до 28 лет ³
РТ	9537,6 тыс. ⁴	2877,5 тыс.	30,2	49,2	50,8	От 14 до 30 лет ⁵
РУз	33 905,2 тыс. ⁶	9808 тыс.	29	49,2	50,8	От 14 до 30 лет ⁷

Около миллиона молодых людей в регионе ЦА ежегодно выходят на рынок труда. Очевидно, что молодежь не является гомогенной социально-демографической группой, различаясь по полу, возрасту, уровню образования, статусу занятости, благосостоянию семей, отнесению себя к различным субкультурам и т.д. Стратификация молодежи и множественные идентичности присущи разным слоям и молодежным группам, они возникают под воздействием различных факторов и требуют специального изучения.

1 Численность населения и доля молодежи в общей численности населения

² Национальный статистический комитет КР // URL: <http://www.stat.kg/>

³ Закон КР «Об основах государственной молодежной политики» от 31 июля 2009 года № 256 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202686>

⁴ Статистический ежегодник РТ, 2020 // URL: <https://www.stat.tj/ru>

⁵ Закон РТ «О молодежи и государственной молодежной политике» от 15 июля 2004 года №52 (В редакции Законов РТ от 28.06.2011 г. №716, 27.11.2014 г. №1161) // URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=5155

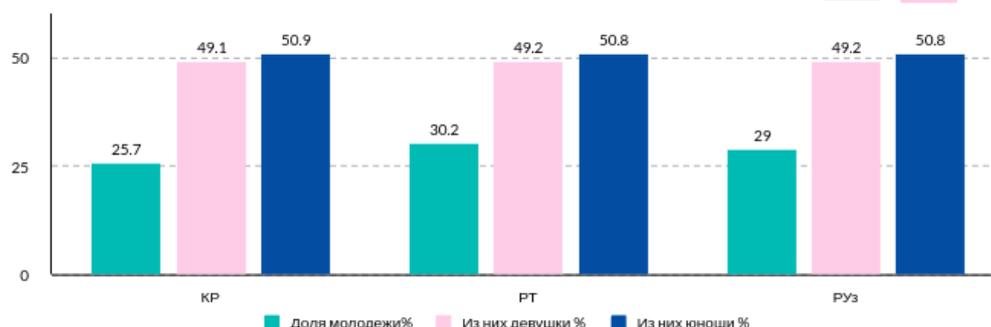
⁶ По данным Госкомстата РУз // URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography>

⁷ Закон РУз «О государственной молодежной политике» № ЗРУ-406 от 14.09.2016 г. // Собрание законодательства РУз, 2016 г., № 37, ст. 426; 2017 г., № 24, ст. 487; Национальная база данных законодательства, 24.07.2018 г., № 03/18/486/1559 // URL: <https://lex.uz/docs/3026250>

2

Доля молодежи в процентах и из них девушки и юноши в процентах

3

Возраст отнесения к молодежи

От 14 до 28 лет

От 14 до 30 лет

От 14 до 30 лет

Молодость – период самоопределения, выработки в ходе процесса социализации жизненных ценностей и мировоззрения, время выбора профессии и своего места в жизни. В этот период на положение молодых людей одновременно влияют экономические (выбор профессии и последующее трудоустройство) и духовные (необходимость определения нравственных ориентиров) факторы. Те молодые люди, у кого ограничены возможности для самореализации и удовлетворения жизненных потребностей в условиях перенаселенности и ограниченного рынка труда, вовлекаются в процессы внутренней и внешней трудовой миграции. В условиях отрыва от привычных социальных и эмоциональных связей они становятся особенно уязвимыми.

Темы радикализации и насильственного экстремизма все чаще выносятся на обсуждение на различных площадках – медийных, исследовательских, политических. В последние годы опубликовано множество работ, посвященных этой теме. Исследовательский компонент в работе по противодействию радикализации молодежи очень важен, без него невозможно выявление причин и факторов, способствующих распространению этого явления. При этом его реализация сопряжена с рядом рисков, прежде всего с риском взять слишком широкий фокус или провести очередной замер общественного мнения, повторив уже неоднократно изученные вопросы, но оставив некоторые важные аспекты неизученными.

Для сокращения таких рисков требуется анализ проводимых ранее в регионе исследований, их результатов, рекомендаций и существующих пробелов. Обсуждение результатов подобного анализа может стать содержательной основой для создания дискуссионной площадки среди представителей различных групп молодежи, органов государственной власти, ОГО и независимых экспертов из стран участниц Проекта.

Таким образом, **цель исследования** – выявить ключевые факторы уязвимости и устойчивости молодежи Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана к рискам радикализации и экстремизма на основе изучения уже имеющихся исследований и доступных официальных данных.

Задачи:

- Определение наиболее уязвимых групп молодежи, в том числе молодых женщин, потенциально подверженных большому риску попадания под влияние радикальных течений, на основе анализа исследований, проведенных в период с 2015 по 2020 гг. в регионе, обзора статистической, официальной информации.
- Анализ стратегических документов развития, программ по противодействию радикализации и экстремизму на предмет учета в них нужд и потребностей молодежи.
- Поиск эффективных моделей повышения устойчивости молодежи к вызовам радикализации и экстремизма.
- Выработка рекомендаций для последующих действий Проекта, в том числе:
- Внесение предложений по укреплению толерантности и мирного сосуществования в приграничных регионах Кыргызской Республики (КР), Республики Таджикистан (РТ) и Республики Узбекистан (РУз);
- Определение исследовательских приоритетов для других компонентов Проекта, в частности, тем и вопросов, которые остались неизученными в проведенных ранее исследованиях;
- Конкретизация дальнейших действий по реализации практических мероприятий Проекта.

2. МЕТОДОЛОГИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ

Поскольку кабинетный анализ производился на основе изучения материалов предыдущих исследований, важной частью работы явилось стремление определить, какие именно исследования выбрать. Это оказалось непросто, учитывая тот факт, что за последние годы на темы, связанные с экстремизмом и радикализацией молодежи в странах ЦА, было проведено и опубликовано большое количество исследований. Очевидно, что кабинетный анализ не может включить каждую выходящую в свет публикацию, тем более в этом нет практической необходимости.

Заметим, что авторы большинства исследований ключевое значение отводят вопросу о причинах и предпосылках радикализации. Предполагается, что их выявление и работа по сокращению воздействия на разные группы молодежи способны минимизировать масштабы проблемы. Главная трудность состоит в том, что спектр этих причин достаточно широк и находится в различных сферах.

В то же время, несмотря на многочисленные прогнозы о негативных сценариях развития для стран ЦА, звучащие все 30 лет с момента обретения независимости, государствам и местным сообществам удалось выработать механизмы, способствующие устойчивости к угрозам радикализации и экстремизма. Выявление этих благотворных факторов и их позитивное развитие может стать основой стабильности, что также составляет одну из задач исследования.

Если оригинальные исследования строятся согласно научной методологии, то описательные обзоры могут содержать элементы избыточной субъективности. Поэтому для целей настоящего исследования был выбран метод систематического обзора (англ. *systematic review*) – научное исследование ряда опубликованных отдельных исследований. В систематическом обзоре используются стандартизированные методы отбора и проверки результатов исследований, в том числе метаанализ – часть систематического обзора, основанная на количественных показателях, особенно в тех случаях, когда исследования содержат социологическую выборку.

Сравнительный анализ⁸ литературного обзора и систематического обзора представлен в таблице ниже.

Таблица 2. Сравнение характеристик литературного и систематического обзора

Характеристика	Литературный обзор	Систематический обзор
Освещаемые вопросы	Широкий спектр вопросов	Конкретный вопрос
Стратегия поиска литературных источников	Произвольная	Всеобъемлющая
Оценка качества включаемых исследований	Может отсутствовать	Присутствует
Отбор фактов для включения в обзор	Произвольный	В соответствии с критериями включения
Обобщение данных	Обычно качественное, описательное	Часто количественное (мета-анализ)

⁸ Святослав Плавинский. Метаанализ. Современные методы // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VBEhK0fZ16U>, <https://www.youtube.com/watch?v=PZQ3ucAm9k8>

Очевидно, что только часть проведенных исследований по изучаемой теме является социологическими исследованиями с выборкой. В случаях, когда в отобранных для настоящего исследования работах содержатся статистические данные, а также социологическая выборка, они указаны. Помимо социологических, рассмотрены также и аналитические исследования.

В ходе анализа было использовано 18 работ в части описания методологии и концептуальных рамок исследования, а также изучено 101 исследование по темам молодежи и радикализации.

2.1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на все многообразие методологий и подходов, которые выбирают авторы исследований в ходе определения факторов, ведущих к росту радикализации, ключевой является дилемма между воздействием на человека внешних обстоятельств (ограниченность экономических ресурсов и возможностей, исключенность из позитивной общественной жизни, социальная изоляция) и необходимостью уделить внимание ее содержательным, мировоззренческим основаниям (ценности и смыслы, нравственный выбор, семейные и личные психологические установки). Вопрос о соотношении этих факторов воздействия составляет основное содержание большинства исследований.

В то же время, в большинстве работ по исследованию радикализации и экстремизма содержится понимание того факта, что эти проблемы сопряжены с вопросами существования разного рода социальных идентичностей и их соотношения с гражданственностью. В идеале, этническая, религиозная, региональная и другие формы идентичностей (в том числе – принадлежность к какой-либо молодежной субкультуре), являясь предметом добровольного самоопределения личности, не должны входить в противоречие с общегражданскими и общечеловеческими ценностями.

Однако на практике, в условиях отсутствия эффективной государственной экономической, образовательной, информационной и культурной политики, идентичности могут входить в противоречие друг с другом. Следствием могут стать проявления нетерпимости, призывы к насилию на почве убеждений.

В этом контексте важно обратиться к вопросу понимания современных идентичностей. Особо актуален подход, предложенный **Бенедиктом Андерсоном** в его работе «Воображаемые сообщества»⁹. В основе подхода находится признание того факта, что многие существующие в современном мире сообщества являются воображаемыми, они конструируются и трансформируются постоянно, в настоящем времени.

Говоря о роли современных наций-государств (*nation-state*), Б. Андерсон отмечает, что, несмотря на процесс глобализации, продолжают процесс фрагментации мира (о чем еще раз свидетельствует ситуация, сложившаяся в мире вследствие пандемии COVID-19) и нациестроительства, особенно для молодых постколониальных стран: «Конец эпохи национализма», который так долго пророчили, еще очень и очень

⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма/Пер. с англ. В. Николаева; вступ. – М.: Кучково поле, 2016. – С. 416 // URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/xj2zhag7ov/direct/195147667>

далеко. Быть нацией – это самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени»¹⁰.

При этом Б. Андерсон отмечает, что предыдущей формой «воображаемого сообщества» было религиозное, которое он иллюстрирует, наблюдая за процессом современных форм паломничества и ролью религиозных лидеров в современном мире, отмечая «особую роль религиозных лидеров, которые, представляя собой небольшой по численности сегмент грамотных двуязычных адептов из разных языковых сообществ, выполняют объединяющие обряды, истолковывая группам приверженцев смысл их коллективного движения»¹¹.

В качестве причин, по которым произошел переход от господствовавшей в прошлом религиозной идентичности к национальной, Б. Андерсон считает изменившийся мир, в частности – невиданную ранее мобильность людей, колониализм и уровень образования¹². В части последней причины Б. Андерсон, соглашаясь с концепцией Э. Хобсбаума¹³, считает, что «прогресс школ и университетов отмеряет прогресс национализма, равно как именно учебные заведения, особенно университеты, стали наиболее сознательными его защитниками»¹⁴.

Для целей настоящего исследования имеет значение, что Б. Андерсон особое внимание уделяет роли молодежи в новых формирующихся государствах, в том числе в постколониальном контексте. «В колониях дело обстояло совершенно иначе. Под молодежью имелось в виду прежде всего первое поколение людей, многие члены которого получили европейское образование, отличающее их в языковом и культурном отношении от поколения их родителей, а также от огромной массы их колонизированных сверстников»¹⁵. Сегодняшняя молодежь в странах ЦА – это по сути первое поколение, социализированное в условиях обретенной 30 лет назад независимости своих государств.

В качестве явного свидетельства того, что национальная (в данном случае – этническая) идентичность становится преобладающей над религиозной, Б. Андерсон приводит тот факт, что в качестве категории, по которой проводятся национальные переписи населения, религиозная идентичность перестала иметь ключевое значение, постепенно утрачивая роль первоочередной учетной классификации¹⁶. Например, из трех государств ЦА, о которых идет речь в настоящем обзоре, в ходе национальных переписей населения вопрос о конфессиональной идентичности граждан учитывается только в Таджикистане (вопрос № 7 национальной анкеты¹⁷).

При этом Б. Андерсон оговаривается: «Я вовсе не утверждаю, будто появление национализма к концу XVIII в. было «произведено» эрозией религиозных убеждений или будто сама эта эрозия не требует сложного объяснения. Не имею в виду и того,

---

¹⁰ Там же. С. 42.

¹¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма/Пер. с англ. В. Николаева; вступ. – М.: Кучково поле, 2016. – С.115-116 // URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/xj2zhag7ov/direct/195147667>

¹² Там же, С. 199–201

¹³ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy>

¹⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. С. 138–139

¹⁵ Там же. С. 205–206

¹⁶ Там же. С. 268

¹⁷ https://stat.ww.tj/pages/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D1%8B%202020%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0_%D1%80%D1%83%D1%81.pdf

что национализм каким-либо образом исторически «сменяет» религию»¹⁸. То есть он призывает не упрощать ситуацию, но, тем не менее, учитывать необходимость анализа соотношения этих идентичностей в самосознании людей, особенно молодежи.

В современных условиях ЦА борьба этих идентичностей может определять дальнейшее развитие государств. Контрсекулярные движения не приемлют концепции открытого общества, пренебрегают национальными границами и системой международного права. Что возьмет верх – религиозная идентичность (а именно на ней спекулируют некоторые деструктивные силы, призывающие уничтожить существующие государственные границы и стремиться к созданию некоего исламского государства) или возобладает стремление к укреплению национальных государств и их суверенитета – от ответа на этот вопрос зависит будущее стран региона.

При этом типичный пример стереотипного мышления таков: при описании и обсуждении вопросов, связанных с радикализацией и экстремизмом, в мировоззренческом плане все их проявления сводятся только к религиозному фактору. Хотя далеко не все современные противоречия и конфликты, в том числе в регионе ЦА, основаны на нем. Поэтому в специальном разделе настоящего ответа будет уделено особое внимание тем исследованиям, где изучались вопросы хода нациестроительства в государствах ЦА, соотношения этнической, религиозной и гражданской идентичности молодежи, мотивы вовлечения молодежи в деятельность национал-патриотических, праворадикальных движений.

Второй тематический блок – это работы, в которых освещаются причины радикализации и экстремизма, в том числе экономические и внеэкономические детерминанты. Несмотря на то, что в последние годы появился устойчивый тренд на объяснение причины социальными установками, отсутствием «социальных лифтов» и возможностей для самореализации, поиском «приключений», стремлением вырваться из традиционных, в том числе гендерных, ролей и систем контроля (особенно в части исследований по внешней трудовой миграции среди молодежи), влияние таких факторов как бедность, отсутствие доступа к экономическим ресурсам продолжает оставаться весьма существенным.

С этой точки зрения заслуживает внимания концепция «общества риска» немецкого философа **Ульриха Бека**¹⁹. Как правило, понятие риска связывают с возможностью наступления сравнительно редких событий. При этом риск часто отождествляют с вероятностью наступления этих событий за интервал времени. Век космополитизации, в котором, по мнению У. Бека, мы живем, означает всеобщую взаимозависимость и взаимосвязанность. Так, глобальный «другой» – это не просто виртуальная проекция, а часть нашего мира: «„Глобальные бедные“ – они не в стороне, они – среди нас». Причем космополитизация вовсе не обязательно предполагает диалог: «мы можем зависеть от кого-либо, совершенно не догадываясь об этом». Риски – это не что иное, как следствия ранее принятых обществом решений. В первой фазе модернизации было изобретено множество эффективных институтов по борьбе с рисками, например, страхование. Однако на текущем витке развития эти институты более не в силах контролировать и снижать риски. Более того, результатом

---

¹⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма/Пер. с англ. В. Николаева; вступ. – М.: Кучково поле, 2016. – С. 54 // URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/xj2zhag7ov/direct/195147667>

¹⁹ Бек У. Футурологическая экология и концепция «общества риска» // URL: <https://myslide.ru/presentation/skachat-futurologicheskaya-ekologiya-i-koncepciya-obshhestva-riska-u-bekahttps://ppt-online.org/129934>

их функционирования становится приумножение неопределенности. Современные риски угрожают огромным массам людей, человечеству в целом.

Радикализацию как явление - профессор **Владимир Лефевр**²⁰ рассматривает через призму этических систем. Решение моральных проблем лежит вне сферы науки. Исследования в области рефлексии уже позволили ответить на ряд важных вопросов, связанных с природой человеческой морали. Существуют две различные этические системы. Принадлежность общества к той или иной этической системе отражается в идеологических текстах, регулирующих моральную жизнь. Для первой системы характерен запрет зла, например: «не лги», для второй – призыв к добру: «будь правдив».

В. Лефевр предложил рассмотреть с этой точки зрения то, что можно назвать «парадоксом талибов». Как известно, молодежная организация талибов возникла в лагерях афганских беженцев в Пакистане. Эти лагеря были созданы, в значительной степени, благодаря американской помощи. Считалось, что талибы станут верными союзниками США. Это убеждение играло ключевую роль при подготовке стратегических решений, затрагивающих регион ЦА. Антиамериканский поворот талибов стал неожиданностью для большинства политиков. Глубинная причина этого поворота состоит отнюдь не в специфике ислама, а в том, что организация талибов, если рассматривать ее в качестве макросубъекта, принадлежит ко второй этической системе. Любой компромисс такого макросубъекта с другим макросубъектом унижает его в собственных глазах, независимо от материальных благ, которые сулит этот компромисс.

Неучет этической системы талибов привел к просчетам на стратегическом уровне. В. Лефевр призывает помнить этот урок, разрабатывая стратегию борьбы с мировым терроризмом. Организации террористов являются макросубъектами, не имеющими территориальной компактности, в отличие от таких макросубъектов, как, например, государство. Это приведет к тому, что для борьбы с ними будут создаваться интернациональные антитеррористические организации, также не имеющие территориальной компактности и, следовательно, очень трудно контролируемые. Возникнет серьезная опасность перерождения антитеррористических организаций в террористические²¹. Чтобы избежать этой опасности, борьбу с терроризмом надо строить на основе первой этической системы.

Еще один подход, через призму которого рассматриваются причины радикализации, – это концепция социальной и культурной мобильности, предложенная социологом **Питиримом Сорокиным**²², согласно которой индивидуум занимает в пространстве определенное место, как в горизонтальном, так и в вертикальном измерении. Позиция любого члена социума – социальное положение, совокупность связей внутри групп и внешних связей с группами, отличными от группы индивидуума. П. Сорокин дал определение социальной стратификации: «дифференциация групп людей в классы и иерархические ранги посредством неравномерности распределения прав, обязанностей, привилегий, ценностей, власти и иных способов влияния одних

---

²⁰ Лефевр В.А. Стратегические решения и мораль // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, № 1, 2002. С. 24–26 // URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lefebvre_2002_1.htm

²¹ Классическим примером являются латиноамериканские «Эскадроны смерти», созданные для борьбы с политическим экстремизмом и организованной преступностью, но выродившиеся в террористические организации наемных киллеров // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Эскадроны_смерти

²² Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // URL: <https://pitirim.org/index.php/theories-pitirim-sorokin/social-mobility>

индивидуумов на других как внутри, так и между группами». Это многомерная модель стратификации, разделенная тремя базисными направлениями: экономикой, политикой, профессиональной деятельностью. Кроме них существуют неосновные характеристики, создающие расслоение в обществе – возраст, культура, речь и другие.

Основная идея теории социальной стратификации следующая: в обществе существует устойчивая тенденция сохранения социальной пирамиды с верхушкой из привилегированных слоев и основанием из людей, имеющих меньшее количество привилегий. Только при условии вытягивания пирамиды вверх в социуме происходят катаклизмы социального плана, перевороты, революции, превращая пирамиду в трапецию. Вслед за этим возникает вновь рост пирамиды благодаря вхождению в нее новых сил, и это чередование циклично.

Таким образом, в обществе постоянно происходит движение отдельных людей и групп из одного слоя в другой, восходящее из низшего социального уровня в высший и, наоборот, нисходящая вертикальная мобильность. Среди этих двух понятий выделяется и горизонтальная мобильность, т.е. передвижение индивидов на одном и том же социальном уровне, например, при смене места жительства или характера работы. Понятие социальной мобильности характеризует степень цивилизованности, открытости, свободы и демократизма общества и является важным показателем уровня его культуры.

Ряд исследований по вопросам радикализации объясняют ее механизм как раз стремлением индивида добиться изменения своего социального положения. Там, где система «социальных лифтов» не работает прозрачно и понятно, не зависит от способностей, образования и трудолюбия индивида, а повязала в nepoтизме и коррупции, все большее число людей будут стремиться разрушить такую систему. Или уехать искать возможности для повышения своего социального статуса в другую страну. Однако если и там индивид оказывается в самом низу социальной пирамиды, возможно его перемещение дальше, туда, где общественное устройство не устоялось. А значит, есть надежда, что, став «солдатом удачи», он найдет свое место под солнцем наверху социальной пирамиды в другом обществе.

При этом надо иметь в виду, что, как отметил историк **Бахтиёр Бабаджанов**, «в случае трудовых мигрантов мы имеем дело не просто с физическим, но и с культурным его перемещением в другую среду. В их случае идет скрытая борьба локальной национальной идентичности с глобальной исламской идентичностью, когда она навязывается со стороны вербовщиков. Однако такие случаи полного переформатирования идентичностей крайне редкое явление среди трудовых мигрантов, хотя формы идентичности меняются, по крайней мере, больше обретают национальные формы, отодвигая на второй план географические локусы (разделение по регионам происхождения: Хорезм, Бухара, Ферганская долина и др.)»²³.

Следует отметить, что в большинстве исследований по вопросам радикализации в ЦА, в том числе и охваченных данным анализом, недостаточное внимание уделяется теоретико-методологическим аспектам определения самого этого термина. В основном берутся определения из национальных и международных НПА. Тем более интересна подборка определений, сделанная авторами исследования «Молодежь и

---

²³ Бабаджанов Б.М. Трудовые мигранты Узбекистана в России: социальные сети и религиозные контексты // Центр изучения региональных угроз // URL: <https://crss.uz/2018/03/01/trudovye-migranty-uzbekistana-v-rossii-socialnye-seti-i-religioznye-konteksty/>

насильственный экстремизм в социальных медиа. Сопоставление исследований»²⁴. В соответствии с его междисциплинарным и многоуровневым подходом, кроме формальных определений в НПА, рассмотрено три дополнительных определения радикализации.

Первое определение принадлежит политологу и социологу **Фархад Хосрохавару**²⁵, который определяет радикализацию на уровне отдельного человека, как индивидуальное вовлечение и процесс обучения с особым вниманием к эмоциональным и когнитивным процессам влияния. Согласно Хосрохавару, радикализация – процесс, при котором индивид или группа людей приходят к использованию насильственных мер. Это напрямую связано с экстремистской идеологией, которая оспаривает установившийся порядок на политическом, социальном или культурном уровне. Такое определение помогает изучить потенциальную силу аккультурации интернета, которая ведет к созданию личности оппозиционного героя среди уязвимых людей. Однако основное внимание Хосрохавар уделяет исламистской религиозной радикализации на Западе. То есть такой подход ограничен с точки зрения анализа других форм радикализации и в других контекстах.

Второе определение дано немецким социологом **Вильгельмом Хайтмейером**²⁶, который исследовал процессы, порождающие правый экстремизм. Он разработал теорию социальной радикализации на основе социально-психологических аргументов Франкфуртской школы, согласно которым радикализация рассматривается как продукт сочетания личного опыта и социальных условий, порождающих социальные обиды.

Согласно В. Хайтмейеру, «праворадикальная экстремистская ориентация характеризуется элементами или альтернативами социальным моделям, определенным теоретически, но практически часто основывающимся на неосуществленных обещаниях политической демократии, индивидуальных возможностях свободы и равенства»²⁷. Так, на макроуровне крайне правая насильственная радикализация может рассматриваться как форма войны или партизанской войны, бросающая вызов давним отношениям власти и угрожающая гражданским свободам и безопасности. Этот подход ограничен в отношении его предположения о том, что радикализация влечет за собой акты насилия.

Третье определение, основанное на экосистемной структуре, используется исследователем терроризма **Алексом П. Шмидтом**²⁸, который определяет радикализацию как индивидуальный или коллективный процесс. Радикализация возникает из трения межобщинных отношений и сопровождается ситуацией политической поляризации. По крайней мере, одна из сторон отказывается от практики диалога, компромисса и терпимости между разными игроками в пользу эскалации тактики конфронтации и насилия.

---

²⁴ Alava Séraphin, Frau-Meigs Divina, Hassan Ghayda. Молодежь и насильственный экстремизм в социальных медиа: Сопоставление исследований, ISBN: 978-9-2-3400028-4 – 167 p. // URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000372331>

²⁵ Хосрохавар Ф. Как радикалы противопоставляют себя обществу // URL: <https://inosmi.ru/world/20150729/229329095.html>

²⁶ TiefindenAlltageingesickert: Rechtsextremismus und Gewalt. Глубоко укоренившиеся: правый экстремизм и насилие. Spiegel, 41, 1991, 32–33 pp. // URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Wilhelm_Heitmeyer

²⁷ Die Fernwirkungen des Terrors. Zu den Folgenfürdie liberale Republik und die integrationsfähige Gesellschaft. B: Hoffmann ua (Hg.): Wendepunkt, 11 сентября 2001 г. Terror, Islam und Demokratie, Köln, 2001, 221–234 pp. Вильгельм Хайтмейер https://ru.qaz.wiki/wiki/Wilhelm_Heitmeyer

²⁸ Shmidt A.P. Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review // URL: <https://icct.nl/publication/radicalisation-de-radicalisation-counter-radicalisation-a-conceptual-discussion-and-literature-review/>

Это определение охватывает часто упускаемые из виду серьезные последствия прекращения демократического диалога и вовлечения граждан. Его преимущество заключается в том, что автор описывает, как создаются идеологические, внушающие внимание коллективные обсуждения, когда «другие» изображаются как радикально отличные от «нас». Последние затем рассматриваются как оскорбляемые, подвергающиеся угрозам, жертвы, нуждающиеся в защите, в то время как «другие» дегуманизируются (представляются в виде зла; например, категория «кафир», используемая исламистскими радикалами, или «свиньи, животные», используемые правыми экстремистами применительно к разным группам). Следовательно, закон оправдывает исключение, преследование и возможное насилие. Этот подход рассматривает радикализацию как динамичный двусторонний процесс, а не как риторику «Мы против Них» или одностороннее навешивание ярлыка одному из сторонников. Исследования показывают, что процессы, хорошо известные за пределами интернета, также усиливают эффекты деиндивидуализации и групповой поляризации и в сети²⁹: аффективная мобилизация³⁰, групповая лояльность³¹, основанные на мнении сообщества, придерживающиеся определенного мнения³². По этим причинам системное понимание А. Шмидта является ценным для разработки эффективных первичных профилактических инициатив. В этом исследовании такие инициативы упоминаются как «предотвращение насильственного экстремизма» (ПНЭ).

Слабым местом исследований является то, что исследователи, обращаясь к фактам религиозной жизни, исходят из априорного убеждения о принадлежности того или иного явления к экстремизму. Не экстремизм выводится из некоторого круга явлений, а наоборот – утверждаются характеристики явлений и процессов религиозной жизни на основе их отнесенности к экстремизму. В результате, экстремизм выводится из сферы анализа, исследователи сконцентрированы на изучении отдельных эмпирических феноменов в ущерб исследованиям онтологического аспекта экстремизма.

Правомерным здесь выглядит замечание **Алексея Римского и Сергея³³ Борисова** о том, что «в собственно философских работах концепты „экстремизма“ и „религиозного экстремизма“ не рассматриваются на уровне философии религии и метафизики (онтологическом и экзистенциальном)». Исследователи констатируют, что «систематических работ с целью философско-методологической интерпретации религиозного экстремизма, понимания его культурно-антропологических оснований и социокультурных трансформаций в концептуальном пространстве философской онтологии, философии религии и религиоведения фактически нет», и религиозный экстремизм в этом отношении является «лакуной современной гуманитарной мысли»³⁴.

²⁹ Spears & Postmes, 2015, Reicher et al., 1995 // URL: https://www.researchgate.net/publication/232483535_Social_influence_and_the_influence_of_the_social_in_computer-mediated_communication

³⁰ Ernst-Vintila & Macovei, 2016 // URL: https://www.researchgate.net/publication/315752957_Je_suis_Charlie_la_liberte_audela_de_l_egalite_et_la_fraternite_Interpretation_collective_des_attaques_terroristes_de_janvier_2015_en_France_et_expression_online_d_un_nexus

³¹ Sageman, 2011/2016 // URL: https://books.google.kg/books?id=vRXIDwAAQBAJ&pg=PA14&lpg=PA14&dq=Sageman,+2011/2016&source=bl&ots=dXEVZVnB_I&sig=ACfU3U1QoSINO9v0rd8khpVTB6uzAdrXhQ&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewjA6uXp36rAhVCmlsKHSZIBSMQ6AEwDXoECAQQAaw#v=onepage&q=Sageman%2C%202011%2F2016&f=false

³² McGarty, Thomas, E. F., Lala, G., Smith, L. G. E., & Bliuc, A.-M. (2014). New technologies, new identities, and the growth of mass opposition in the Arab Spring. *Political Psychology*, 35, 725-740 pp. <https://www.semanticscholar.org/paper/New-Technologies%2C-New-Identities%2C-and-the-Growth-of-McGarty-Thomas/51973f52bc5df59b4757a7825b5c66dfba59d214>

³³ Римский А. В., Борисов С. Н. Культурно-исторические формы религиозного экстремизма: от традиционализма к модерну // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-istoricheskie-formy-religioznogo-ekstremizma-ot-traditsionalizma-k-modernu> 2012. №5 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-istoricheskie-formy-religioznogo-ekstremizma-ot-traditsionalizma-k-modernu>

³⁴ Римский А.В. Антинормы религиозного экстремизма в пространстве традиционализма и современности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – Т. 18. – № 20 (115). – С. 300 //

Американский религиовед **Натан Коллар** предлагает использовать для определения религии не систематизаторский метод, когда мы называем религией то, что имеет похожие на христианство черты, а функциональный, когда религией признается явление, которое позволяет человеку удовлетворить базовые потребности в служении, справедливости, принадлежности к группе, преодолеть страх смерти и решить непосильные задачи, выйти за пределы биологического самоопределения, объединиться в сообщество единомышленников³⁵. Преимущества функционального подхода позволяют взглянуть под другим углом на политические идеологии, сетевой маркетинг, фанатские движения. Возникая как противовес секуляристской и колониальной активности европейских государств и связанных с ними режимов в других частях света, контрсекуляризм оказался органически связан с противостоянием Западу как олицетворению материалистических, антирелигиозных ценностей³⁶.

Учитывая, что большинство стратегических документов развития в трех странах провозглашают центром и конечной целью развития человека, развитие человеческого капитала рассматривается как национальный приоритет, в обзоре использован подход на основе прав человека. Он позволяет оценить доступ к ресурсам без дискриминации по признаку пола, возраста, инвалидности, других признаков и всестороннего участия различных социальных групп в принятии решений. Использование такого подхода помогает выявить уязвимые группы населения с наименьшим доступом.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antinomii-religioznogo-ekstremizma-prostranstve-traditsionalizma-i-sovremennosti/viewer>

³⁵ Kollar N. Religions` Future in the Anthropocene // Worldviews: Global Religions, Culture, Ecology. – V. 23. №1. – 2019. – P. 6

³⁶ Berger P. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Ed. by P. Berger. – Washington: Ethics and Public Policy Center, 1999. – P. 1-18 // URL: http://storage.cloversites.com/pathwaysformutualrespect/documents/Berger-Desecularization_World.pdf

3. ДИСКУРС О ТЕРМИНАХ

Проблема терминологии, используемой в исследованиях по изучению процессов радикализации и экстремизма, является актуальной не только для региона ЦА, но и в глобальном масштабе. Прояснение дефиниций, их обсуждение, понимание экспертным сообществом, а затем – населением, важные задачи настоящего этапа.

В качестве примера можно привести тот факт, что инициатива Генерального секретаря ООН по разработке «Плана действий по предупреждению насильственного экстремизма», предложенная в 2015 году и обсужденная на региональной конференции стран Центральной и Южной Азии по противодействию насильственному экстремизму в Астане (июнь 2016 года), не получила поддержки стран региона ЦА прежде всего в связи с отсутствием консенсуса по самому термину «насильственный экстремизм».

Работа над терминами требует комплексного учета более широкого спектра тем и данных, в том числе динамики развития демографии, межэтнических и межгосударственных (в том числе приграничных) отношений и социально-экономической ситуации. Это позволит учитывать вызовы и угрозы во всех областях для принятия своевременных упреждающих мер.

При таком подходе предпринимается попытка более широкого учета факторов безопасности, так как с каждым годом становится очевидным, что задача предотвращения радикализации и экстремизма не может быть сведена только к религиозному фактору. Хотя, к сожалению, в большинстве случаев используется такой упрощенный взгляд, который на самом деле только камуфлирует возможные вызовы стабильности.

3.1. ТЕРМИНЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Организация Объединенных Наций (ООН) и Организация по Безопасности Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) признают, что обсуждение **насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму** (термин, используемый в большинстве последних документов ОБСЕ³⁷), является сложной задачей, поскольку универсальное согласованное определение этих явлений отсутствует.

Правительства отдельных стран, а также различные международные и региональные организации предпринимали попытки квалифицировать эти явления, причисляя их к противозаконной деятельности, с целью разработки эффективной стратегии для их профилактики.

Прежде всего, это определение терроризма. В условиях, когда общее определение является предметом споров экспертов и правительств и существуют различия в определениях этого явления в разных странах, ООН в ряде международных документов называет терроризм совокупностью преступных действий (например, захват заложников, взрывы бомб, захват гражданских воздушных судов) или действия группировок, которые ООН считает террористическими, таких, например, как «Талибан» в Резолюции Совета Безопасности ООН (РСБ ООН) №1267 (1999), ИГИЛ и Фронт ан-Нусра в Резолюции Совета безопасности ООН №2253 (2015).

³⁷ О роли гендерного фактора в предотвращении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, а также в борьбе с этой угрозой. Передовой опыт работы правоохранительных органов. ОБСЕ, Отдел по борьбе с терроризмом Департамента по противодействию транснациональным угрозам, 2020 // URL: https://www.osce.org/files/f/documents/1/1/429452_0.pdf

Государственный департамент США неоднократно заявлял о признании Исламского движения Узбекистана террористической организацией³⁸.

Кроме того, в Резолюции СБ ООН №1566 (2004) цель терроризма описывается как «преступные акты, в том числе против гражданских лиц, совершенные с намерением причинить смерть или серьезные телесные повреждения, или захват заложников с целью спровоцировать состояние террора в обществе в целом или в отдельной группе лиц, или у отдельных лиц, для запугивания населения или для того, чтобы заставить правительство или международную организацию совершить какие-либо действия или воздерживаться от каких-либо действий, <...> [эти преступные действия] ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного подобного характера»³⁹.

Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы, принятая в 2003 году, содержит следующее определение: «Экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма»⁴⁰.

В ОБСЕ разработано рабочее определение насильственного экстремизма, ведущего к терроризму (НЭРВТ): «Радикализация, которая ведет к терроризму, – это стиль отношений, в процессе формирования которого человек начинает принимать террористическое насилие как возможный и, вероятно, даже правильный образ действий. В конечном итоге этот человек может, хотя и не обязательно, начать выступать или действовать в целях поддержки терроризма или участвовать в террористической деятельности»⁴¹. Помимо этого, в некоторых государствах-участниках ОБСЕ приняты собственные определения насильственного экстремизма.

«Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 года дает следующее, более жесткое, определение понятия «экстремизм» (п. 3 ч. 1 ст. 1): «...»экстремизм» – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»⁴².

В 2009 г. Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ был принят Закон «О противодействии экстремизму». Его авторы предприняли попытку разграничить два термина: «**экстремизм**» и «**экстремистская деятельность**»⁴³.

³⁸ Новостной портал Newsru.com //Госдепартамент США знает о террористической деятельности Исламского движения Узбекистана. URL:<https://www.newsru.com/religy/02oct2002/idu.html>

³⁹ Резолюция 1566 (2004), принятая Советом Безопасности на его 5053-м заседании 8 октября 2004 года

⁴⁰ Васильев Г. Е. Введение в философию культуры. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015 С. 112 // URL: GoogleКниги: информац.-справочн. портал. URL: https://books.google.kg/books/about/%D0%92%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B2_%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%8E.html?id=Q489CwAAQBAJ&redir_esc=y

⁴¹ Пособие “О роли гендерного фактора в предотвращении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, а также в борьбе с этой угрозой. Передовой опыт работы правоохранительных органов”. URL: <https://polis.osce.org/file/25772/download?token=17rZQRFv>

⁴² Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура. Словарь-справочник. – 2005. С. 207

⁴³ Антитеррористический центр государств СНГ / Модельный закон «О противодействии экстремизму» // URL: <https://www.cisatc>

Под экстремизмом понимается посягательство на конституционный строй и нарушение прав и свобод человека и гражданина, которые возникают вследствие отрицания социальных норм. Термин «экстремистская деятельность» является более расширенным и включает в себя разные формы деятельности: от посягательств на суверенитет государства до пропаганды и публичного демонстрирования нацистской символики. Большинство таких проявлений закреплены в национальных законах о противодействии экстремизму.

Ключевой термин, который используется во многих международных документах, но еще не используется широко в большинстве постсоветских стран, – **«насильственный экстремизм»**. На международном уровне этот термин используется, чтобы подчеркнуть меняющийся характер и разнообразие индивидуальных и общественных обстоятельств, мотивов, целей и особенностей, его порождающих. Человек или идеология могут быть экстремистскими и, вместе с тем, ненасильственными. Это реальность, с которой демократическое общество пытается жить, как бы это ни было сложно, когда ценности прямо противоположны основным ценностям демократии. Если насилие связано с экстремистской деятельностью, эта двусмысленность со всей очевидностью преодолевается. Важно отметить, что любая идеология потенциально может иметь представителей, которые придерживаются экстремальных взглядов и прибегают к насилию. Это, опять же, свидетельствует о том, что насильственный экстремизм не связан ни с одной определенной идеологией или религией. Однако ряд идеологических течений изначально нацелен на экстремизм, например – фашизм, расизм, нацизм, шовинизм и т.д. Среди религиозных течений чаще всего выделяют исламистские (салафизм, ваххабизм и др.), хотя экстремистские течения есть почти во всех конфессиях.

Таким образом, «насильственный экстремизм» представляет собой отдельную категорию, которая шире, чем «терроризм», поскольку он также включает в себя насилие, такое как беспорядки по политическим мотивам и преступления на почве ненависти, или действия, которые некоторые относят к террористическим по своему характеру, не определены в качестве таковых. При этом важно отметить, что радикальные и экстремистские взгляды не обязательно представляют собой проблему, но могут составлять базовую основу, на которой может развернуться реальный терроризм. Именно тогда, когда насилие добавляется в качестве оправданного способа решения каких-либо проблем, оно становится проблемой безопасности.

Предотвращение насильственного экстремизма (ПНЭ) и борьба с насильственным экстремизмом (БНЭ) – эти два понятия описывают способы противодействия и часто заменяют друг друга. Предотвращение какого-либо действия подразумевает, что оно в реальности не проявляется. ПНЭ означает проведение такой политики и мер по ее реализации, которые позволяют разрушить идеологические стереотипы терроризма и выдвинуть на их место альтернативные понятия. Этот процесс может также включать психологическую реабилитацию бывших преступников, придерживающихся насильственных экстремистских взглядов, и их реинтеграцию в общественную жизнь.

Например, эксперты Узбекистана отмечают: «В ст. 45 закона «О профилактике правонарушений» закреплено положение, согласно которому государственные

органы и негосударственные некоммерческие организации могут создавать специализированные учреждения по оказанию правовой, социальной, психологической, медицинской, педагогической и иной помощи потерпевшим от правонарушений. Кроме того, представляется целесообразным на основе передового зарубежного опыта, в соответствии с требованиями закона «О социальном партнерстве» и с учетом существующих потребностей разработать комплекс мероприятий, направленных на социальную реабилитацию и адаптацию лиц, потерпевших от правонарушений, лиц, склонных к совершению либо уже совершивших преступление»⁴⁴.

Представленный в 2015 году Генеральным секретарем ООН «План действий по предупреждению насильственного экстремизма» рассматривает ПНЭ как комплекс масштабных последовательных мер, направленных на устранение факторов, способствующих распространению насильственного экстремизма. Особое внимание в этом плане уделяется «устранению условий, способствующих распространению терроризма», а также «обеспечению уважения прав человека для всех и верховенства права в условиях борьбы с терроризмом». В Плане действий определено, что «создание открытых, справедливых, инклюзивных и плюралистических обществ на основе всеобъемлющего уважения прав человека и создания экономических возможностей для всех представляет собой наиболее ощутимую и значимую альтернативу насильственному экстремизму»⁴⁵.

В свою очередь, ОБСЕ понимает БНЭ как «активные усилия по противодействию усилиям представителей насильственного экстремизма, направленных на радикализацию, вербовку новых сторонников и мобилизацию экстремистов для участия в насильственных действиях, и по устранению конкретных факторов, способствующих вербовке новых сторонников экстремизма и радикализации, которые ведут к насилию»⁴⁶.

Согласно определению USAID (Агентство США по международному развитию), насильственный экстремизм – это совокупность действий, состоящая из «пропаганды, вовлечения, подготовки или иной поддержки идеологически мотивированного или оправданного насилия для достижения дальнейших социальных, экономических или политических целей»⁴⁷. Однако основное внимание в исследовании должно быть уделено более широкому взгляду на процесс радикализации, который скорее связан с установками. В соответствии с данным определением, радикализация будет пониматься как совокупность убеждений, представлений и установок, которые при определенных обстоятельствах могут привести к решимости присоединиться к насильственным экстремистским группам или заняться насильственной экстремистской деятельностью (включая террористические акты). Второй термин – «экстремизм» – означает приоритет идеологических целей над всеми остальными⁴⁸.

⁴⁴ Исмаилов И., Сaitкулов К.А. Виктимологическая профилактика правонарушений в законодательстве Республики Узбекистан // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologicheskaya-profilaktika-pravonarusheniy-v-zakonodatelstve-respubliki-uzbekistan>

⁴⁵ План действий по предупреждению насильственного экстремизма (A/70/674) // URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/reports/plan-action-prevent-violent-extremism-a70674>

⁴⁶ Подход, основанный на участии всего общества, к П/БНЭРВТ. Руководство для Центральной Азии. Опубликовано Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе Вена, июль 2020 г.

⁴⁷ The Development Response to Violent Extremism and Insurgency: Putting Principles into Practice (United States Agency for International Development, September 2011), p.2. Доступно на: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/Pdacs400.pdf

⁴⁸ Шмидт А.П. Радикализация, дерадикализация, контррадикализация: концептуальное обсуждение и обзор литературы, ICCT Исследовательский доклад, март 2013 г., Гаага, 2013.

Таким образом, можно констатировать:

- экстремизм представляет собой деятельность, использующую в качестве основных методов как насильственные способы разрешения конфликтов, так и ненасильственные (пропаганда исключительно на основании какого-либо признака и т.д.), и направленную на какие-либо цели, представляющие опасность для стабильности политических режимов, а также прав и свобод граждан;
- экстремизм подразумевает под собой совокупность противоправных деяний, которые опираются на совокупность идей либо идеологических установок, обосновывающих свое существование неприятием каких-либо защищаемых силой закона общественных реалий;
- понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» достаточно часто в НПА оказываются тождественными, либо имеющими тесную взаимосвязь. Иными словами, идеологическую и практическую составляющую экстремизма необходимо детально разграничивать⁴⁹.

3.2. ТРАКТОВКИ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевой термин для целей настоящего исследования – **радикализм**. Общепринятой трактовки термина радикализм не существует. Данный феномен характеризуется желанием общественно-политических деятелей и иных субъектов общественных отношений изменить существующий строй коренным образом, то есть преобразовать всю существующую систему. Феномен часто получает распространение в кризисные, переходные исторические периоды, когда возникает угроза существованию, традициям и привычному укладу общества или определенных его слоев и групп. Этим термином обозначается стремление доводить политическое или иное мнение до его конечных логических и практических выводов, не примиряясь ни с какими компромиссами. Однако радикализм не всегда использует радикальные методы для изменения существующего строя. Так называемый «умеренный» радикализм, хотя и не отрицает перспективы применения насилия в процессе преобразований, однако, преимущественно использует более гуманные методы внедрения изменений. То, что радикализм может использовать нерадикальные методы, не является противоречием, так как тот результат, которого он стремится достичь с помощью этих методов, все равно носит характер коренной, то есть радикальной перестройки установленного порядка⁵⁰.

Основное внимание в исследовании должно быть уделено более широкому процессу радикализации, который связан с установками. Это совокупность убеждений, представлений и установок, которые при определенных обстоятельствах могут привести к решимости присоединиться к насильственным экстремистским группам или заниматься насильственной экстремистской деятельностью (включая террористические акты)⁵¹.

⁴⁹ Венцель С.В. Особенности понимания термина «экстремизм» в законодательстве постсоветских государств (за исключением стран Балтии): сравнительный аспект // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ponimaniya-termina-ekstremizm-v-zakonodatelstve-postsovetskikh-gosudarstv-za-isklyucheniem-stran-baltii-sravnitelnyy>

⁵⁰ Бороздин А. Н. Радикализм как социально-политический феномен // Политика и политические науки. – 2015 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/radikalizm-kak-sotsialno-politicheskiy-fenomen>

⁵¹ Шмидт А.П. Радикализация, дерадикализация, контррадикализация: концептуальное обсуждение и обзор литературы, ICCT Исследовательский доклад, март 2013 г., Гаага, 2013 г.

Радикализация – это процесс, посредством которого индивид или группа людей начинают разделять все более жестокие и экстремальные политические, социальные, культурные и религиозные идеологии. Существует также понятие «**саморадикализация**» – ситуация, когда человек приходит к принятию все более насильственных и экстремистских политических, социальных, культурных и религиозных идеологий, не обязательно под влиянием со стороны члена какой-либо группы воинствующих экстремистов, хотя на него ранее могли повлиять идеологии этой группы.

Второй термин – «**экстремизм**» – означает приоритет идеологических целей над всеми остальными. **Экстремизм** – это приверженность крайним взглядам, методам действий. Экстремизму подвержены как отдельные люди, так и организации, преимущественно политические и религиозные. Среди политических экстремистских действий можно отметить провокацию беспорядков, террористические акции, ведение партизанской войны. Наиболее радикально настроенные экстремисты часто отрицают в принципе какие-либо компромиссы, переговоры, соглашения. Росту экстремизма обычно способствуют социально-экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня населения, тоталитарные политические режимы с подавлением властями оппозиции, преследованием инакомыслия, внешней интервенцией.

Экстремистская позиция не представляет угрозу для общества, если она уважает «жизнь и права других». Однако она становится негативной, если начинает оправдывать жестокость к стадии насильственного экстремизма, который поддерживает насилие и угнетение для достижения экстремальных политических или идеологических целей⁵².

Еще один из ключевых терминов исследования – «**толерантность**». В соответствии с Декларацией принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995 г.): Ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям⁵³.

Характеристика определения толерантности в Преамбуле Устава ООН звучит следующим образом: «Проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи». Здесь лексема получает не только действенную, социально активную окраску, но и рассматривается как условие успешной социализации (интеграции в систему общественных отношений), заключающееся в умении жить в гармонии, как с самим собой, так и с миром людей (микро- и макросредой).

Толерантность не равносильна безразличию. Она не означает также принятия иного мировоззрения или образа жизни, она заключается в предоставлении другим права жить в соответствии с их собственным мировоззрением. Она является признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции. Толерантность означает уважение,

---

⁵² Насритдинов Э. и др. Уязвимость и устойчивость молодых людей в Кыргызстане к радикализации и экстремизму: анализ в пяти сферах жизни // САР, № 212, Январь 2019 // URL: <https://www.centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2019/02/Уязвимость-и-устойчивость-молодых-людей-в-Кыргызстане-к-радикализации-и-экстремизму.pdf>

⁵³ Декларация принципов терпимости. Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml

принятие и правильное понимание других культур, способов самовыражения и проявления человеческой индивидуальности⁵⁴.

Нужно подчеркнуть, что толерантность может толковаться максимально широко вплоть до отождествления с универсальной основой социальной жизни как таковой. На эту многозначность толерантности указывает В. Лекторский, выделяя три возможных способа ее понимания. Первый, «толерантность как безразличие», предполагает существование мнений, истинность которых никогда не может быть доказана (религиозные взгляды, специфические ценности разных культур, особенные этнические верования и убеждения и т.д.). Второй, «толерантность как невозможность взаимопонимания», ограничивает проявление терпимости уважением к другому, которого вместе с тем понять невозможно и с которым невозможно вести диалог. И, наконец, «терпимость как расширение собственного опыта и критический диалог» позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою в результате критического диалога⁵⁵. В основе этой трактовки толерантности лежит прагматический подход, ориентированный на утверждение эмпирически обретаемых моделей социального взаимодействия, оберегающих общие интересы. Именно прагматический разум позволяет создаться единству.

Что касается трех стран ЦА, хотя положения об экстремизме появились в национальных законодательствах КР, РТ и РУз в начале 1990-х годов, специализированные законы о противодействии экстремизму были приняты в КР⁵⁶ только в 2005 году, РТ – в 2007 году⁵⁷, РУз – в 2018 году⁵⁸. Юридическое определение экстремизма в них чрезмерно широкое, что ведет к правовой неопределенности, непредсказуемой правоприменительной практике, в том числе – преследованиям по политическим мотивам. Эксперты отмечают, что настало время согласовывать между собой применяемые термины хотя бы в их ключевых трактовках⁵⁹.

В целом, анализ законодательной базы должен быть предметом отдельного исследования. Тем не менее, следует отметить наличие трех общих элементов в определениях экстремизма в законодательствах всех трех стран:

1. Насильственное изменение основ конституционного строя.
2. Нарушение территориальной целостности страны.
3. Разжигание вражды (розни), ненависти и унижения человеческого достоинства по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности или принадлежности к определенной социальной группе.

⁵⁴ Википедия. Свободная энциклопедия // Толерантность (социология) // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F

⁵⁵ Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии.– 1997.№ 11.URL: <https://culture.wikireading.ru/70301>

⁵⁶ Закон КР № 150 «О противодействии экстремистской деятельности» от 17 августа 2005 г. (в редакции Закона КР от 18 февраля 2014 года № 32) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1748>

⁵⁷ Закон РТ «О противодействии экстремизму» (с изменениями, внесенными Законом РТ № 226 от 5 марта 2007 г. и № 1146 от 27 ноября 2014 г.).

⁵⁸ Закон № ЗРУ-489 «О противодействии экстремизму» от 30 июля 2018 г. // <https://www.uzdaily.uz/articles-id38719.htm> https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=108616

⁵⁹ Орлова И.А. Согласованность законодательства государств как один из путей повышения эффективности в борьбе с экстремизмом // Пути гармонизации межнациональных отношений и профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде. СПб.: РГПУ, 2016. С. 170-175 // URL: <https://pureportal.spbu.ru/publications/согласованность-законодательства-государств-как-один-из-путей-по>

Определения экстремизма в законодательстве всех трех стран сфокусированы на необходимости борьбы с терроризмом, а не на антидискриминационном подходе. Этот подход основан на Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 года, подписанной всеми тремя странами.

В государствах, где предпринимались попытки объединить антитеррористический и антидискриминационный подходы в рамках закона, результатом стало чрезвычайно широкое определение экстремизма. Согласно этим определениям экстремизм включает в себя все: от террористического акта с массовыми жертвами до репоста фотографии с флагами запрещенных структур в социальной сети, а в некоторых странах – просто владение листовкой или книгой, включенной в реестр экстремистских материалов.

В результате, «радикализация» часто становится синонимом роста религиозности: в качестве опосредованных ее индикаторов называются увеличение количества мечетей (и сравнение этих данных с числом школ), халал-заведений общественного питания, число людей, отказывающихся от определенных медицинских услуг по религиозным причинам. В экспертной среде и публичных высказываниях политических и общественных деятелей в доказательство аргумента о повышении радикализации в обществе высказываются ничем не подкрепленные убеждения, основанные на собственной субъективной оценке («на улицах стало больше девушек в хиджабах и молодых людей с бородой» и т.д.).

В то время как в официальном дискурсе в вопросе противодействия угрозам терроризма и религиозного экстремизма главную роль играют инструменты коллективной безопасности (деятельность в рамках региональных объединений, ставящих одной из своих целей борьбу с вышеуказанными явлениями), экспертное сообщество практически единогласно утверждает, что терроризм – проблема внутреннего характера, которую возможно решать только собственными силами. Исключением здесь может стать лишь информационный обмен и сотрудничество на уровне спецслужб. В экспертном сообществе РУз и особенно РТ гораздо чаще утверждается необходимость доминирования государства в антитеррористической и антиэкстремистской деятельности, чем в КР. Специалисты из КР главный упор делают на роль гражданского общества, образование, религиозное просвещение как основных инструментов противодействия радикальным течениям в сочетании с либеральной религиозной политикой⁶⁰.

---

⁶⁰ Исламофобия и язык вражды в СМИ и Интернете КР // URL: <http://www.camediators.net/ru/209-doklad-islamofobiya-i-yazyk-vrazhdy-v-smi-i-internetekr-byi-predstavlen-na-forume-v-bishkeke.html>

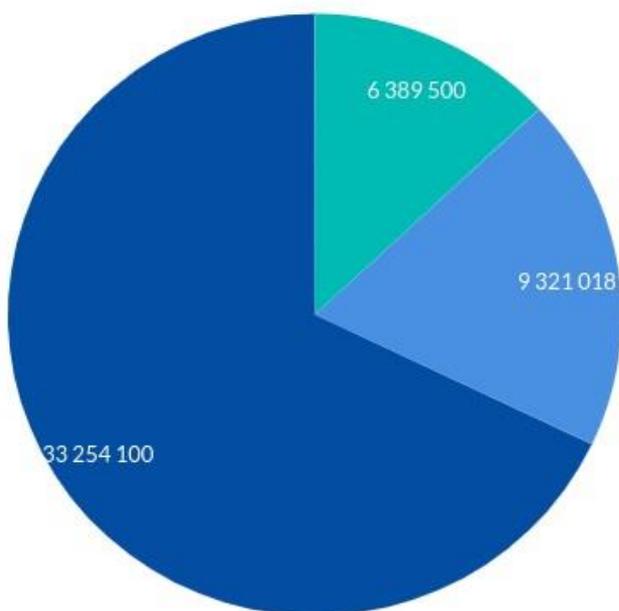
4. ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СТРАН

4.1. ДЕМОГРАФИЯ

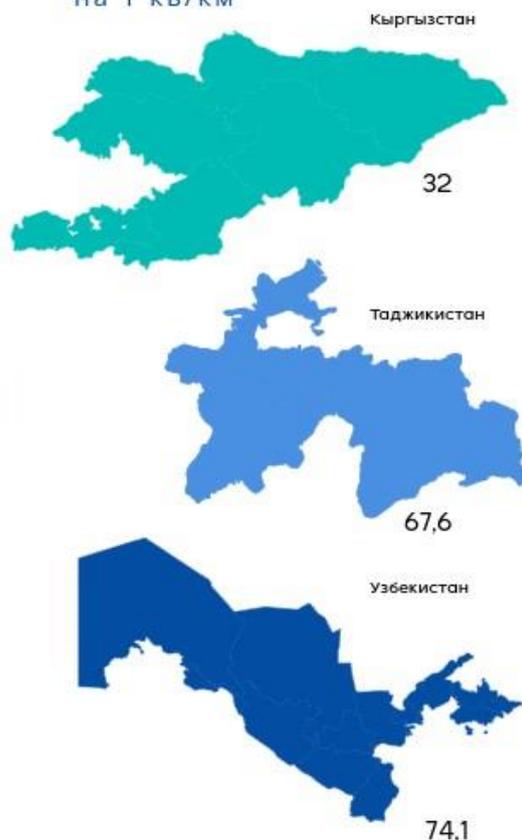
Основные демографические показатели

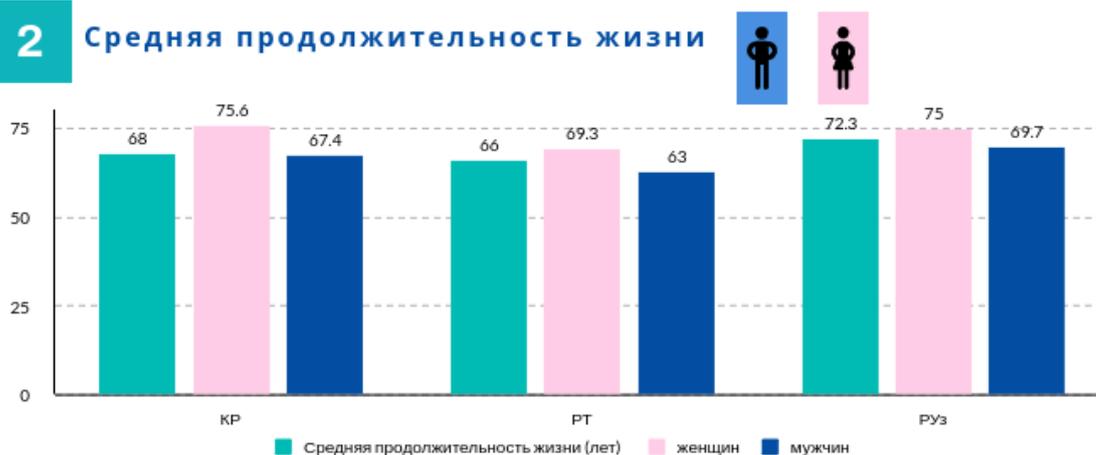
Численность населения

Плотность населения, чел. на 1 кв/км

2 Средняя продолжительность жизни

3 Прирост населения

ФАКТОРЫ УЯЗВИМОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ МОЛОДЕЖИ КЫРГЫЗСТАНА,
ТАДЖИКИСТАНА, УЗБЕКИСТАНА К РИСКАМ РАДИКАЛИЗАЦИИ И ЭКСТРЕМИЗМА

Таблица 3. Основные демографические показатели

	КР	РТ	РУз
Численность населения	6 389 500 ⁶¹	9 321 018	33 254 100 ⁶²
Плотность населения, чел. на 1 кв/км	32 ⁶³	67,6	74,1 ⁶⁴
Средняя продолжительность жизни	68 лет ⁶⁵	66 лет	72,3 ⁶⁶
мужчин	67,4	63.0	69.7
женщин	75,6	69.3	75.0
Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число рожденных детей на одну женщину)	3.3 ⁶⁷	3,8	2,7 ⁶⁸
Прирост населения, тыс. чел	134,0 ⁶⁹ 102,1%	200,8 101,3 % ⁷⁰	597,4 ⁷¹ 101.8 %. ⁷²

КР, РТ и РУз отличаются по своим демографическим показателям.

РУз – самая большая по территории (448,9 тыс. кв. км) и густонаселенная страна с высокой плотностью населения, распределенного крайне неравномерно: есть малонаселенные территории (Каракалпакстан, Навоийская область) и густонаселенные регионы (Ташкентская область, Ферганская долина, Хорезмский оазис). В РУз также наблюдается наибольший ежегодный прирост населения.

РТ имеет меньшую территорию (141,4 тыс. кв. км) и горные местности, что обуславливает очень высокую плотность населения. При этом суммарный коэффициент рождаемости (среднее число рожденных детей на одну женщину) в РТ выше, чем в двух соседних странах, что в будущем приведет к дальнейшему росту плотности населения. Однако эта тенденция во многом зависит от показателей миграционного оттока.

КР – страна с самой низкой плотностью населения, однако, учитывая, что из 199 951 кв. км 94 % территории страны составляют горы (при этом примерно половина

⁶¹ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Национальный состав населения (оценка на начало года, человек) // URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/>

⁶² Брошюра Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике. Демографическая ситуация (предварительные данные по состоянию на 1 января 2019 года) // URL: <https://stat.uz/uploads/docs/demog-yan-dek-ru18.pdf>

⁶³ Проект Countrymeters. Население Кыргызстана. // URL: https://countrymeters.info/ru/Kyrgyzstan#population_density

⁶⁴ Брошюра Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике. Демографическая ситуация (предварительные данные по состоянию на 1 января 2019 года) // URL: <https://stat.uz/uploads/docs/demog-yan-dek-ru18.pdf>

⁶⁵ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2020). World Mortality 2019 (ST/ESA/SER.A/437). // URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/mortality/WMR2019/World_Mortality_2019.pdf

⁶⁶ Website «world health rankings live longer live better». Узбекистан: продолжительность жизни. URL: <https://www.worldlifeexpectancy.com/ru/uzbekistan-life-expectancy>

⁶⁷ Женщины и мужчины Кыргызской Республики: 2016–2020. С. 26. Бишкек: 2021 – 307 с. URL: <http://www.stat.kg/ru/publications/sbornik-zhenshiny-i-muzhchiny-kyrgyzskoj-respubliki/>

⁶⁸ Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://gender.stat.uz/ru/osnovnye-pokazateli/demografiya/rozhdaemost/1051-32523523523>

⁶⁹ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Естественный прирост населения (человек) // URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/144/>

⁷⁰ Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Статистический ежегодник РТ 2020 URL: <https://stat.tj/ru/news/publications/statistical-yearbook>

⁷¹ Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. Демография. Основные демографические показатели. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography>

⁷² Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. Демография. Основные демографические показатели. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography>

площади расположена выше 1500 м над уровнем моря, из них 41% относится к суровым высокогорьям, расположенным выше 3000 м), плотность населения в долинах, особенно Ферганской, высокая.

Средняя продолжительность жизни по данным официальной статистики в РУз выше, также в этой стране меньше всего гендерный разрыв в продолжительности жизни – мужчины живут на 5,3 года меньше женщин. Для сравнения этот показатель в РТ составляет 6,3 года, в КР – 8,2 года.

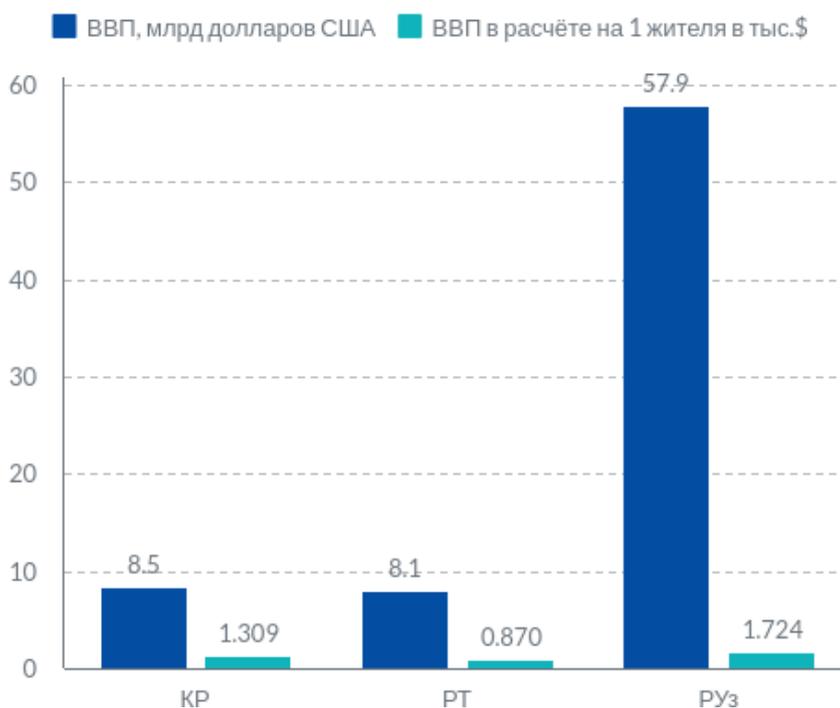
4.2. ЭКОНОМИКА, РЫНОК ТРУДА, УРОВЕНЬ БЕДНОСТИ

По уровню ВВП, а также по показателю ВВП в расчете на одного жителя страны, лидирует РУз. В ВВП этой страны большую, чем у соседей, долю занимает сельское хозяйство. При этом меньше зависимость бюджета от денежных переводов мигрантов, по официальным данным – меньше уровень бедности, но выше уровень безработицы.

В РТ наименьший показатель ВВП на душу населения и наиболее высокий уровень бедности при незначительном числе безработных.

Зависимость от поступлений денежных переводов мигрантов в КР и РТ примерно одинаковая (28,5 и 28,6 % соответственно).

Основные экономические показатели по данным за 2020 год

ФАКТОРЫ УЯЗВИМОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ МОЛОДЕЖИ КЫРГЫЗСТАНА, ТАДЖИКИСТАНА, УЗБЕКИСТАНА К РИСКАМ РАДИКАЛИЗАЦИИ И ЭКСТРЕМИЗМА

Таблица 4. Основные экономические показатели по данным за 2020 год

	КР	РТ	РУз
ВВП, млрд долларов США	8.5 млрд ⁷³	8.1 млрд	57,9 млрд ⁷⁴
ВВП в расчете на 1 жителя	\$1309.4 ⁷⁵	\$870.8	\$1724 ⁷⁶
Сельское хозяйство в % от ВВП	12,1 % ⁷⁷	19,2 %	28,1 % ⁷⁸
Денежные переводы в % от ВВП	28,5 % ⁷⁹	28,6 %	8,1 % ⁸⁰
Уровень безработицы	5,5 % ⁸¹	2,1 % ⁸²	9,0 % ⁸³
Уровень бедности по национальному определению	20,1 ⁸⁴	27,5 % ⁸⁵	11,0 % ⁸⁶
Доля населения, потребляющего менее 2100 ккал в день	6,4 % ⁸⁷	Нет данных	2,6 % ⁸⁸

Учитывая, что многие исследования по радикализации в качестве одной из ее причин называют протестные настроения, основанные на высоком уровне бедности и безработицы, важно отследить изменение этих показателей в каждой из стран в сравнении и в динамике по годам. Такую возможность дают данные, собираемые Межгосударственным статистическим комитетом СНГ по индикаторам ЦУР за период с 2015 по 2018 гг.

Так, по показателю ЦУР 1.2.1 можно проследить, что по официальным данным уровень бедности в РУз оценивался в 2015 году как самый низкий из трех стран (12,8 % бедных от общей численности населения) и сокращение ее масштабов идет медленно.

КР, имевшая в 2015 году самую большую долю бедного населения (32,1 %), добилась ее сокращения за 4 года почти на 10 процентных пунктов.

В РТ сокращение бедности произошло всего на 3,6 процентных пункта, и в 2018 году эта цифра составила 27,4 %.

⁷³ Экономист. Финансовое интернет-издание. URL: <https://economist.kg/2020/12/08/kyrgyzstan-znachitelno-otstает-ot-drugih-stran-eaes-po-obemu-vvp-na-dushu-naseleniya-nacstatkom/>

⁷⁴ Интернет-издание Spot. Цифра: сколько составил ВВП Узбекистана в 2019 году. URL: <https://www.spot.uz/ru/2020/01/29/gdp/http://www.stat.kg/ru/opendata/category/1/>

⁷⁵ Интернет-издание Spot. Цифра: сколько составил ВВП Узбекистана в 2019 году. URL: <https://www.spot.uz/ru/2020/01/29/gdp/>

⁷⁶ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Валовой внутренний продукт. URL: <http://stat.kg/ru/news/struktura-valovogo-vnutrennego-produkta-za-2019-god/>

⁷⁷ Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике январь-декабрь 2019 года Сельское, лесное и рыбное хозяйство https://stat.uz/uploads/docs/qishloq_xo'jaligi_dekabr_ru.pdf

⁷⁸ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Структура валового внутреннего продукта. URL: <http://stat.kg/ru/news/struktura-valovogo-vnutrennego-produkta-za-2019-god/>

⁷⁹ Интернет-издание Spot. Цифра: сколько составил ВВП Узбекистана в 2019 году. URL: <https://www.spot.uz/ru/2020/03/17/russia/>

⁸⁰ Кыргызская Республика: Устойчивое восстановление... на фоне существующих недостатков. В зоне особого внимания: Трудовая миграция. Обзор экономики Кыргызской Республики №6. Осень/зима 2017г. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/ru/987271517230056742/pdf/Economic-update-with-a-special-focus-on-labor-migration.pdf>

⁸¹ Уровень безработицы (число официально признанных безработных в % к экономически активному населению)

⁸² Государственный комитет Республики Узбекистан. Раздел «Уровень безработицы». URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/labor-market>

⁸³ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Уровень бедности (в процентах). URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/120/>

⁸⁴ Новостное агентство Sputnik Таджикистан. <https://tj.sputniknews.ru/country/20191226/1030454543/tadzhikistan-uroven-bednosti-rahmon-otchet.htm> Совпадает с оценкой ВБ: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/infographic/2019/10/17/poverty-in-tajikistan-2019>

⁸⁵ Государственный комитет Республики Узбекистан. Раздел «Доля малообеспеченного населения» <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/living-standards>

⁸⁶ ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ. 2020 год. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2020. Преобразование продовольственных систем для обеспечения финансовой доступности здорового питания. Рим, ФАО https://doi.org/10.4060/ca9692ru // http://www.fao.org/3/ca9692ru/online/ca9692ru.html#chapter-a1_1

⁸⁸

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СТРАН

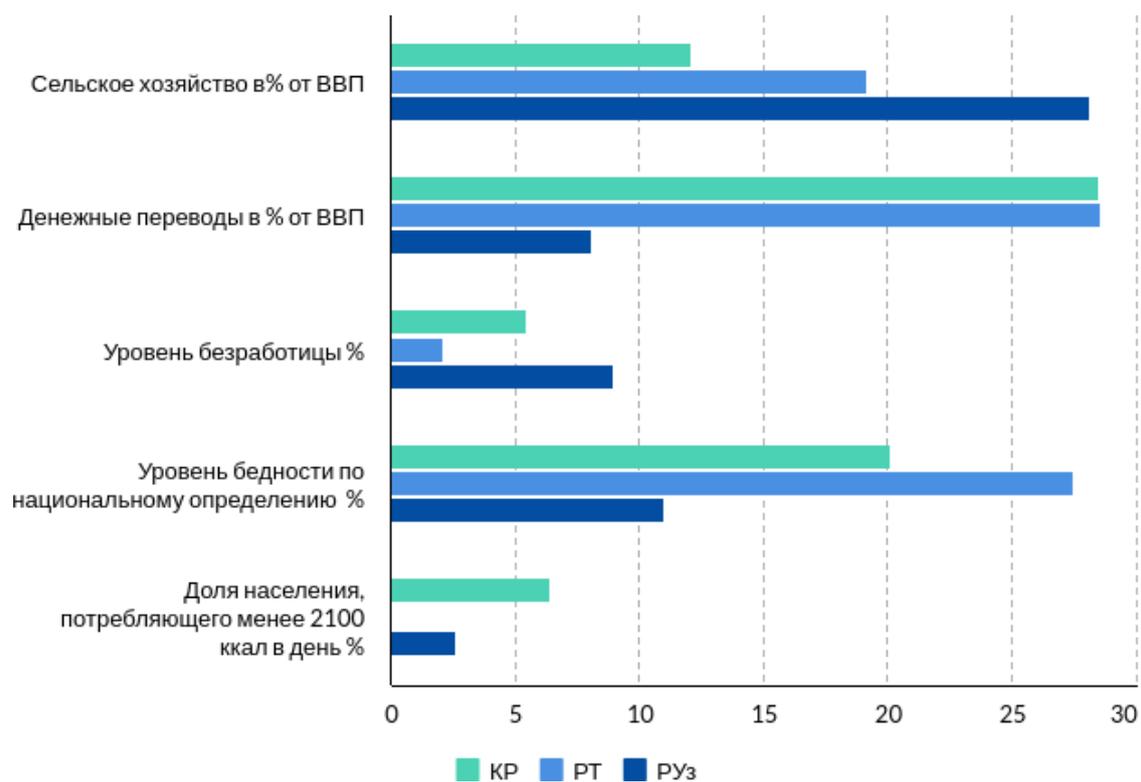
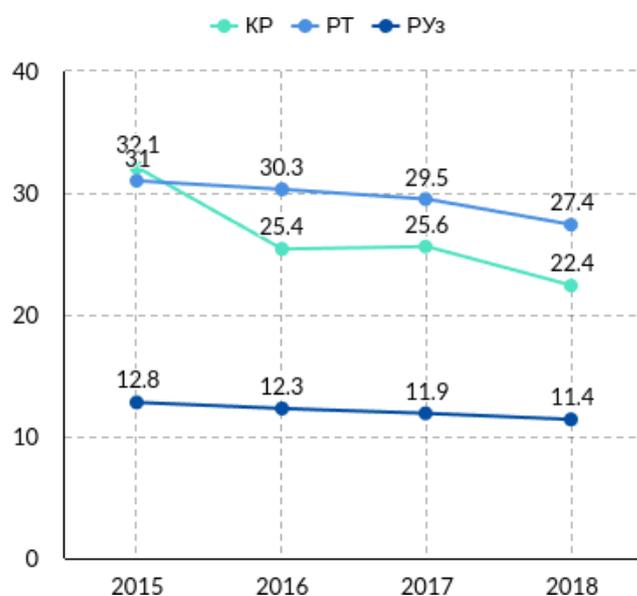

Таблица 5. Доля населения страны, живущего за национальной чертой бедности⁸⁹

	2015	2016	2017	2018
КР	32,1	25,4	25,6	22,4
РТ	31,0	30,3	29,5	27,4
РУз	12,8	12,3	11,9	11,4

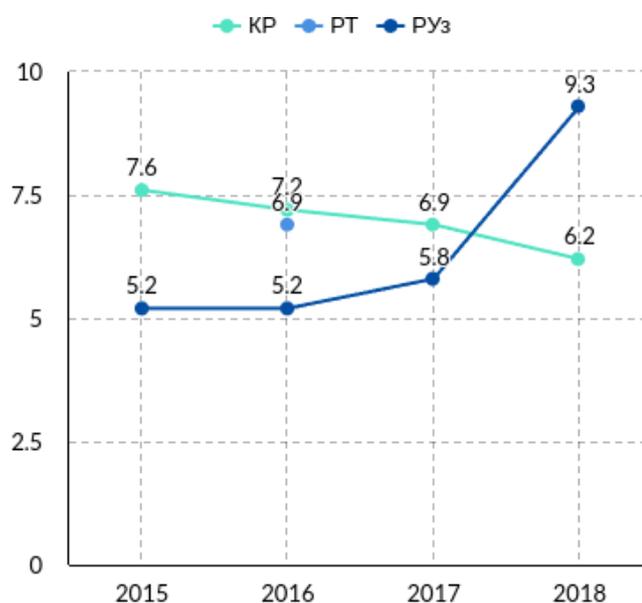
⁸⁹ Мониторинг показателей ЦУР в регионе СНГ 2015-2018: статистический сборник / Межгосударственный статистический комитет СНГ – М., 2020 – С. 136 // URL: http://www.cisstat.com/rus/sb-monitoring_2015-2018.pdf, С. 20

ФАКТОРЫ УЯЗВИМОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ МОЛОДЕЖИ КЫРГЫЗСТАНА, ТАДЖИКИСТАНА, УЗБЕКИСТАНА К РИСКАМ РАДИКАЛИЗАЦИИ И ЭКСТРЕМИЗМА

Из-за отсутствия данных динамику развития ситуации с безработицей в РТ можно отследить только, сравнив показатель за 2016 год (6,9%) и 2020 год (2,1%). В КР наблюдается медленное, но устойчивое снижение показателя, в то время как в РУз в последние годы число безработных выросло.

Таблица 6. Уровень безработицы (в % от общей численности рабочей силы)⁹⁰

	2015	2016	2017	2018
КР	7,6	7,2	6,9	6,2
РТ	-	6,9	-	-
РУз	5,2	5,2	5,8	9,3

Главной особенностью рынка труда **КР** является избыток рабочей силы из-за высоких темпов прироста населения трудоспособного возраста. На протяжении последних лет предложение труда превышало спрос примерно на 33 %. Трудоспособное население составляет 3 669,9 тыс. человек, занятое население 2 442,7 тыс. человек.

По состоянию на 1 января 2013 года молодежь (возрастная группа 14–28 лет) составила 1 млн 657 тыс. человек, или 30 % всего населения республики и 68 % экономически активного населения.

В последние годы отмечается тенденция некоторого снижения численности населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения (на конец 2015г. –59,6 %, на конец 2019г. – 57,4 %). Данная тенденция отчасти обусловлена вступлением в трудоспособный возраст подростков, родившихся в конце 1990-х годов, когда в стране отмечалось сокращение рождаемости. Так, только за последние десять лет численность 16–19-летних подростков сократилась с 468,2 тыс. человек на конец 2010 г. до 394,0 тыс. человек на конец 2019 г., т.е. на 74,2 тыс. человек, или на 15,8 %.

⁹⁰ Там же. С. 142

Также как и в остальных двух странах, в **РТ** молодежь активно вступает в трудоспособный возраст, за счет чего происходит прирост рабочей силы (занятых экономической деятельностью и безработных) на рынке труда. Отмечается рост трудовых ресурсов за 2013–2019 гг. на 13,6 %.

В **РУз** ежегодный прирост трудовых ресурсов происходит за счет того, что молодежь вступает в трудоспособный возраст (16–60 лет для мужчин, 16–55 лет – для женщин). Учитывая, что ежегодно определенная часть населения выходит за пределы трудоспособного возраста, мы имеем следующий прирост «экономически активного населения» в год: 2015 г. – 262,3 тыс., 2016 г. – 254,7 тыс., 2017 г. – 334,9 тыс., 2018 г. – 284,4 тыс., 2019 г. – 234,7 тыс. Данные цифры представляют собой разницу между вступившей в трудоспособный возраст молодежью (16 лет) и пожилыми людьми, которые выходят из трудоспособного возраста (но при этом многие продолжают трудиться, поэтому ситуация на рынке труда достаточно острая⁹¹).

В РУз на 1000 человек трудоспособного населения приходится 681 нетрудоспособный человек (дети, инвалиды, пенсионеры). Нагрузка на работающих людей растет: в 2016 г. она составляла 640:1000. Но ситуация в стране благоприятна, из каждых 681 нетрудоспособных граждан 509 – дети от 14 лет и младше, и только 172 – старшее поколение. Значит, через 10–20 лет ситуация будет только лучше, число пополняющих бюджет граждан вырастет, а это благоприятно скажется на развитии государства⁹².

4.3. ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ СОСТАВ

Все три страны ЦА, вовлеченные в реализацию Проекта, являются полиэтническими. При этом доля этнических меньшинств в составе населения больше всего в КР – 26,4 %; для сравнения этот показатель в РТ – 15,7 %, в РУз – 16,2 %.

Этнический состав населения **КР** остается стабильным в течение последних трех лет: 73,5 % населения – кыргызы, 14,9 % – узбеки, 5,3 % – русские, 1,1 % – дунгане, 0,9 % – таджики, уйгуры и др.⁹³.

По данным переписи 2010 года в **РТ** таджики (с памирцами, ягнобцами и язгуламцами) составляли 84,3 %, узбеки – 12,2 % (с близкими им народностями, в том числе теми, кто идентифицировал себя по племенной принадлежности, как лакайцы, барласы, карлуки, в том числе катаганы, дурмены, минги, юзы и т.д.) – 13,9 %, кыргызы – 0,8 %, русские – 0,5 %, туркмены – 0,2 %⁹⁴.

РУз – узбеки составляют 83,8 % населения (2019 г.)⁹⁵. Наиболее крупными этническими группами являются таджики – 4,81 %, казахи – 2,5 %, русские – 2,33 %, каракалпаки – 2,21 %. Каракалпаки имеют свою Республику (Суверенная Республика Каракалпакстан) в составе Узбекистана. Среди других заметных этнических групп: кыргызы – 0,85 %, татары – 0,61 %, туркмены – 0,6 %, корейцы – 0,55 %, украинцы – 0,22 % и др.

⁹¹ Рынок труда // Государственный комитет республики Узбекистан по статистике // URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/labor-market>

⁹² Сколько на населения в Узбекистане // Гид по Узбекистану // URL: <https://uzbekistangid.ru/politika/skolko-naseleniya-v-uzbekistane>

⁹³ Кабак Д. Эсенгельдиев А. Свобода вероисповедания в Кыргызской Республике // URL: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CCPR/Shared%20Documents/KGZ/INT_CCPR_CSS_KGZ_16202_R.pdf

⁹⁴ Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. https://www.stat.tj/ru/img/526b8592e834fcaaccec26a22965ea2b_1355501132.pdf

⁹⁵ Население Узбекистана, информация и статистика // Статистика и показатели. Региональные и федеральные // URL: <https://rosinfostat.ru/naselenie-uzbekistana/#i-3>

Таблица 7. Этнический состав (наиболее крупные этносы), в процентах

	КР ⁹⁶	РТ	РУз
Кыргызы ⁹⁷	73,6	0,8	0,8
Таджики	0,9	84,3	4,8
Узбеки	14,9	12,2/13,9	83,8
Русские	5,3	0,5	2,3
Казахи	0,6	входят в «другие»	2,5
Каракалпаки	входят в «другие»	входят в «другие»	2,2
Дунгане	1,1	входят в «другие»	входят в «другие»
Уйгуры	0,9	входят в «другие»	0,2
Туркмены	0,03	0,2	0,6
Корейцы	0,3	входят в «другие»	0,5

Как видно из таблицы, узбеки являются самым крупным этническим меньшинством и в КР, и в РТ. Доли таджиков в КР и кыргызов в РТ примерно равны. Русские в КР составляют 5,3 %, в РУз – 2,3 %, в то время как в РТ – только 0,5 %.

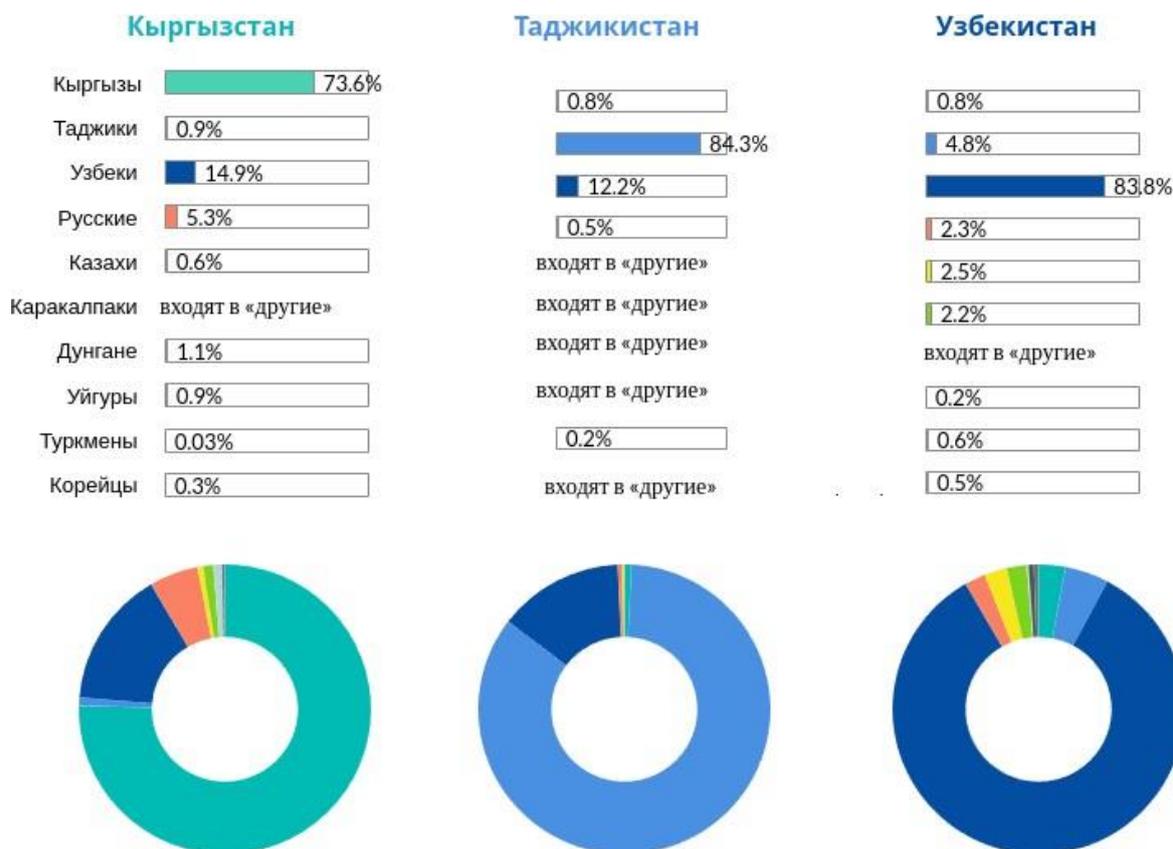
Что касается религиозного состава населения, точных данных в странах ЦА не существует, потому что по сложившейся практике, религиозная принадлежность не входит в перечень вопросов, задаваемых в ходе официальных переписей населения. В РТ этот вопрос в анкету для переписей ввели в 2019 году, но результаты переписи 2020 года пока не опубликованы.

Чаще всего в экспертных оценках религиозной принадлежности населения стран региона используется подход, когда всех представителей определенных этнических групп автоматически причисляют к той конфессии, к которой они исторически принадлежат. То есть общее число мусульман получается механическим суммированием численности узбеков, каракалпаков, казахов, таджиков, кыргызов, туркмен, татар, башкир, азербайджанцев и т.д. При этом все русские автоматически считаются православными, все армяне – григорианами, все евреи – иудеями, все поляки – католиками, все немцы – лютеранами и т.д. Здесь не учитывается тот факт, что человек может не принадлежать к конфессии «своей» этнической группы (прозелитизм, стремление обратить других в свою веру, в государствах ЦА не поощряется, но на практике существует), быть атеистом или безрелигиозным, равнодушным к конфессиональным вопросам.

⁹⁶ Данные НСК КР на 2019 год // URL: <http://stat.kg/ru/publications/demograficheskiy-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/>

⁹⁷ Порядок перечисления этносов: крупных – по алфавиту по названию стран, далее – по мере убывания численности

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СТРАН

Так, например, согласно Глобальному индексу религиозности и атеизма WIN/Gallup International за 2012 год только 79 % респондентов из Узбекистана, принявших участие в опросе, считали себя религиозными людьми. Еще 16 % заявили, что они нерелигиозны, 2 % назвали себя убежденными атеистами, 3 % воздержались от ответа⁹⁸. По результатам опроса WIN/Gallup International за 2015 год религиозными себя назвали лишь 51 % респондентов⁹⁹. Это необходимо учитывать при оценке реальной религиозной ситуации в регионе.

Тем не менее, так как оперирование таким механическим образом сложившимися цифрами о религиозности населения стало повседневной практикой и активно используется в публичных, в том числе и официальных, заявлениях, приводим эти данные.

КР: мусульмане – 88,0 %, православные – 11,5 %, другие – 0,5 % (атеисты – 0,4 %, народные верования – 0,1 %) ¹⁰⁰

РТ: мусульмане – 96,8 % (92,4 % сунниты, 4,2 % шииты); христианство – 1,7 %; нерелигиозные и атеисты – 1,3 %, иные религии и культы – 0,2 % ¹⁰¹.

⁹⁸ Религия в Узбекистане // Википедия // URL: https://ru.wikichi.ru/wiki/Religion_in_Uzbekistan

⁹⁹ Более 50% жителей Узбекистана считают себя религиозными людьми // <https://kun.uz/ru/news/2018/06/04/bolee-50-zitelej-uzbekistana-scitaut-seba-religioznymi-ludmi>

¹⁰⁰ Кабак Д. Эсенгельдиев А. Свобода вероисповедания в Кыргызской Республике // URL: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CCPR/Shared%20Documents/KGZ/INT_CCPR_CSS_KGZ_16202_R.pdf

¹⁰¹ Население Таджикистана // URL: <https://countrymeters.info/ru/Tajikistan>

ФАКТОРЫ УЯЗВИМОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ МОЛОДЕЖИ КЫРГЫЗСТАНА,
ТАДЖИКИСТАНА, УЗБЕКИСТАНА К РИСКАМ РАДИКАЛИЗАЦИИ И ЭКСТРЕМИЗМА

РУз: мусульмане – 94 % (в т.ч. 1 % – шииты), 5 % приходится на христиан всех направлений (православие, католицизм, протестантизм и др.), 1 % – представители неисламских и нехристианских конфессий (иудеи, буддисты, кришнаиты, бахаи и др.)¹⁰².

Представляют интерес данные по числу официально зарегистрированных (прошедших учетную регистрацию) религиозных организаций.

Таблица 8. Число зарегистрированных религиозных организаций

	КР¹⁰³	РТ	РУз
Ислам (сунниты-ханафиты)	3026	3 988 ¹⁰⁴	2 087 ¹⁰⁵
Шиитские общины	-	-	6
Русская православная церковь	49	4	38
Исмаилитская община	-	3	-
Римско-католическая церковь	8	3	5
Евангельские христиане-баптисты	61	12	23
Евангельские христиане	4	15	
Новоапостольская церковь	-	3	3
Адвентисты седьмого дня	26	4	9
Христиане полного Евангелия (Пятидесятники)	79	-	56
Евангелическо-Лютеранская церковь	20	-	2
Пресвитериане	48	-	
Протестантские общины	16	-	
Корейские протестантские общины	-	-	26
Харизматы	42	-	-
Христианские миссии	11	3	-
Церкви разных конфессий	-	15	-
Свидетели Иеговы	41	-	1
Армянская апостольская церковь	-	-	2
Иудаизм	1	1	8
Буддизм	1		1
Бахаи	12	7	6
Кришнаиты	-	-	1
Церковь «Глас Божий»	-	-	1
Библейское общество	-	-	1
«Сонмин-Сунбогым»	-	4	-
Итого:	3 445	4062	2 276

Как видно из таблицы, в каждой из стран – участниц Проекта своя собственная система классификации и, соответственно, регистрации религиозных организаций. В этой связи довольно сложно систематизировать сводные данные. Очевидно, что

¹⁰² Дониеров Ш. Религия в Узбекистане // URL: <https://zen.yandex.ru/media/gidvuzbekistane/religiia-v-uzbekistane-608cf5baa1d0372ada6fcfd>

¹⁰³ Данные ГКДР КР на 31.12.2020 // URL: <https://www.din.tj/hisobot>

¹⁰⁴ 49 центральных соборных (на территории города и районах по одной), 327 соборных мечетей (в махалле – от 10 000 до 20 000 человек, в Душанбе – от 30000 до 50000 человек), 3 612 мечетей пятикратной молитвы от 100 до 1 000 человек). Статистический ежегодник РТ, Агентство по статистике при Президенте РТ, 2020 – С. 66.

¹⁰⁵ Включая Центр исламской цивилизации, Международный научно-исследовательский центр Имама ал-Бухарий.

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СТРАН

обмен информацией между государственными органами и экспертным сообществом мог бы быть полезен всем сторонам, способствуя совершенствованию систем учета и критериев отнесения той или иной религиозной организации к определенной группе.

Для достижения целей настоящего исследования имеет значение дать представление об общей картине зарегистрированных религиозных организаций, не вдаваясь в религиозоведческие тонкости, авторы взяли на себя смелость объединить все разнообразные протестантские организации (которые в каждой из стран региона могут называться по-разному) в единую статистическую категорию.

При таком рассмотрении наглядно видно, что наибольшее число организаций различных религиозных меньшинств, прошедших учетную регистрацию, находится в КР.

В РУз, по сравнению с соседними странами, меньше зарегистрированных религиозных организаций, особенно мусульманских. И это при большей общей численности населения (в 5,2 раза больше, чем население КР и в 3,5 раза больше, чем РТ), и преобладании этносов, традиционно исповедующих ислам.

При этом эксперты отмечают: «Узбекистан всегда был интересным и наименее изученным. Как уже многие отметили и некоторые даже подтвердили, страна недавно открылась международной экономике, культурным и исследовательским проектам, и исследование СМИ и радикализации увеличило бы знания об Узбекистане»¹⁰⁶.

Таблица 9. Число зарегистрированных религиозных организаций по основным конфессиям

	КР	РТ	РУз
Ислам (сунниты-ханафиты, шииты, исмаилиты)	3 026	3 991	2 093
Русская православная церковь	49	4	38
Римско-католическая церковь	8	3	5
Различные протестантские направления	348	56	124
Иудаизм	1	1	8
Буддизм	1		1
Бахаи	12	7	6
Кришнаиты	-	-	1
Итого:	3 445	4 062	2 276

Эксперты в КР также отмечают рост числа религиозных объектов. Количество мечетей увеличилось по сравнению с 1991 годом почти в 70 раз: было 39 мечетей, в 2019 году их количество выросло до 2669. Количество церквей выросло в 5 раз. Было 59 святых мест, теперь их число достигло до 276. В 2019 году в КР официально прибыло 57 миссионеров¹⁰⁷.

¹⁰⁶ «Информационные потоки и радикализация, ведущая к насильственному экстремизму в Центральной Азии». С. 83 // URL: https://www.sfcg.org/wpcontent/uploads/2019/08/Information_flows_public_rus.pdf

¹⁰⁷ Кабак Д., Эсенгельдиев А. Свобода вероисповедания в Кыргызской Республике // URL: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CCPR/Shared%20Documents/KGZ/INT_CCPR_CSS_KGZ_16202_R.pdf

4.4. УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ

Состояние и уровень образования в каждой из стран – участниц Проекта имеют значение в контексте наличия очевидной связи с потенциальными возможностями для вовлечения молодых людей в сети вербовки и их последующей радикализации.

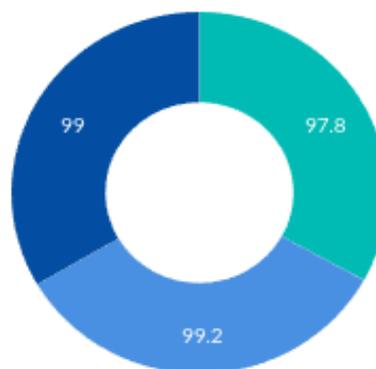
Коэффициент охвата образованием в начальных, основных и средних общеобразовательных организациях по данным официальной статистики всех трех стран высокий (98–99 %), чаще всего неохваченными остаются некоторые дети и молодые люди, которые не могут посещать школу по состоянию физического или ментального здоровья и не вовлечены в систему инклюзивного образования. Уровень грамотности как женщин, так и мужчин также приближен к 100 %.

Таблица 10. Основные показатели в сфере образования

	КР	РТ	РУз
Коэффициент охвата образованием в начальных, основных и средних общеобразовательных организациях (в % к соответствующей возрастной группе)	97,8 ¹⁰⁸	99,2	99 % ¹⁰⁹
Численность детей и подростков 7-17 лет, не охваченных школьным образованием, чел	2834 ¹¹⁰	Нет данных	13437 ¹¹¹
Уровень грамотности	99,8 % ¹¹²	99,77 %	100 % ¹¹³
мужчин	99,5	99,83	100
женщин	99,0	99,72	100
Численность учащихся в детских домах и интернатах, чел	19 329 чел. ¹¹⁴	11 560 чел. ¹¹⁵	23 167 чел. ¹¹⁶

■ КР ■ РТ ■ РУз

Коэффициент охвата образованием в начальных, основных и средних общеобразовательных организациях (в % к соответствующей возрастной группе)

¹⁰⁸ Образование и наука в Кыргызской республике: Статистический сборник // URL: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/e92fa220-6092-4b80-ab66-9941553f73e3.pdf> С.36-37

¹⁰⁹ Абатуров В. Приоритеты образования в Узбекистане. Обзор реформ // URL: <https://review.uz/post/prioritet-obrazovaniya-v-uzbekistane-obzor-reform>

¹¹⁰ Образование и наука в Кыргызской республике: Статистический сборник // URL: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/e92fa220-6092-4b80-ab66-9941553f73e3.pdf> С.37

¹¹¹ Концепция развития системы народного образования РУз до 2030 года // URL: <https://lex.uz/ru/docs/4312783>

¹¹² На 2009 год, согласно данным переписи населения

¹¹³ РУз попала в четверку стран со стопроцентной грамотностью населения // URL: <https://nuz.uz/obschestvo/1190666-uzbekistan-popal-v-chetverku-stran-so-100-proczentnoj-gramotnostyu-naseleniya.html>

¹¹⁴ Образование и наука в Кыргызской Республике. С 37 // URL: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/e92fa220-6092-4b80-ab66-9941553f73e3.pdf>

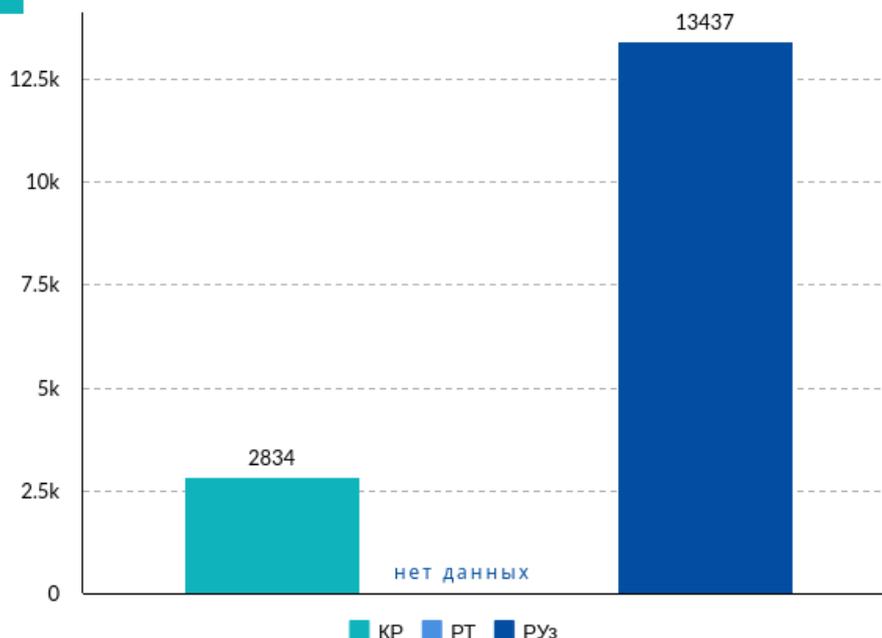
¹¹⁵ Данные за 2019 год. Агентство по статистике при Президенте РТ. Образование в РТ. 2019/2020. С.21

¹¹⁶ Концепция развития системы народного образования РУз до 2030 года // <https://lex.uz/ru/docs/4312783>

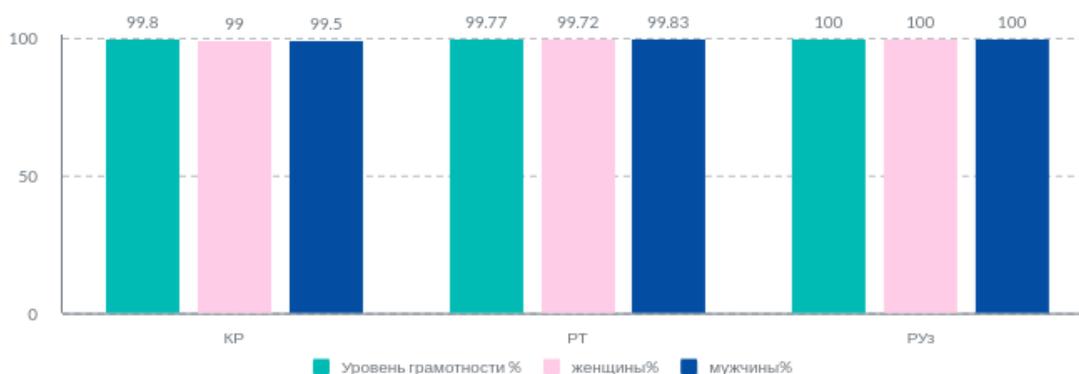
2

Численность детей и подростков 7-17 лет, не охваченных школьным образованием, чел

3

Уровень грамотности

Согласно доступным данным по числу учащихся студентов средних профессиональных учебных заведений (сравнительные данные по показателю ЦУР 4.3.1.), этот вид образования более популярен в РУз, меньше всего в РТ.

Таблица 11. Численность учащихся средних профессиональных учебных заведений на 10 000 человек населения¹¹⁷

	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19
КР	155	154	153	149
РТ	81	88	92	96
РУз	474	455	356	219

¹¹⁷ Мониторинг показателей ЦУР в регионе СНГ 2015-2018: статистический сборник/ Межгосударственный статистический комитет СНГ – М., 2020 –136 с.http://www.cisstat.com/rus/sb-monitoring_2015-2018.pdf, С. 51

**ФАКТОРЫ УЯЗВИМОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ МОЛОДЕЖИ КЫРГЫЗСТАНА,
ТАДЖИКИСТАНА, УЗБЕКИСТАНА К РИСКАМ РАДИКАЛИЗАЦИИ И ЭКСТРЕМИЗМА**

Что касается высшего образования, больше всего студентов на 10000 человек населения приходится на долю КР, меньше всего – в РУз. Последнее обстоятельство привело к появлению новой тенденции, появившейся в приграничных регионах, когда большое число студентов, граждан РУз, получают образование в вузах г. Ош, Джалал-Абада и Баткена.

Таблица 12. Численность студентов высших учебных заведений на 10 000 человек населения¹¹⁸

	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19
КР	346	298	269	268
РТ	206	214	219	232
РУз	84	84	91	108

Интересные данные получены в результате сравнения индекса гендерного паритета в системе образования. В соответствии с определением ЮНЕСКО, соотношение женщин и мужчин на разных уровнях образования:

- равное 1, означает равенство полов;
- от 0 до 1 – преобладание мужчин;
- больше 1 – преобладание женщин.

Как видно из таблицы 13, в дошкольном и школьном образовании во всех трех странах чуть больше мальчиков, чем девочек. В средних профессиональных учреждениях в КР и РТ преобладают женщины. Что касается высшего образования, больше всего девушек среди студентов в КР, они составляют 55,2 %¹¹⁹, меньше всего девушек-студенток в РТ.

Таблица 13. Индекс гендерного паритета в системе образования в 2018 году¹²⁰

	Соотношение численности воспитанников и учащихся по полу			
	Дошкольные учреждения	Дневные общеобразовательные учреждения	Средние профессиональные учреждения	Высшие учебные учреждения
КР	0,96	0,97	1,28	1,12
РТ	0,81	0,93	1,64	0,57
РУз	0,89	0,95	0,96	0,79

Для целей настоящего исследования имеет значение сравнение статистических показателей по индикатору ЦУР 8.6.1. о доле молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, которые нигде не работают, не учатся и не приобретает профессиональных навыков. Это доля молодежи, которая не задействована в системе образования, не обучается и не трудоустроена, таким образом, она является более широким показателем потенциальных участников рынка труда среди молодежи, чем просто показатель

¹¹⁸ Там же. С. 51 // URL: http://www.cisstat.com/rus/sb-monitoring_2015-2018.pdf

¹¹⁹ Женщины и мужчины Кыргызской Республики. 2020, С. 100 // URL: <http://www.stat.kg/ru/publications/sbornik-zhenshiny-i-muzhchiny-kyrgyzskoj-respubliki/>

¹²⁰ Мониторинг показателей ЦУР в регионе СНГ 2015-2018: Статистический сборник / Межгосударственный статистический комитет СНГ – М., 2020. – С.136 // URL: http://www.cisstat.com/rus/sb-monitoring_2015-2018.pdf

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СТРАН

молодежной безработицы. Этот показатель включает в себя молодежь, не желающую работать, а также тех, кто экономически неактивен из-за инвалидности и вовлечения в домашние дела среди других причин. Показатель является лучшим показателем нынешней совокупности потенциальных участников рынка труда молодежи по сравнению с показателем молодежной безработицы, поскольку последний включает тех молодых людей, которые экономически неактивны, но получают образование, и поэтому не могут считаться доступными для выхода на работу в настоящее время.

В КР этот показатель остается стабильно высоким и составляет 20,5 %. Среди девушек это показатель намного выше, чем среди юношей: 29,4 % и 12 % соответственно.

Таблица 14. ЦУР 8.6.1. Доля молодежи КР (от 15 до 24 лет), которая не работает, не учится и не приобретает профессиональных навыков (в процентах)¹²¹

	2014	2015	2016	2017	2018
Всего	20,7	21,4	20,4	21,0	20,5
Мужчины	12,5	13,6	12,1	12,3	12,0
Женщины	29,2	29,5	29,0	30,1	29,4

Этот показатель ежегодно отслеживается и в **РУз**, но в открытых источниках не удалось найти его в разбивке по полу. Можно предположить, что гендерное соотношение примерно такое же, как в Кыргызстане.

Таблица 15. ЦУР 8.6.1. Доля молодежи РУз (от 15 до 24 лет), которая не работает, не учится и не приобретает профессиональных навыков (в процентах)¹²²

	2014	2015	2016	2017	2018
Всего	21,0	21,4	21,2	22,6	21,8

Что касается **РТ**, по данным Агентства по статистике при Президенте РТ¹²³, доля молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, которые нигде не работают, не учатся и не приобретают профессиональные навыки, даны только за один 2018 год: 29,3 %, из них мужчины – 7,2 %, женщины – 49,3 %. То есть это самый высокий показатель из трех стран, и формируется он за счет очень большой доли женщин к этой категории населения.

Помимо показателей по образованию в части охвата, большое значение для целей настоящего исследования имеет содержание и качество образования, то есть эффективность системы образования. Для ее оценки используются масштабные международные и национальные оценки: Инструмент развития в младшем возрасте (ИРМВ), Оценка навыков чтения учащихся начальных классов (EGRA), Национальная выборочная оценка (НВО), Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) и Программа ОЭСР по международной оценке компетенций взрослых (PIAAC).

¹²¹ Мониторинг показателей Целей устойчивого развития в Кыргызской Республике 2014-2018: Статистический сборник.– Бишкек, 2020. С. 96 // URL: <http://www.stat.kg/ru/publications/monitoring-pokazatelej-celej-ustojchivogo-razvitiya-v-kyrgyzskoj-respublike/>

¹²² Сборник статистических показателей достижения национальных ЦУР в Республике Узбекистан. – Ташкент, 2019. С. 42 // URL: <http://nsdg.stat.uz/publications>

¹²³ Осуществление Повестки дня в области ЦУР на период до 2030 г. в Республике Таджикистан. 2017 // URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/Session4_Tajikistan_SDG_indicators_Russian.pdf

Системы образования всех трех стран не интегрированы в международное образовательное пространство, показателем чего является то, что страны остаются в стороне от участия в международных программах оценки.

КР пока остается единственной страной из вовлеченных в реализацию Проекта, которая имеет опыт участия в оценке по программе PISA. КР участвовал в PISA-2006 и PISA-2009, заняв на тот момент последние (57-е и 65-е соответственно) места. После этого страна отказалась участвовать в данной программе. В 2024 году КР планирует вновь принять участие в программе PISA.

РУз до настоящего времени не участвовала в программе PISA. Планируется участие Узбекистана в данной программе начиная с 2022 года¹²⁴. Министерство народного образования РУз начало размещать на своем сайте пробные тесты по Программе PISA¹²⁵.

РТ также пока не участвует в программах¹²⁶ по международным сравнительным оценкам уровня образования.

На национальном уровне оценки качества образования проводятся в виде отдельных исследований. Так, в КР в ходе кластерного обследования, проведенного в 2018 году была выявлена процентная доля детей в возрасте от 7 до 14 лет, успешно выполнивших три задания на основополагающие умения и навыки чтения (57,9 %) и счета (51,3 %). В городах эти показатели существенно выше, чем в среднем по стране (66,7 % и 56,4 % соответственно). Показатели девочек (60,1 % и 53,5 %) выше, чем у мальчиков (55,8 % и 49,3 %).

4.5. МИГРАЦИЯ

Кыргызстан

В 2019 году в республику прибыло 1 400 человек, выбыло 7 560 человек, миграционный отток при этом составил 6 160 человек. Таким образом, в 2019 году, как и в предыдущие годы, в республике отмечалось значительное сокращение объема эмиграции населения.

Таблица 15. Внешняя миграция населения (человек)

	Число прибывших			Число выбывших		
	оба пола	женщины	мужчины	оба пола	женщины	мужчины
2015	3 559	1 823	1 736	7 788	4 603	3 185
2016	3 160	1 671	1 489	7 125	4 324	2 801
2017	1 974	1 019	955	5 899	3 660	2 239
2018	1 687	836	851	7 077	4 550	2 527
2019	1 400	710	690	7 560	4 799	2 761

¹²⁴ Латипов Ш. Что даст Узбекистану участие в оценке знаний школьников PISA // URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/09/08/education/>

¹²⁵ Готовимся к тесту PISA: Оценка естественно научной грамотности // Министерство народного образования Республики Узбекистан // URL: <https://www.uzedu.uz/ru/pisa-test-rus-032020>

¹²⁶ «Спор о слоне» или насколько реалистично инновационное развитие в Таджикистане // Проект Института по освещению войны и мира // URL: <https://cabar.asia/ru/spor-o-slone-ili-naskolko-realisticno-innovatsionnoe-razvitie-v-tadzhikistane>

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СТРАН

Отрицательный миграционный баланс отмечался по-прежнему во всех странах СНГ, за исключением РТ. Основными странами в плане выбора нового постоянного (или долгосрочного) места жительства эмигрантов из КР остаются Россия и Казахстан.

Доминирующим компонентом миграционных процессов регионов республики является внутренняя миграция. Межобластные перемещения по-прежнему направлены в г. Бишкек и Чуйскую область (остальные регионы стабильно теряют население).

Таблица 16: Внутренняя миграция населения (человек)

	Число прибывших			Число выбывших		
	оба пола	женщины	мужчины	Оба пола	женщины	Мужчины
2015	21 337	13 906	7 431	20 916	13 726	7 190
2016	22 962	15 101	7 861	21 255	14 218	7 037
2017	25 729	17 170	8 559	22 905	15 512	7 393
2018	26 734	17 282	9 452	26 734	17 305	9 429
2019	24 810	16 401	8 409	24 810	16 401	8 409

Однако для всех трех стран, вовлеченных в реализацию Проекта, характерно, что данные официальной статистики совершенно не отражают ситуацию по реальным масштабам миграции.

Так, например, по КР в тексте государственной Концепции миграционной политики¹²⁷ отмечено, что, по данным уполномоченного государственного органа по вопросам миграции, в настоящее время свыше 750 тыс. кыргызстанцев находятся за рубежом.

Таджикистан

В 2019 году в республику прибыло 253 человека, выбыло 9 720, миграционный отток при этом составил 9 467 человек¹²⁸.

Таблица 17. Общие данные по миграции (человек)

	Число прибывших			Число выбывших		
	оба пола	женщины	мужчины	оба пола	женщины	мужчины
2015	35 316	16 854	18 462	40 135	19 501	20 634
2016	33 336	15 769	17 567	37 606	18 481	19 107
2017	37 497	18 358	19 139	41 150	20 461	20 689
2018	42 082	20 569	21 513	45 046	18 588	26 458
2019	40 859	21 030	19 829	54 495	24 196	30 299

¹²⁷ Концепция миграционной политики Кыргызской Республики на 2021-2030 годы, С. 3 // URL: <https://www.gov.kg/ru/npa/s/2277>

¹²⁸ Демографический ежегодник РТ. 2018, С. 236-237 // URL: <https://www.stat.tj/ru/publications>

Таблица 18. Внешняя миграция населения (человек)

	Число прибывших			Число выбывших		
	оба пола	женщины	мужчины	оба пола	женщины	мужчины
2015	580	273	307	2 871	1 434	1 437
2016	455	201	254	2 757	1 453	1 304
2017	361	174	187	2 229	1 171	1 058
2018	423	234	189	2 394	1 343	1 051
2019	253	108	151	9 720	1 210	8 510

В структуре миграции наиболее значителен удельный вес, приходящийся на внутреннюю миграцию.

Таблица 19. Внутренняя миграция населения (человек)

	Число прибывших			Число выбывших		
	оба пола	женщины	мужчины	оба пола	женщины	мужчины
2015	34 701	16 561	18 140	37 264	18 067	19 197
2016	32 881	15 568	17 313	34 845	17 027	17 818
2017	37 133	18 183	18 950	38 921	19 290	19 631
2018	41 659	20 335	21 324	42 652	17 245	25 407
2019	40 600	20 922	19 678	44 775	22 986	21 789

Узбекистан

По данным официальной статистики, в 2019 году в РУз прибыло 158 861 человек, выбыло 169 547 человек, миграционный отток при этом составил – 10 686 человек. Таким образом, в 2019 году, как и в предыдущие годы, в республике отмечалось определенное сокращение объема эмиграции населения.

Таблица 20. Внешняя миграция населения (человек)¹²⁹

	Число прибывших			Число выбывших		
	оба пола	женщины	мужчины	оба пола	женщины	мужчины
2015	139 280	93 567	45 713	168 579	109 940	58 639
2016	141 548	93 725	47 823	167 796	108 695	59 101
2017	157 149	103 949	53 200	175 748	11 4783	60 965
2018	160 103	105 052	55 051	174 832	113 756	61 076
2019	158 861	104 353	54 508	169 547	110 752	58 795
2020	191 086	115 842	75 244	203 629	121 848	81 781

¹²⁹ 2010-2022. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике <https://gender.stat.uz/ru/osnovnye-pokazateli/demografiya/migratsiya-naseleniya>

Доминирующим компонентом миграционных процессов регионов республики является внутренняя миграция. Межрегиональные перемещения по-прежнему направлены преимущественно в г. Ташкент и Ташкентскую область, частично – в ряд крупных городов (Самарканд, Бухара, Фергана). Сельские регионы стабильно теряют население, чему способствует их демографическая перегруженность.

Отрицательный миграционный баланс отмечался со всеми странами СНГ, за исключением РТ. Основными странами в плане выбора нового постоянного (или долгосрочного) места жительства эмигрантов из Узбекистана остаются Россия и Казахстан.

Общее число трудовых мигрантов из РУз в 2019 году составило 2 млн. 594 тыс. человек¹³⁰, из которых 84,4 % приходится на Российскую Федерацию. Другие направления трудовой миграции – Казахстан (порядка 12 %), Южная Корея, ОАЭ.

При этом число трудовых мигрантов из РУз в России год от года растет: так, на июнь 2017 года это 1 923 388 чел.; на июнь 2018 года – 2 017 830 чел. (рост на 94 442 чел, или 4,9 %); на июнь 2019 года – 2 188 835 чел. (рост на 117 005 чел, или 8,5 %)¹³¹.

---

¹³⁰ В Узбекистане подсчитали количество граждан, уехавших на заработки за рубеж // Новостное агентство Sputnik // URL: <https://tj.sputniknews.ru/20190731/uzbekistan-migranty-zarabotky-1029535085.html>

¹³¹ Узбекистанцы заняли первое место по числу трудовых мигрантов в России. Сейчас в РФ свыше 2,1 млн граждан Узбекистана // URL: <https://www.podrobno.uz/cat/obchestvo/uzbekistantsy-zanyali-pervoe-mesto-po-chislu-trudovykh-/не> открывается

5. АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ

5.1. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИДЕНТИЧНОСТЯМ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВУ

В течение последних нескольких десятилетий в мире и регионе ЦА среди исследований разных типов идентичностей приоритетное внимание уделялось изучению этнической идентичности в связи с ростом этнонационализма и конфликтов.

Еще в 1980-е гг. норвежский исследователь **Стейн Роккан** отмечал, что события последних десятилетий превратили «регионализм» и «этнонационализм» в предмет политической и академической моды¹³². В числе работ, определивших теоретические разработки данных понятий, «Нации и национализм» **Эрнеста Геллнера**, сборник статей под редакцией **Эрика Хобсбаума** и **Теренса Рэйнджера** «Изобретение традиции»¹³³.

Этнические общности продолжают играть большую роль в общественной и политической жизни. Надежды на унификацию и исчезновение этносов, которые высказывались неоднократно историками, политиками, философами, не оправдались. Этноты и нации с характеристиками самобытности выжили даже в «плавильных котлах». Они вновь и вновь напоминают о себе, особенно там, где о них забывают, пытаются не замечать и ассимилировать. Более того, находя различные формы своего социального и политического самоутверждения при малейшем изменении социально-политических условий, они обозначают себя через участие в политических и духовных процессах общества и государства, доказывая свою жизнеспособность и устойчивость не только в составе существующих государств, но и вне их. Жизнь доказала, что этноты, являются стабильными и устойчивыми общностями, даже на фоне государств, которые распадаются и исчезают¹³⁴.

В отличие от «классических» наук с относительно длительной историей, изучение этнополитических процессов находится еще в стадии формирования своего предметного поля, уточнения понятийного аппарата, разработки концептов. Пионерами в этой области знания стали американские ученые П. Ванден Берге, Э. Блэк, М. Паренти, Дж. Ротшильд и др., усилиями которых уже в 1960–70-е годы обозначилось обособление этнополитической проблематики, а для ее исследования стали использоваться методы социологии и психологии.

В частности, исследователь из американского Института изучения политики **Майкл Паренти** определял предмет исследования этнополитических процессов через изучение влияния этнического фактора на политическое поведение людей и сферу политики в целом¹³⁵.

Другой известный американский исследователь, профессор социологии Вашингтонского университета **Пьер Луи Ван ден Берге**, выделял в качестве

¹³² Ларсен С.У. Моделирование Европы в логике Роккана // Полис. 1995. № 1 // URL: http://www.norge.ru/larsen_om_rokkan

¹³³ Gellner E. Nations and Nationalism. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 1983 // URL: https://www.researchgate.net/publication/234079208_Nations_and_Nationalism_Ernest_Gellner
Hobsbawm E. Ranger T. (ed.). The Invention of Tradition. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983 // URL: https://psi424.sankaya.edu.tr/uploads/files/Hobsbawm_and_Ranger_eds_The_Invention_of_Tradition.pdf

¹³⁴ Абдулатипов Р.Г. Нация и национализм: добро и зло в национальном вопросе. – М., 1999 // URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/87035892/>

¹³⁵ Parenti M. Ethnic and Political Attitudes. Arno, 1975 // URL: <https://www.jstor.org/stable/1976090>

предметной области этнополитических исследований взаимоотношения государства с этническими общностями и различными этнополитическими институтами: партиями, движениями, общественными организациями и т.д.¹³⁶

Одним из последних исследований в области сравнительной социологии, посвященных теме национального строительства, является книга профессора социологии Колумбийского университета **Андреаса Виммера** «Национальное строительство»¹³⁷. А. Виммер рассматривает вопросы формирования национальных государств, установления и разрушения этнических границ, а также политических конфликтов. В своем исследовании он сравнивает разные страны, континенты и исторические эпохи, чтобы определить повторяющиеся модели и процессы. Используя количественные и качественные эмпирические методы, Виммер предлагает свою интерпретацию факторов, лежащих в основе сильной государственности.

Свою исследовательскую задачу автор вынес в подзаголовок своей работы в виде вопроса: «Почему одни страны объединяются, а другие распадаются?». И приходит к выводу, что в основе успешного строительства гражданской нации лежит сочетание трех факторов:

- лингвистическая гомогенизация, то есть обязательным условием является наличие общего языка, на котором происходит общественная коммуникация;
- наличие альянсов организаций гражданского общества, пересекающих территорию, и формирующихся не по этническому признаку. В качестве примера он приводит Швейцарию, где ассоциации фермеров могут состоять из немецко-, франко- и италоговорящих членов, но вместе, отстаивая интересы фермеров, они на самом нижнем уровне скрепляют нацию;
- равный доступ к государственным услугам. В случаях, когда базовые государственные услуги (образование, здравоохранение, социальная защита) и качество инфраструктуры (электросети, дороги, оросительные каналы и т.д.) не доходят до каких-то территорий, несправедливо распределены, неизбежно появятся устремления к отделению. В качестве такого примера автор приводит Донбасс.

Таким образом, в интерпретации А. Виммера, общенациональная идентичность является продуктом не этнической однородности, а инклюзивного предоставления общественных благ и наличия местных сетей ОГО.

Что касается исследований по нациестроительству в регионе ЦА, обращает на себя внимание тот факт, что их авторы уделяют большое внимание начальному этапу нациестроительства в начале XX века, когда в процессе конструирования советских государств были заложены основы для создания нынешних государств.

К таким работам относится исследование **Терри Мартина** «Империя „позитивных действий“: нации и национализм в СССР»¹³⁸, которое вызвало резонанс своим подходом

¹³⁶ Van den Berge P.L. Man in society. Abiosocialperspective. N. Y., 1975; Ван ден Берге П. Раса и этничность: социобиологическая перспектива // Вопросы национализма. 2014. № 20 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasa-i-etnichnost-sotsiobiologicheskaya-perspektiva>

¹³⁷ Wimmer A. Nation Building. Why is political integration achieved in some diverse countries, while others are destabilized by exclusionary regimes prone to separatism and ethnic war? 2018. 376 p. // URL: <https://osce.webex.com/osce/url.php?frompanel=false&gourl=https%3A%2F%2Fwww.amazon.com%2FNation-Building-Countries-Princeton-Comparative%2Fdp%2F0691177384>

¹³⁸ Терри Мартин. Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР. 1923–1939. – М., РОССПЭН, 2011. С. 855 // URL: <https://history.wikireading.ru/hfq5wnKpY6>

к осмыслению истории формирования и становления национальных республик в Советском Союзе в 20–30 годы XX века. С его точки зрения, Российская Федерация выступила империей «позитивной дискриминации» при решении национального вопроса в начальный период своей деятельности. В первые годы Советской власти национальная политика носила абстрактный характер, ограничиваясь лозунгом о праве наций на самоопределение, не наполнив его каким-либо содержанием и процедурами. Основные изменения в этой области происходят, начиная с 1923 года. Реализация масштабной и беспрецедентной политики в национальной сфере сопровождалась множеством проектов и программ в разных областях общественной жизни, например, политики «коренизации», максимального увеличения представителей коренного населения в системе управления, внедрения делопроизводства на языке местного населения. Все эти меры, по мнению американского ученого, проводились за счет Центра и Российской Федерации, которая часто в угоду национальной политике жертвовала не только огромными материальными и финансовыми ресурсами, но и территориями.

Эта работа интересна тем, что в ней на основе многочисленных архивных данных и статистики показано, как происходил процесс «конструирования» не просто национальных республик, но и культур, современных языков, политической структуры. На фоне современных представлений об образовании наций в ЦА, которые отличаются стремлением возвеличить историю своей нации, работа американского ученого выделяется тем, что показывает, в каких сложных и противоречивых условиях происходило формирование будущих независимых государств как современных наций и национальной идентичности.

Российский этнолог и антрополог **Сергей Абашин**¹³⁹ на фундаменте источников рассматривает истории зарождения и современное состояние «среднеазиатских национализмов» на примере детального анализа процессов сложения, становления и развития узбекского и таджикского национализмов. Среднеазиатский национализм представлен им как прежде всего продукт советской национальной политики, а корни существующих территориальных споров уходят в 20-е годы XX века. До Октябрьской революции и даже в 50–60-е годы прошлого века национализм открыто не проявлялся. Национализм в регионе усилился после распада СССР, территориальные претензии и споры между республиками начались в годы независимости в рамках национального строительства. Лидеры новых независимых республик в целях укрепления государственности начали опираться в первую очередь на этническую историю, культуру и язык. В результате такой политики появился главный вопрос в рамках дискурса «Кто древнее в Центральной Азии?». В этом контексте важно, что молодежь во всех странах ЦА выросла за годы независимости и воспитывается на основе исключительно этнического национализма, поэтому национализм, территориальные споры и межэтнические конфликты, по мнению этого автора, не только существуют, но и могут продолжаться.

Особого внимания требует сборник статей «Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты»¹⁴⁰. Этот регион, где переплелись границы трех республик и множества местных этносов, является полигоном конструирования

---

¹³⁹ Абашин С.Н. Национализм в Средней Азии. В поисках идентичности. История зарождения и современное состояние среднеазиатских национализмов. М., 2007. С. 304 // URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1115585040>

¹⁴⁰ Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. Отв.ред. С.Н. Абашин, В.И.Бушков. М., Наука, 2004. С. 224 // URL: <https://www.academia.edu/2965812/>

и формирования титульных наций, которые стали основой новых независимых государств. Авторы показали, что процесс формирования и конструирования наций еще не завершился, поэтому повседневная жизнь долины регулярно сопровождается этническими конфликтами.

В работе «Население Ферганской долины» под авторством С. Абашина рассматривается роль переписей в царской России и при советской власти в процессе конструирования этнических идентичностей. На примере сартов, которые фигурировали в различных переписях, показаны полемика и дискуссии, которые шли среди чиновников, исследователей и местных жителей по поводу определения сартов как самостоятельной этнической группы. Эта группа не вписывалась в выделенные стандарты и критерии, поэтому вызывала ожесточенные споры по ее идентификации. Автор показал, как статистика и перепись способны создавать или «устранять» ту или иную этническую группу. Сарты, которые в течение долгого времени, согласно переписи, были одной из самых крупных этнических групп, в двадцатые годы, во время первой советской переписи перестали существовать во всех статистических документах.

Проблематика нациестроительства и формирования общегражданской идентичности актуализировалась в регионе ЦА с обретением государственной независимости. Существенным вопросом выступает тот факт, что в странах региона эта проблематика тесно переплетена с марксистским пониманием нации и этничности. Этот фактор не дает возможность странам региона существенным образом модернизировать процесс нациестроительства, что создает ряд проблем, решение которых все больше усложняется¹⁴¹.

Спектр исследований по темам этнонационализма в регионе радикально различается и обусловлен историей и особенностями развития стран, в том числе наличием конфликтов разной природы. Так, в РТ, пережившей на заре независимости гражданскую войну, где по обе стороны таджики воевали с таджиками, исследователи особое внимание обращают на факторы, по которым происходил ментальный «водораздел» между комбатантами¹⁴². Отмечается, что, хотя некоторые полевые командиры иногда формировали свои ополчения по региональному, конфессиональному и/или этническому принципу (например, отряды бадахшанских исмаилитов), однако, этнические лейтмотивы всерьез не звучали в риторике сторон конфликта¹⁴³. При этом в экспертном и исследовательском дискурсе в РТ не используется фактор «титульной нации» или государствообразующего народа¹⁴⁴.

Межэтнические отношения в полиэтничном обществе (к которым относятся все государства ЦА) являются сегодня предметом изучения в каждой из стран региона. Их цель сугубо практическая – исходя из анализа исторического опыта определить оптимальные пути и модели регулирования межэтнических отношений в современных обществах. Эта проблема многоаспектна, включает вопросы истории

---

¹⁴¹ Olivier R. *The New Central Asia, the Creation of Nations*. L.: B. Tauris, 2000 // URL: https://www.researchgate.net/publication/5143491_Olivier_Roy_The_new_Central_Asia_The_Creation_of_Nations

¹⁴² Гасанов И. *Этнополитическая палитра Таджикистана (часть первая)* // URL: <http://muslimpolitic.ru/2014/03/e-tnopoliticheskaya-palitra-tadzhikistana-chast-pervaya/>; Он же. *Этнополитическая палитра Таджикистана (часть вторая)* // <http://muslimpolitic.ru/2014/03/e-tnopoliticheskaya-palitra-tadzhikistana-chast-vtoraya/>

¹⁴³ Бушков В.И., Микульский Д.В. *Анатомия гражданской войны в Таджикистане (Этносоциальные процессы и политическая борьба, 1992-1995)*. М.: ИПВ, 1996 // URL: http://krotov.info/libr_min/02_b/ush/kov_09.htm

¹⁴⁴ Akbarzadeh S. *Why did nationalism fail in Tajikistan?* // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. pp. 1105–1129 // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09668139608412402>

и современности, культуры, образования, социологии, психологии, экономических, политических, правовых отношений.

В каждой из стран региона проводятся исследования по современному состоянию межэтнических отношений¹⁴⁵, основное внимание уделяется анализу этнодемографической ситуации и оценке состояния социальной ситуации¹⁴⁶. Так, например, исследование «Межнациональные отношения в Узбекистане в зеркале общественного мнения: оценки, состояние, динамика, проблемы и решения»¹⁴⁷ показало, что большинство представителей различных этнических общностей положительно оценивают межнациональные отношения.

Изучение состояния межэтнических отношений и реализации этнической политики в каждом из государств ЦА – задача безусловно интересная и заслуживает проведения отдельного обзора. Однако в настоящем исследовании будут проанализированы только несколько работ последних лет, которые имеют значение в контексте адресной группы (молодежи), темы (радикализация) и выводов, которые могут быть полезны с практической точки зрения. Прежде всего это те исследования, в которых изучаются вопросы соотношения этнической, региональной, религиозной и общегражданской идентичности.

Исследователи отмечают, что этнонациональная идентичность утверждается, прежде всего через обеспечение гражданской солидарности в системе образования и воспитания, формирование уважения этносов к символам, к государственному языку, общему культурному пространству. Отношения между этническими сообществами становятся источником конфликтов тогда, когда идет поиск «своих» и «чужих», и, наоборот, – консолидируют нацию в ходе взаимодействия, взаимоотношений культур живущих рядом людей из разных этнических сообществ¹⁴⁸.

Одним из главных препятствий в укреплении общегражданской идентичности выступают факторы регионализма и местничества. Исследователи отмечают, что влияние собственно этнического фактора на радикализацию, например, в РТ, минимально. Это же подтверждает контент-анализ информационного пространства, который не выявил ярко выраженного этнический компонента в радикальных информационных потоках¹⁴⁹.

¹⁴⁵ Алиева В.Р., Назаров Р.Р. Этнодемографические процессы в Республике Узбекистан // XVIII-е Плехановские чтения. Москва: РЭА, 2005. С. 259-260 // URL: <http://absopac.rea.ru/OpacUnicode/app/webroot/index.php?url=/notices/index/IdNotice:92975/Source:default>

¹⁴⁶ Новак Ю. Межэтнические отношения в Узбекистане. Пер с нем. // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 41–52 // URL: http://ecsocman.hse.ru/data/813/847/1217/005_Prikladnye_issledovaniya.pdf; Каракурт Т. Межнациональные конфликты и их решения в Н.Н.Г. Пер. с нем. Варшава: Фонд Ф. Эберта, 199, // URL: <http://window.edu.ru/resource/541/70541/files/monogrmnk.pdf>; Левитин Л. Узбекистан на историческом повороте. М.: Вагриус, 2001 // URL: https://royallib.com/book/levitin_leonid/uzbekistan_na_istoricheskom_povorote.html; Шоберлайн-Энгел Дж. Перспективы становления национального самосознания узбеков. Персангл. // Восток. 1997. № 3. С. 52-63, <https://philarchive.org/archive/PRIOTF-3>; Ferghana Valley: the Heart of Central Asia. Ed. by S.Fr. Starr. New-York, publ. M.E. Sharpe, 2011, <http://www-lib.tufs.ac.jp/opac/en/recordID/catalog.bib/BB0654882X>; Ситнянский Г.Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? Межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: ИЭА РАН, 2011. С. 290 // URL: <https://iea-ras.ru/index.php?go=Files&in=view&id=37>

¹⁴⁷ Межнациональные отношения в Узбекистане в зеркале общественного мнения: оценки, состояние, динамика, проблемы и решения // Республиканский Центр Изучения Общественного Мнения «Ижтимоий фикр». Узбекистан, 2020 // URL: <http://ijtimoiyifkr.uz/ru/issledovaniya/politika-i-pravo/mejnatsionalnye-otnosheniya-v-uzbekistane-v-zerkale-obshestvennogo-mneniya-osenki-sostoyanie-dinamika-problemy-i-resheniya.htm>
148 Артыкбаев М. Т., Борбодоев Ж. М. Кыргызстанская идентичность: теоретико-прикладные аспекты. Бишкек, 2015 // URL: <https://ru.calameo.com/read/0061242703c7b286b7fd8>

¹⁴⁹ Информационные потоки и радикализация, ведущая к насильственному экстремизму в Центральной Азии (Internews, Search for Common Ground, 2019) // URL: https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2019/08/Information_flows_public_rus.pdf

К сожалению, в регионе ЦА практически нет исследований по соотношению идентичностей у молодых людей. К редким исключениям можно отнести исследование «Роль религиозных образовательных организаций в формировании общегражданской идентичности учащихся медресе»¹⁵⁰, проведенное в 53 медресе Ошской, Жалал-Абадской, Баткенской, Чуйской областях.

Для целей настоящего исследования значение имеют ответы на вопросы раздела «Самоидентификация учеников медресе». На вопрос «Кем вы себя считаете в первую очередь?» 47 % опрошенных ответили: «Я – гражданин Кыргызстана», 29 % – «Я – мусульманин», 16 % – «Я – человек». 4 % ответили, что идентифицируют себя со своей «малой родиной» (город, область, регион), и только 2 % ответили: «Я представитель своего этноса (кыргыз, узбек, дунган)». Таким образом, почти половина респондентов себя считают гражданами страны, на втором месте религиозная принадлежность и только затем – региональная и этническая идентичность. Только один респондент ответил: «Я – мусульманский гражданин Кыргызстана».

Рассмотрение ответов на этот вопрос в разбивке по полу показало, что женщин-воспитанниц медресе с преобладанием гражданской идентичности меньше – 45,7 %, у мужчин так же ответили 49 % респондентов. И наоборот, 31 % женщин сказали о первоочередном значении для них религиозной принадлежности, в то время как у мужчин этот показатель – 25,3 %. Женщин, для которых важна их этническая принадлежность, в 1,5 раза больше, чем мужчин (2,4 % и 1,6 % соответственно).

В этническом разрезе – среди тех, кто в основном ассоциирует себя с «гражданином Кыргызстана» – больше респондентов среди этнических кыргызов (47,9 %) и узбеков (49,1 %). Тот факт, что этот показатель выше среди узбеков требует особого внимания. Так же, как и то, что у учащихся-кыргызов (29,3 %) религиозная идентичность оказалась выше, чем у узбеков (22,7 %). Среди дунган также высок процент тех, кто осознает себя гражданином страны (41,9 %), но при этом среди граждан этой этнической принадлежности больше преобладает мусульманская/религиозная идентичность (35,5 %). Больше половины учеников медресе этнических дунган ответили, что первую очередь они мусульмане.

При этом этническая принадлежность для представителей этнических меньшинств имеет большее значение, чем для кыргызов. Так, 3,7 % узбеков считают важной свою этническую идентичность, в то время как для кыргызов этот показатель составляет всего 1,8 %.

По регионам показатели религиозной идентичности были высокими среди учеников медресе в Ошской и Жалал-Абадской областях. В Баткенской области гражданская и религиозная идентичность выражается примерно одинаково. В Чуйской долине гражданская идентичность даже ниже, чем в Оше, Джалал-Абаде и Баткене. В качестве причины исследователи указывают то, что опрос приводился в основном в дунганских медресе, где религиозная идентичность высокая.

Важность работы по формированию общегражданской идентичности была выявлена как одна из ключевых рекомендаций по итогам исследования профессора политологии Софийского университета **Татьяны Дронзиной** «Боевики Кыргызстана: почему они уезжают на чужую войну»¹⁵¹. Исследование было построено на изучении

¹⁵⁰ Кыргызстандагы медресе окуучуларынын жарандык иденттуулугунун калып тануусун да диний билим берүү мекемелеринин ролу. Бишкек. 2020. 98. бет, Центр исследования религиозной ситуации при ГКДР КР // URL: www.religion.gov.kg

¹⁵¹ Новые вызовы и подходы по региональной и глобальной безопасности в Центральной Азии. Материалы международной

30 жизненных историй граждан КР, которые были завербованы и приняли участие в боевых действиях в зарубежных террористических организациях. На этой основе автором выявлены основные причины радикализации, рекрутирования и мотивации граждан. Показано, что индивидуальное решение присоединиться к зарубежным террористическим организациям принимается под воздействием множества факторов, внешних и внутренних.

В качестве главных причин персональной мотивации автор называет идеологические мотивы, связанные и не связанные с религией, экономический фактор и проблемы интеграции. Плохая интеграция в обществе стала причиной отъезда некоторых граждан в Сирию, Ирак и Вазиристан, где этническая идентичность нивелируется и преобладает религиозная/мусульманская идентичность.

При этом интеграцию автор понимает гораздо шире, чем просто вовлечение людей с различными этническими и религиозными идентичностями в общественную и политическую жизнь страны. Наряду с этим, что уже само по себе непростая задача, широкое понимание интеграции предполагает вовлечение молодых людей и построение для них системы «социальных лифтов», чтобы помочь им преодолеть «убожество местной жизни». Автор объясняет этот процесс таким образом: «Значительная часть боевиков и их жен не знают, как может функционировать общество с налаженными социальными услугами, разумным проведением свободного времени и досуга. Им знакома только средняя школа, затем работа и мигрантская жизнь в России, со всеми ее лишениями и трудностями. В какой-то момент у них появляется желание разорвать узкий кругозор повседневной жизни, повидать мир и куда-то поехать, поучаствовать в аванюре, которая сделает их жизнь интересной и волнующей. Не на последнем месте, многими руководила романтика и возможность реализовать себя».

Таким образом, в исследовании Т. Дронзиной показано, что помимо религиозной неграмотности и экономических факторов, именно отсутствие общегражданской идентичности, плохая интеграция в общество стали основными факторами для участия кыргызстанских боевиков в зарубежных террористических организациях.

5.2. РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВЛИЯНИЕ НА РАДИКАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖИ

Одна из задач исследования – на основе материалов проведенных ранее исследований подтвердить или опровергнуть сложившееся устойчивое мнение о связи между радикализацией и ростом числа молодых людей, для которых их религиозная идентичность является доминирующей над другими типами идентичностей.

Обращаясь к этой теме, большинство исследователей феномена радикализации особо выделяют специфику Ферганской долины, характеризуя ее этническими столкновениями, политическим недовольством и географической недоступностью, усугубляемой неэффективной и слабо организованной структурой безопасности. В исследовании «**Ареалы активизации исламских фундаменталистских течений в постсоветских среднеазиатских государствах**» отмечено: «Регион, и без того имеющий высокий конфликтный потенциал ввиду нерешенных межгосударственных, межэтнических вопросов, является очагом роста радикальных религиозных течений.

Возрождение ислама предопределило его дальнейшую политизацию, а далее, ввиду объективных и субъективных причин, – радикализацию»¹⁵².

В аналитическом отчете по результатам полевого исследования **«Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана»** выделяют такую группу причин как «идеологические», имея при этом в виду именно религию: «Радикализация была результатом принятия человеком какой-то очень нетерпимой, фундаменталистского толка, религии, которая отрицает сосуществование с теми, кто не разделяет такую же точку зрения и, более того, рассматривает другие точки зрения, системы ценностей и идеологии как развращающие свою, собственную, вновь принятую веру и, следовательно, враждебную ей»¹⁵³.

В классификации причин радикализации, составленной в рамках разработок Информационной сети Европейской комиссии по вопросам радикализации¹⁵⁴, также выделены факторы идеологического и религиозного плана. Они характеризуют участие человека в деятельности насильственной экстремистской группировки по причине того, что он верит в существование священного долга, в историческую миссию, в апокалиптическое пророчество и/или может получить возможность отмщения или искупления вины. В эту же группу включаются определенные религиозные нормы, которые могут влиять на то, как мужчины и женщины видят свою роль в обществе и в семье. «Искаженная возможность вести «нравственную» жизнь в соответствии с «истинными принципами» ислама, основанную на тщательной системе «исламского образования», подталкивает людей, которые не находят признания своего мнения в своих странах, к псевдореальности, нарисованной халифатом. В психологическом состоянии когнитивного диссонанса, без подходящего социального подкрепления люди уступают место рационализации, идеологическому метанарративу в ущерб себе и социальной ткани». С точки зрения индивидуальных мотивов, «идеологическая» поддержка является наиболее важным фактором, формирующим радикальные взгляды в регионе ЦА. Авторы исследования считают, что социально-экономические факторы играют второстепенную роль по отношению к идее «священной борьбы» за продвижение ислама.

Согласно исследованию **«Молодежь, мир и безопасность в Кыргызстане: вклад в Исследование прогресса в области Молодежи, мира и безопасности, предусмотренное резолюцией 2250 СБ ООН»**¹⁵⁵, «молодежь КР столкнулась с фундаментальным кризисом идентичности, главным образом по причине краха советской системы образования. После обретения независимости КР не смогла заменить систему, которая формировала идентичность молодежи, а система образования ухудшилась. В этом контексте некоторые молодые люди стали уязвимыми для целого ряда этнонационалистических, религиозных, политических и

¹⁵² Набиев Р.А., Шакиров И.Я. Ареалы активизации исламских фундаменталистских течений в постсоветских среднеазиатских государствах // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arealy-aktivizatsii-islamskih-fundamentalistskih-techeniy-v-postsovetskih-sredneaziatskih-gosudarstvah>

¹⁵³ Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана // Аналитический отчет по полемому исследованию в рамках проекта «Социальные медиа для дерадикализации в Кыргызстане: Модель для Центральной Азии», SearchforCommonGround. 2017. Январь // URL: <http://www.ca-mediators.net/ru/issledovaniya/295-smyslyobrazy-imedikanaly-sposobstvuyushchie-radikalizacii-molodezhi-kyrgyzstana.html>

¹⁵⁴ Богно К. О роли гендерного фактора в предотвращении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, а также в борьбе с этой угрозой. Передовой опыт работы правоохранительных органов. 2018 // URL: https://www.osce.org/files/f/documents/1/1/429452_0.pdf

¹⁵⁵ Омуркулова-Озерска Э. Молодежь, мир и безопасность в Кыргызстане: вклад в Исследование прогресса в области Молодежи, мира и безопасности, предусмотренное резолюцией 2250 СБ ООН. 2017 // URL: https://www.youth4peace.info/system/files/2018-04/6.%20FGD_Kyrgyzstan_SFSG%20%28Russian%29_0.pdf

экстремистских групп, которые предлагали им источник идентичности. Наблюдается тенденция к повышению религиозности среди молодежи, и вербовка молодежи из Кыргызстана в насильственные экстремистские/террористические группы вызывает обеспокоенность. Согласно исследованию 2016 года, более 90 % кыргызской молодежи заявили, что они религиозные (95,1 %)».

В исследовании отмечено, что книги, члены семьи, религиозные деятели, в том числе местные имамы, являются самыми популярными и безопасными источниками информации о религии: они делают молодежь более устойчивой к радикализации. В отличие от них, интернет, как более обезличенный источник, делает людей более уязвимыми. Будучи легко доступным почти в любой точке КР через операторов мобильной связи, интернет стал основным каналом, по которому некоторые радикально настроенные респонденты получали информацию о религии.

Исследование **«Уязвимости и устойчивости молодых людей в Кыргызстане к радикализации и экстремизму: анализ в пяти сферах жизни»**¹⁵⁶, проведенное в 2019 году, основано на анкетировании 1054 респондентов из городской и сельской местности всех областей страны. Было проведено 65 глубинных интервью с молодыми людьми в возрасте от 14 до 28 лет, 18 обсуждений в формате ФГД и анализ индивидуальных историй.

Наиболее значимым фактором, влияющим на уязвимость к радикализации, является чувство несправедливости, возникающее в результате столкновения с различными видами дискриминации. Молодые люди, которые сталкивались с дискриминацией лично, имеют самые высокие показатели уязвимости, особенно если эта дискриминация происходила со стороны государственных и правоохранительных органов. В том числе – дискриминация со стороны правоохранительных органов больше по отношению к практикующим мусульманам. Тема коррупции и несправедливости составляет основу радикальных идей многих молодых людей, и члены радикальных организаций используют дискурс о коррупции в процессе вербовки, обещая лучшую моральную исламскую альтернативу.

Центр исследования религиозной ситуации при ГКДР КР¹⁵⁷ провел опрос населения по всем областям КР. Результаты показали, что существует множество проблем в области религии, которые при определенных условиях могут подтолкнуть граждан к религиозному экстремизму. Это низкая религиозная грамотность, как самих граждан, так и религиозных деятелей. Выявлен целый комплекс проблем, таких как отсутствие религиозного образования у имамов, низкое качество образования в местных медресе, бесконтрольный характер получения религиозного образования за рубежом и связанные с ним нетрадиционные религиозные взгляды выпускников. В связи с этим респонденты отмечали, что необходимо стандартизировать систему образования в медресе введением общеобразовательных предметов. Это дало бы выпускникам медресе возможность всестороннего развития, выбора в дальнейшем трудоустройстве. С 2015 года действуют государственные пилотные проекты по

---

¹⁵⁶ Насритдинов Э., Урманбетова З., Мурзахалилов К., Мырзабаев М. Central Asia Program, № 212 // URL: <https://centralasiaprogram.org>

¹⁵⁷ Чотаев З.Д., Элебаева А.Б., Эсенаманова Н.С. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике. Search for Common Ground, Центр исследования религиозной ситуации при ГКДР КР Б. 2016, С. 205 // URL: http://religion.gov.kg/wp-content/uploads/2016/11/%D0%92%D0%9B%D0%98%D0%AF%D0%9D%D0%98%D0%95_%D0%A0%D0%95%D0%9B%D0%98%D0%93%D0%98%D0%9E%D0%97%D0%9D%D0%9E%D0%93%D0%9E_%D0%A4%D0%90-%D0%9A%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%90.pdf

обучению учеников медресе и имамов светским предметам, но о них респондентам ничего не известно.

По данным этого исследования, после 1990-х годов в КР отмечается рост уровня религиозного самосознания населения. Самый высокий, стопроцентный, показатель уровня религиозности у представителей узбекского этноса и группы «других». У кыргызов уровень религиозности составляет 98,9 %, у русских – 90,2 %. Рост религиозного самосознания населения республики имеет как положительные, так и отрицательные последствия.

При этом анализ результатов исследования позволил авторам сделать вывод, что наиболее популярной среди всех опрошенных групп респондентов является светская модель государства, предполагающая невмешательство религии в управление государством и сбалансированное регулирование государством деятельности религиозных организаций на основе принципа светскости и свободы вероисповедания. Среди других моделей наиболее популярна модель государства, где ислам играет значительную роль в жизни общества (Турция, Малайзия) – 13,6 %, и модель, где религия является государственной идеологией (Саудовская Аравия, Пакистан, Иран) – 12,3 %. То есть почти 26 % респондентов указали в качестве эффективной модель со значительной ролью религии. Граждане КР не поддерживают вмешательство религии в политический процесс государственного управления, тем не менее, они видят позитивную роль религии в социальной сфере.

Более половины опрошенных полагают возможным использование религиозных ценностей в решении вопросов равенства через внедрение религиозного образования и законов шариата. Исходя из этого, можно сделать вывод, что не все граждане понимают принципы светского государства и невмешательства религии в политику. Религиозные лидеры положительно воспринимают использование законов шариата в решении социальных вопросов и полагают, что данные процессы не относятся к политическим функциям государства. Наиболее известными религиозными общинами в КР являются Таблиги Джамаат – 64,5 % (759), в народе известные как «даваатчи», баптисты – 22,3% (262), Адеп Башаты – 20,9 % (246), православные христиане – 17,4 % (205), Свидетели Иеговы – 12,3 % (145), католическая община – 7,0 % (82), салафиты – 6 % (71), «Нурджулар» – 2,7 % (32), суфии – 2,5 % респондентов. Анализ мнения респондентов по вышеуказанному вопросу показал, что самой активной общиной является Таблиги Джамаат.

Для выявления понимания и определения понятия «экстремизм» респондентами был задан вопрос: «Как Вы понимаете экстремизм и радикализм?». Полученные данные указывают на то, что респонденты отделяют религию от экстремизма. Ключевыми характеристиками экстремизма определены насильственные действия, методы, направленные для достижения политических целей. Большинство участников ФГД интерпретируют сущность радикализма и экстремизма, объясняя, что радикализм может быть в сознании, а экстремизм – это уже насильственные действия.

Анализ полученных данных показывает высокий процент респондентов, 66,9 %, указывающих на опасность экстремизма в религиозной сфере. 82,4 % в Баткенской области, 76,3 % – в Таласской области, 74,4 % – в г. Бишкек. Только 13,3 % полагают, что такой опасности нет.

В определении внутренних причин экстремизма акцент делается на идеологических и политических причинах, где экстремистские политические

идеологии могут выдвигаться как альтернативные существующим. К внешним причинам радикализма и экстремизма все респонденты относят в основном:

- деятельность зарубежных миссионеров,
- учебу в зарубежных религиозных вузах (Саудовской Аравии, Пакистане), где они попадают под влияние радикальных идей,
- трудовых мигрантов, которые оказались под влиянием радикалов в Турции, в Российской Федерации и были там завербованы.

Исследователи отмечают, что в регионе в целом распространен стереотип, что радикалы – это в основном, маргиналы, люди с низким уровнем образования, в том числе религиозного. Сформирован стереотипный образ радикала – это человек с бородой, в коротких штанах, который ведет себя определенным образом. Однако в плену этих стереотипов может остаться незамеченным внешне «нормальный» человек с радикальными взглядами.

Некоторые исследователи в этой связи актуализируют проблему исламского образования как одну из причин радикализации. **Ольга Чикризова и Александра Шумакова** отмечают: «Проблемы в системе исламского образования обнаружились сразу же после образования независимых государств на территории ЦА. Стало очевидно, что республики не в состоянии обучать собственных имамов и улемов, не прибегая к помощи других мусульманских стран. Кроме того, на локальном уровне отсутствовали образованные духовные исламские лидеры, которые бы могли объяснить особенности религиозного культа простым людям, особенно молодежи. Вследствие этого большое количество молодых людей стало искать ответы на духовные вопросы за пределами своих родных стран. Вкупе с низким уровнем жизни в ряде государств региона это приводит к тому, что молодые люди едут за лучшей жизнью и за самореализацией в такие страны, как Сирия, Ирак и Афганистан, где вербовщики террористических группировок обещают им хороший заработок и быстрый «карьерный рост», а также дают им ответы на вопросы об исламе, чем удовлетворяют духовный интерес молодых центральноазиатских мусульман»¹⁵⁸.

Другие исследователи считают стереотипным сам подход, при котором возлагаются большие надежды на религиозное образование. К ним относится один из самых известных современных российских исламоведов **Алексей Малашенко**, который считает, что дело в самой сути религии Ислама: «Ислам – самая обмирщённая из мировых религий, то есть более прочих обращенная на решение мирских вопросов, в том числе политических и экономических. Иногда ислам называют «тотальной религией», а мусульмане считают его «образом жизни»¹⁵⁹. Это вызывает особые трудности в проведении светской, секулярной политики в исламских странах и регионах. По оценке А. Малашенко и К. Вылчевой: «Исламский терроризм – это крайняя форма исламского радикализма. И не радикализма даже, а исламизма. Сейчас проблема усиления жесткой, радикальной позиции в исламе связана с комплексом неполноценности»¹⁶⁰.

¹⁵⁸ Чикризова О.С., Шумакова А.А. Проблема терроризма на постсоветском пространстве. Влияние кризиса исламского образования на процесс радикализации Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2020. №4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-krizisa-islamskogo-obrazovaniya-na-protsess-radikalizatsii-tsentralnoy-azii/viewer>

¹⁵⁹ Малашенко А.В. Исламская экономика: есть ли шанс на развитие? // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-ekonomika-est-li-shans-na-razvitiye>

¹⁶⁰ Малашенко А., Вылчева К. Надо ли бояться ислама? // URL: <https://carnegie.ru/2016/04/22/ru-pub-63446>

Исследование «Профилактика экстремизма в России и странах Центральной Азии»¹⁶¹ показало, что ЦА является территорией, на которой экстремистские тенденции представляют собой серьезную угрозу и проблему. По мнению авторов, потенциальная основа для возникновения и развития идеологии экстремизма в регионе обусловлена следующими факторами: а) идеологический вакуум, возникший после распада Советского Союза, способствовал укоренению на массовом и индивидуальном уровне экстремистских идей; б) информационная глобализация сыграла не последнюю роль в распространении экстремистского контента в массы; в) основную угрозу для ЦА представляет исламистский экстремизм и фундаментализм. За годы суверенного развития страны ЦА сталкивались и сталкиваются с деятельностью исламистских экстремистов, предпринимающих попытки дестабилизировать обстановку в регионе и привести к власти религиозный режим. И хотя ЦА не превратилась в «поле сражений» между светскими и религиозными режимами, а приход к власти исламистских сил по типу «арабской весны» видится в настоящий момент маловероятным, определенные риски сохраняются.

Для ЦА рост экстремистской деятельности связан с внешним силовым давлением: с внутривнутриполитической нестабильностью на Ближнем и Среднем Востоке, Афганистане, Пакистане, подготовкой на их территориях баз и лагерей религиозных экстремистов и фундаменталистов; с геополитической конкуренцией крупных государств (США, Китай, Индия) на территории ЦА; внутритерриториальными, этнотерриториальными конфликтами в ЦА; наркотрафиком и развитием иной транснациональной преступности, которые выступают источниками финансирования деятельности экстремистов. В действительности, нынешняя ситуация в Афганистане не способствует урегулированию проблем с исламистскими экстремистами и радикалами.

Прямое воздействие исламистских экстремистов на ЦА в форме т.н. «исламской революции» на сегодняшний момент видится маловероятным. На фоне центральноазиатской повестки дня опасность представляет скорее поэтапное укоренение в социальных и политических институтах элементов, ориентированных и склонных к радикальной исламистской деятельности, т.е. постепенное повышение социального значения в обществе религиозных экстремистов. И это может быть куда хуже – когда идеология экстремизма возводится в норму и даже в правила поведения.

Кроме того, актуальность темы может быть обусловлена возвращением граждан ЦА – иностранных боевиков-террористов (ИБТ) и членов их семей в страны происхождения¹⁶². В целом исследователи скептически относятся к возможному массовому наплыву ИБТ в страны происхождения, однако, не смотря на низкие цифры, авторы исследования отмечают, что игнорировать потенциальные угрозы, исходящие от возвращающихся ИБТ и связанных с ними людей, не стоит.

Проанализированные источники информации несут разнокачественную информацию о масштабах привлечения граждан ЦА в ряды различных экстремистских

¹⁶¹ Профилактика экстремизма в России и странах Центральной Азии: Часть I // Центр геополитических исследований «Берлек-Единство», – Уфа, РБ, РФ, 2018 // URL: <http://berlek-nkp.com/files/pevrisca1.pdf>

¹⁶² Lemon E., Mironova V., Tobey.W. Jihadists from Ex-Soviet Central Asia: Where Are They? Why Did They Radicalize? What Next? // Russia Matters, Belfer Center for Science and International Affairs // URL: <https://www.belfercenter.org/publication/jihadists-ex-soviet-central-asia-where-are-they-why-did-they-radicalize-what-next>
Harvard Kennedy School, 20, December. Responses to returnees: Foreign terrorist fighters and their families, July 2017. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/ran_br_a4_m10_en.pdf
Thomas F. Lynch III, Michael Bouffard, Kelsey King, and Graham Vickowski. The Return of Foreign Fighters to Central Asia: Implications for U.S. Counterterrorism Policy, Institute for National Strategic Studies Strategic Perspectives, 2016. No. 21, October // <https://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratperspective/inss/Strategic-Perspectives-21.pdf>

организаций. Вместе с тем, можно привести ряд выводов, которые повторяются в нескольких исследованиях.

Граждане России и других постсоветских стран, которые часто называют «русскоязычными», представлены в нескольких группах, в том числе связанных с Исламским государством и Аль-Каидой. По оценкам российских официальных лиц, до мая 2017 года в Сирию и Ирак прибыли до 4000 граждан России, 5000 – из стран бывшего Советского Союза (в том числе более чем 1 000 ИБТ – жители Южного Кавказа и более 4000¹⁶³ – выходцы из стран ЦА¹⁶⁴). Эта информация не может быть проверена независимо и может служить только приблизительным ориентиром.

Власти РТ и КР сообщали о 1100 и 508 (из них около 130 детей)¹⁶⁵ случаях соответственно. Никаких официальных оценок по Узбекистану не опубликовано¹⁶⁶.

В числе ИБТ и связанных с ними людей, согласно исследованию Международного центра по изучению радикализации, за 2018 год женщины составляли 13 % численности ИБТ ИГИЛ/ДАИШ или связанных с ней организаций. В среднем 17 % из почти 20 000 ИБТ приходилось на выходцев из государств-участников ОБСЕ. 7366 человек, связанных с ИГИЛ/ДАЕШ, уже вернулись из Ирака и Сирии в страны, гражданами которых они являются (20 %), или находятся в процессе возвращения. Только 256 человек (4 %) из общего числа вернувшихся были женщины¹⁶⁷.

По данным другого исследования, доля женщин, вовлеченных в преступления, связанные с экстремизмом, выросла до 22 %. Примерно десять лет назад женщины совершали лишь 1 % таких преступлений¹⁶⁸.

ИГИЛ/ДАЕШ мобилизует детей и молодежь. Исследователи представляют предварительные результаты базы данных, созданной в период с января 2015 года по январь 2016 года. Ежемесячно количество молодых людей, умирающих в результате «операций-самоубийств», выросло с 6 в январе 2015 года до 11 в январе 2016 года. Также увеличивалось количество операций с участием одного или нескольких детей или подростков; в январе 2016 г. было в три раза больше операций с самоубийством с участием детей и молодежи, чем в январе 2015 года¹⁶⁹.

При этом исследования показывают, что страны ЦА не являются регионом массовой вербовки террористов. Число боевиков, привлеченных ИГ из этих государств, не велико по сравнению со странами Ближнего Востока, Северной Африки и Европы.

¹⁶³ Barrett R. Beyond the Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees (The Soufan Center, 2017), pp. 12–13 // URL: <https://thesoufancenter.org/wp-content/uploads/2017/11/Beyond-the-Caliphate-Foreign-Fighters-and-the-Threat-of-Returnees-TSC-Report-October-2017-v3.pdf>

¹⁶⁴ Блум М. Изображения детей и молодежи в пропаганде мученичества Исламского государства, 2015–2016. Т. 9, вып. 2. 2015 // URL: <https://ctc.usma.edu/depictions-of-children-and-youth-in-the-islamic-states-martyrdom-propaganda-2015-2016/>

¹⁶⁵ Barrett, R. // URL: <https://radical.hypotheses.org/files/2018/01/Beyond-the-Caliphate-Foreign-Fighters-and-the-Threat-of-Returnees-TSC-Report-October-2017.pdf>

¹⁶⁶ Barrett, R. Russian-Speaking Fighters In Syria, Iraq And At Home: Consequences And Context. The Soufan Center, 2017 // URL: <https://thesoufancenter.org/wp-content/uploads/2017/11/Beyond-the-Caliphate-Foreign-Fighters-and-the-Threat-of-Returnees-TSC-Report-October-2017-v3.pdf>

¹⁶⁷ Богно К.О роли гендерного фактора в предотвращении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, а также в борьбе с этой угрозой. Передовой опыт работы правоохранительных органов / Отдел по борьбе с терроризмом (ОБТ) Департамента по противодействию транснациональным угрозам (ДТУ) // URL: https://www.osce.org/files/f/documents/1/1/429452_0.pdf, основано на 111 источниках информации

¹⁶⁸ Singh N. ISIS and Radicalization in the Central Asian Republics. Vivekananda International Foundation. 2016 // URL: https://www.vifindia.org/sites/default/files/isis-and-radicalization-in-the-central-asian-republics_0.pdf

¹⁶⁹ Блум М. Изображения детей и молодежи в пропаганде мученичества Исламского государства. Т. 9, Вып. 2. 2015–2016 // URL: <https://ctc.usma.edu/depictions-of-children-and-youth-in-the-islamic-states-martyrdom-propaganda-2015-2016/>

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ

По данным Польского института международных отношений, число добровольцев из этих стран на душу населения составляет: 1 на душу населения из 14 400 туркмен, 1 на 40 000 таджиков, 1 на 56 000 киргизов, 1 на 58 000 узбеков, 1 из 72 000 казахов. Среднее значение по региону – 0,002 %. Для сравнения, у пяти лидирующих стран-поставщиков ИБТ (Тунис, Саудовская Аравия, Иордания, Марокко и Ливан) средний региональный процент от совокупного населения колеблется в пределах 0,08–0,011 %. Для пяти ведущих европейских стран (Франция, Германия, Великобритания, Бельгия, Босния и Герцеговина) средний показатель составляет 0,07 % от общей численности их населения¹⁷⁰.

Более подробная интерпретация исследования Польского института международных отношений дана в публикации Кемеля Токтомушева¹⁷¹, что позволило выложить данные в табличной форме для сравнения.

Таблица 21. Граждане стран в числе иностранных боевиков в расчете на 1 душу населения

Туркмен	14 400
Таджиков	40 000
Кыргызов	56 000
Узбеков	58 000
Казахов	72 000
Ливанцев	6 500
Иорданцев	5 300
Тунисцев	7 300
Саудовской Аравии	18 200
Марокко	22 000
Боснии и Герцеговине	11 700
Бельгии	23 800
Франции	55 200

Одна из причин – отсутствие прямой транспортной связи между государствами ЦА и полями сражений на Ближнем Востоке. Вторая причина – позитивное социальное давление. Члены семей тех людей, которые решили поехать на контролируемые ИГ территории, выразили глубокое сожаление и разочарование по поводу решений своих родственников и в большинстве случаев отrekliсь от них.

Такое позитивное социальное давление может стать фактором устойчивости в обществах государств ЦА и при целенаправленной работе может сократить потенциальные риски радикализации молодежи.

Таким образом, факторы, которые приводят к радикализации мусульман, специфичны, многообразны и чаще не связаны с религией. Разнообразные предпосылки для радикализации жителей ЦА демонстрируют, что осмысление

¹⁷⁰ Динер А., Леджик А. и Рекавек К. Ready to go? ISIS and its presumed expansion into Central Asia', Польский институт международных отношений, № 19. 2015 // URL: [https://www.files.ethz.ch/isn/192428/PISM%20Policy%20Paper%20no%2019%20\(121\).pdf](https://www.files.ethz.ch/isn/192428/PISM%20Policy%20Paper%20no%2019%20(121).pdf)

¹⁷¹ Токтомушев К. Социальная сплоченность и осмысление конфликтов в приграничных районах Кыргызстана и Таджикистана. Университет Центральной Азии, доклад №40. 2017. С. 20.

причин радикализации единым линейным способом является слишком упрощенным и вводящим в заблуждение подходом. Необходим более аккуратный и методологически строгий подход для понимания этого явления и его актуальности для таких регионов как ЦА¹⁷².

Можно согласиться с выводами исследования **Бахтиёра Бабаджанова**¹⁷³, который отметил, что медленная реисламизация в регионе ЦА продолжается и она побуждает обратиться к целому комплексу проблем, чтобы корректно оценить их масштабы и перспективы, не создавая информационной паники, особенно в смысле создания мифов о «террористических угрозах». Не стоит упускать из виду, что исламская идентичность среди большинства мусульман соседствует с другими видами идентичности (национальной, меганациональной, локальной и др.), однако, их соотношения практически не изучены.

5.3. ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Уязвимость стран ЦА перед вызовами радикализации остается высокой в связи с наличием структурных проблем, в том числе авторитаризмом, широко распространенной коррупцией, ограниченным прогрессом в области инклюзивного развития и незавершенным государственным строительством¹⁷⁴. Перед всеми правительствами стоят непростые задачи обеспечения мира и стабильности, повышения темпов экономического роста, при одновременном обеспечении расширения возможностей трудоустройства для ежегодно выходящей на рынок труда молодежи. Имеющиеся недовольства и основанные на них призывы к переменам могут быть привлекательными для граждан государств ЦА, как находящихся в своих странах, так и за их пределами.

Большинство проанализированных исследований в той или иной мере затрагивают вопрос о причинах радикализации. Данные официальной статистики, а также независимых исследований и оценок не позволяют нам выделить четкую градацию причин и факторов радикализации. Зачастую подталкивающим фактором является совокупность факторов и причин, которая может отличаться от страны к стране, от одной социальной группы к другой, и даже в каждом отдельном случае. Авторы исследований сходятся во мнении, что не существует единого пути к терроризму, нельзя также последовательно изложить набор общих факторов, влияющих на радикализацию. Каждый случай является результатом уникального сочетания отдельных факторов¹⁷⁵. Но авторы большинства исследований выделяют примерно повторяющийся перечень причин и.

Политические причины. Люди радикализировались и вступали в экстремистские группировки в ответ на несправедливость, репрессии или дискриминацию со стороны государственных органов. «Запреты исламских организаций, подозрение

¹⁷² Токтомушев К. Социальная сплоченность и осмысление конфликтов в приграничных районах Кыргызстана и Таджикистана. Университет Центральной Азии, 2017. С. 28 // URL: <https://www.ucentralasia.org/Content/Downloads/UCA-IPPA-WP40-Promoting%20Social%20Cohesion%20and%20Conflict%20Mitigation-RUS.pdf>

¹⁷³ Бабаджанов. Б. Об исламе «хорошем» и исламе «плохом». Опыт персонального участия в религиозной экспертизе // URL: <https://crss.uz/2016/05/10/ob-islame-xoroshem-i-islame-ploxom-opyt-personalnogo-uchastiya-v-religioznoj-ekspertize/>

¹⁷⁴ Swerdlow S. Applying a Human Rights-Based Approach to the Prevention of Violent Extremism. Case Study: Centra lAsia. UNDP. 2019. October,

¹⁷⁵ Богно К. О роли гендерного фактора в предотвращении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, а также в борьбе с этой угрозой. 2018 // URL: https://www.osce.org/files/f/documents/1/1/429452_0.pdf

о сотрудничестве с исламистами и последующее преследование тысяч мусульман вынудили радикальные группы уйти в подполье. Столь жесткие меры значительно осложнили количественную оценку состава и качественную оценку деятельности данных организаций и создали трудности в нейтрализации распространения религиозно-политического экстремизма»¹⁷⁶.

Недовольство, связанное с дискриминацией и преследованием со стороны государственных органов и/или с неравным доступом к государственным услугам, может включать в себя предвзятое отношение к подозреваемым в терроризме по этническому признаку со стороны правоохранительных органов; нарушения прав человека, совершаемые правоохранительными органами; ощущение того, что безопасность и доступ к правосудию неодинаковы для мужчин и женщин¹⁷⁷.

Этот блок причин включает в себя недовольство, связанное с ощущением себя жертвой действий или бездействия правительства, включая нарушение прав человека. Эти факторы связаны с сильным чувством разочарования и несправедливости, например, с чувством отсутствия представительства интересов лица в политическом руководстве и полиции, что часто усиливается ксенофобией, дискриминацией и маргинализацией. Как отмечают эксперты: «Граждане из ЦА едут воевать в Сирию на стороне вооруженной оппозиции из-за фрустрации, в которой они оказались по причине экзистенциальных проблем социально-экономического характера, существующих на их родине. Сюда можно отнести не только коррупцию и растущую пропасть между богатыми и бедными, но и отсутствие гарантий прав и свобод личности, достойных условий существования»¹⁷⁸.

Исследование в КР подтверждает данный тезис: «Молодым людям не хватает доверия к государственным учреждениям и местным муниципальным органам для предотвращения конфликтов, связанных с природными ресурсами, такими как вода, а также этнических и трансграничных конфликтов»¹⁷⁹. В какой-то степени, коррумпированные государственные органы и местные власти рассматриваются как часть проблемы. Например, полевые исследования выявили спор о несправедливом распределении земли среди молодых семей, который, по их мнению, был вызван коррумпированными государственными учреждениями.

В школе мальчики в возрасте 14–17 лет беспокоятся об издевательствах, рэкрете и драках из-за этнической принадлежности. Они указали на недостаток понимания и поддержки со стороны учителей и неспособность правоохранительных органов решить эти проблемы. Девочки были меньше озабочены драками и издевательствами. Опрос мнения молодых людей «М-репорт» показал, что 69 % из них заявили, что в их школах были издевательства (27 % испытывали издевательства лично, а 42 % видели, как другие одноклассники испытывали издевательства)¹⁸⁰.

¹⁷⁶ Набиев Р.А., Шакиров И.Я. Ареалы активизации исламских фундаменталистских течений в постсоветских среднеазиатских государствах // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arealy-aktivizatsii-islamskih-fundamentalistskih-techeniy-v-postsovetskih-sredneaziatskih-gosudarstvah>

¹⁷⁷ Ульянов М.В. Преступность мигрантов и предупреждение экстремизма // Преступность, уголовная политика, закон. 2016. С. 293–297 // URL: <https://www.dissercat.com/content/migratsionnye-protsessy-v-sisteme-determinatsii-prestuplenii-ekstremistskoi-napravlenosti>

¹⁷⁸ Гарбузарова Е.Г. Ислам в государствах Центральной Азии в современный период // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islam-v-gosudarstvah-tsentralnoy-azii-v-sovremennyy-period>

¹⁷⁹ Омуркулова-Озерска Э. Молодежь, мир и безопасность в Кыргызстане: вклад в Исследование прогресса в области Молодежи, мира и безопасности, предусмотренное резолюцией 2250 СБ ООН. 2017. URL: https://www.youth4peace.info/system/files/2018-04/6.%20FGD_Kyrgyzstan_SF%20CG%20%28Russian%29_0.pdf

¹⁸⁰ Школьный рэкет // Молодежный опрос «М-репорт». – 2017 // URL: <http://mreport.kg/ru/poll/shkolnyj-reket/results/>

Исследование¹⁸¹ подтверждает данный тезис, описывая ситуацию в Кыргызстане: «молодые люди по-прежнему не могут влиять на процессы принятия решений из-за ограниченности знаний и опыта и контроля старших над этим. На это влияет целый ряд факторов, включающий коррупцию, трайбализм/непотизм, отсутствие образовательных возможностей, дискриминацию в отношении определенных групп, включая женщин, представителей этнических меньшинств, людей с ограниченными возможностями и молодежь ЛГБТ. Кроме того, участие молодежи в политике не всегда позитивно: политические лидеры используют молодых членов в качестве инструментов для достижения своих личных политических целей, в то время как молодые люди используют свои политические связи для обеспечения своего будущего в финансовом и ином отношениях.

В контексте проявления несправедливости со стороны госорганов, многие молодые люди считают, что политическая система в Кыргызстане должна измениться, причем измениться радикально. Однако сами молодые люди имеют очень мало возможностей для участия в официальной политической жизни, в связи с тем, что в ней доминирует старшее поколение. При отсутствии таких возможностей, политические взгляды молодых людей все чаще пересекаются с их религиозными взглядами, например, почти треть респондентов готовы поддержать не только более религиозного кандидата на политическую позицию, но даже введение шариата вместо Конституции. Молодые люди доверяют религиозным институтам больше, чем государственным учреждениям или неправительственным организациям. Они относятся к мусульманским суннитским странам Саудовской Аравии, Турции и к России более позитивно, чем к западным (США и страны ЕС).

Социально-экономические причины. В некоторых случаях людям предлагали или обещали очень большое вознаграждение, и в погоне за легкими и большими деньгами и/или в стремлении погасить свои кредиты, улучшить условия жизни они пошли на данный шаг¹⁸².

«Важными факторами, способствующими созданию и функционированию в государствах ЦА «спящих ячеек» международных террористических организаций, в том числе и ИГ, является деградация социально-экономической сферы, массовая нищета и коррупция, отсутствие перспектив для благополучия и развития большей части населения. В совокупности все это формирует в этих странах кризисный протестный потенциал и способствует активизации деятельности в них террористических организаций»¹⁸³.

Одиночество и изолированность. Исследование, проведенное Управлением ООН по борьбе с терроризмом и Советом Европы¹⁸⁴, в качестве одной из причин

¹⁸¹ Омуркулова-Озерска Э. Молодежь, мир и безопасность в Кыргызстане: вклад в Исследование прогресса в области Молодежи, мира и безопасности, предусмотренное резолюцией 2250 СБ ООН. 2017 // URL: https://www.youth4peace.info/system/files/2018-04/6.%20FGD_Kyrgyzstan_SF%20FCG%20%28Russian%29_0.pdf

¹⁸² Арчаков М.К. Материально-техническое обеспечение исламских экстремистских организаций // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. 2016. № 3. С. 12-20 // URL: https://bgpu.ru/irbis/cgi-bin/irbis64r_14/cgiirbis_64.exe?LNG=en&Z21ID=&I21DBN=TRUD&P21DBN=TRUD&S21STN=1&S21REF=&S21FMT=fullwebr&C21COM=S&S21CNR=30&S21P01=0&S21P02=1&S21P03=A=&S21STR=%D0%90%D1%80%D1%87%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2,%20%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

¹⁸³ Повышение устойчивости сообществ и регионального сотрудничества для предотвращения насильственного экстремизма в Центральной Азии // Доклад МОМ в рамках регионального проекта ПРООН (2018–2020 гг.) // Социально-экономическая уязвимость как фактор долгосрочного риска радикализации. – Нур-Султан, 2020 // URL: <https://www.kz.undp.org/content/kazakhstan/ru/home/presscenter/news/2020/november/prevention-of-violent-extremism-in-the-central-asian-region-and-.html>

¹⁸⁴ Там же.

радикализации, на которое ссылаются ИБТ (как мужчины, так и женщины) из государств-участников ОБСЕ, называют чувство одиночества и изолированности, включая неадекватное восприятие своей личности и неуверенность в том, что ты вовлечен в жизнь общества и принадлежишь к его основным структурам.

В эту группу входят факторы, связанные с изоляцией от общества; общественное осуждение, маргинализация и дискриминация (реальная или предполагаемая); недостаточная социальная мобильность; ограниченные возможности образования или трудоустройства; случаи насильственного перемещения; преступность; отсутствие общественных связей и исключение личности из общества. «Других могут подталкивать мрачные экономические и социальные возможности в их родных странах, в отличие от «гламурного» исламского образа жизни, изображаемого пропагандой ИГ»¹⁸⁵.

Исследование **Омуркуловой-Озерска**¹⁸⁶ выявило, что большую роль играет проблема образа будущего: «В зависимости от среды и воспитания кыргызская молодежь сталкивается с несколькими вариантами или путями в будущее. К ним может относиться вступление в брак в раннем возрасте; стать малооплачиваемым сезонным или неквалифицированным работником, или подрядчиком; пойти по пути политика или государственного чиновника, когда общественная позиция становится источником заработка и безопасности для себя и близких; стать религиозным лидером или религиозной личностью; или пойти по пути преступности. Имея ограниченные перспективы на будущее, молодые люди не мотивированы учиться и расширять свои горизонты, и это мышление увеличивает уязвимость к радикализации. Кроме того, не так много ресурсов доступно для молодых людей, чтобы они могли понять возможности, которые могут быть доступны после окончания обучения.

Для молодых женщин, особенно в сельских районах, варианты еще более ограничены. Принудительные или организованные браки остаются распространенными: у молодой женщины часто нет возможности выйти замуж за мужчину по своему выбору, вместо этого соглашение за нее заключается между семьями, или это может быть похищение с целью вступления в брак с человеком, которого она никогда не встречала. Как правило, молодая замужняя женщина в семье своего мужа имеет меньше прав, чем другие члены семьи, ожидается, что она будет вести себя как молчаливая уборщица, повар или служанка, и может подвергаться физическому и/или психологическому насилию.

Социально-экономические проблемы¹⁸⁷, особенно бедность и безработица, не являясь сами по себе источниками экстремизма, тем не менее образуют базу, на которой формируется предрасположенность. Из-за острых социально-экономических проблем население склонно вырабатывать негативное отношение к государству. Как показало исследование, недовольство государственным управлением способно привести к искаженным представлениям о демократии (и вместе с ней – о светскости), а значит – мотивировать людей на требование смены политического режима, в том числе путем экстремизма. Такое желание актуализируется среди населения, когда люди психологически не ощущают поддержку государства, а также не видит государственных

¹⁸⁵ Бочарников И.В., Гончаров С.С. «Спящие ячейки» террористического псевдохалифата «ИГ» в России: меры профилактики и противодействия // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spyaschie-yachei-ki-terroristicheskogo-psevдохалифата-ig-v-rossii-meryi-profilaktiki-i-protivodei-stviya>

¹⁸⁶ Молодежь, мир и безопасность в Кыргызстане: вклад в исследование прогресса в области молодежи, мира и безопасности, предусмотренное резолюцией 2250 СБ ООН. 66 глубинных интервью и 6 ФГД // URL: https://www.youth4peace.info/system/files/2018-04/6.%20FGD_Kyrgyzstan_SFSG%20%28Russian%29_0.pdf

¹⁸⁷ По материалам "Search for Common Ground" и Центра исследования религиозной ситуации при ГКДР КР.

планов относительно будущего. Как отмечают эксперты: «Современное развитие ЦА характеризуется сохраняющимся низким уровнем социально-экономического развития, следствием чего является безработица, бедность, криминализация различных сфер, коррупция и возрождение клановой системы»¹⁸⁸.

Индивидуальные социально–психологические причины. Желание самоутверждения и реализации собственного потенциала. Так, Скотт Гейтс, Суканья Поддер¹⁸⁹ отмечают, что «Мотивы, лежащие в основе решения радикализироваться, многочисленны, они различаются и взаимодействуют сложным образом, мы, вероятно, еще не полностью понимаем. Мотивы могут включать в себя перспективу приключений, желание произвести впечатление на местное сообщество или противоположный пол, поиск идентичности, чувство мести, поиск товарищества, желание войти в историю и многое другое».

Информационная сеть по вопросам радикализации Европейской комиссии¹⁹⁰ также выделяет в качестве важных психологические причины: «они включают в себя человеческие обиды и другие эмоции, такие как чувство одиночества и отчуждение; гнев и разочарование; сильное чувство несправедливости; чувство унижения; а также авторитарное мировоззрение; привычка предвзято истолковывать ситуации; вера в теории заговора; чувство жертвенности; повышенное чувство личной уязвимости; и/или стремление противопоставлять свою жизнь основным культурным нормам общества»¹⁹¹.

Молодые люди с низким уровнем удовлетворенности жизнью и высоким уровнем агрессии более уязвимы к радикализации. Многие эксперты в сфере религии и специалисты, работающие с молодежью, указывали на психологические осложнения и нездоровую атмосферу в семье как причины уязвимости. Психологическая травма и другие механизмы, инициирующие агрессивные действия могут являться следствием либо состояния, унаследованного непосредственно от родителей, у которых есть посттравматическое стрессовое расстройство, или может быть связана с другими сложными психологическими проблемами¹⁹².

Сюда входят такие поведенческие особенности, как восхищение харизматичным лидером; существовавшие ранее дружеские и родственные связи; самоизоляция; крайние формы негативного поведения и воззрения, отрицающие принятые в обществе культурные нормы; поиск чувства причастности, которое не может быть найдено в традиционном обществе; или общение с другими людьми, которые разделяют схожие потребности или запросы.

Культура и кризис идентичности. Эти факторы связаны с культурной маргинализацией, которая может привести к отчуждению от общества. Например, мигрантам не хватает чувства причастности – они не чувствуют себя ни частью нового «дома», ни частью страны, из которой переехали их родители. Тем более, что для

¹⁸⁸ Борисов Д.А., Сафаров А.М. ИГИЛ в Центральной Азии: ближневосточные аналогии и региональная специфика // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igil-v-tsentralnoy-azii-blichnevostochnye-analogii-i-regionalnaya-spetsifika>

¹⁸⁹ Гейтс С., Суканья П., Социальные сети, вербовка, верность и Исламское государство. 2015 // URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/446/html> На основе 43 источников

¹⁹⁰ Богно К. О роли гендерного фактора в предотвращении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, а также в борьбе с этой угрозой. Передовой опыт работы правоохранительных органов. 2018 // URL: https://www.osce.org/files/f/documents/1/1/429452_0.pdf

¹⁹¹ Овсянникова О.А. Психологические истоки экстремизма // Научные труды ученых Отделения общих проблем войны мира и армии. Академии военных наук. – Москва, 2019. С. 170–179. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37142785&ppf=1>

¹⁹² Овсянникова О.А. С. 170–179.

значительной части мигрантов из ЦА характерны: «низкий уровень квалификации, правового знания, гражданского образования, незнание иностранного языка и недостаточная осведомленность о требованиях рынка труда»¹⁹³.

Молодые люди, которые чаще чувствуют себя одинокими/изолированными, имеют меньше друзей и больше конфликтов, более уязвимы к радикализации. В прошлом советская администрация уделяла особое внимание созданию как материальной, так и социальной инфраструктуры для того, чтобы молодые люди могли эффективно и продуктивно проводить свободное время. Сегодня, за исключением крупных городов, большая часть этой инфраструктуры разрушена или устарела, молодежь остается предоставленной самой себе на улице, где на них может больше влиять преступный мир. Молодые люди, связанные с криминальным миром, имеют более высокие показатели уязвимости к радикализации.

Исследователи¹⁹⁴ Центра Суфана, выделили три взаимосвязанных **фактора**, связанных с возможностью перемещения и доступом к информации, которые способствовали уникальному характеру мобилизации ИБТ. Они могут быть интересны в комплексе с выявленными причинами радикализации.

- **Относительная легкость**, с которой люди могут добраться до Сирийской Арабской Республики.
- **Разнообразие мотивов путешествий и то, как они менялись с течением времени**. Исследователи сравнили путешественников на ранних стадиях конфликта с теми, кто путешествовал после июня 2014 года, они, в отличие от своих предшественников, могли видеть обязанность жить в «халифате» ИГИЛ и поэтому не планировали возвращаться домой.
- **Изменения в доступности, использовании и безопасности информационных и коммуникационных технологий (ИКТ)**. Это позволило террористическим группам в Ираке и Сирийской Арабской Республике быстрее продвигать свою пропаганду среди более широкой и глобальной аудитории. ИБТ также могли поддерживать регулярные контакты со своими семьями и друзьями, поощряя дальнейшие поездки и мобилизуя перевод денег в зоны конфликта и из них

К этому довольно широкому спектру факторов, которые могли бы объяснить радикализацию и присоединение к экстремистским группам, можно добавить еще несколько способствующих.

Молодежная безработица. Молодежь, и в особенности молодые женщины, могут оказываться в ситуации, когда неудачные попытки устроиться на работу с соответствующим техническим образованием могут привести к потере компетентности и длительному состоянию карьерной нестабильности. Индивидуальные барьеры включают недостаточным образованием, недостаточным опытом работы или неспособностью проверить свои профессиональные навыки и квалификацию. Типичный сценарий – это работники неформального сектора: например, на местных

---

¹⁹³ Толеуов Ж.С. Регулирование внешних миграционных процессов молодежи в странах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-vneshnih-migratsionnyh-protsessov-molodezhi-v-stranah-tsentralnoy-azii-kazahstan-kyrgyzstan-uzbekistan-tadzhikistan>

¹⁹⁴ Barrett R. Beyond the Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees / The Soufan Center. 2017. На основе анализа 53 источников информации // URL: <https://radical.hypotheses.org/files/2018/01/Beyond-the-Caliphate-Foreign-Fighters-and-the-Threat-of-Returnees-TSC-Report-October-2017.pdf>

рынках, сезонные рабочие места в сельском хозяйстве или в сфере стирки и уборки, а также трудовая миграция.

Исследования жизни молодежи в Ферганской долине показали, что молодые люди часто не обладают необходимыми способностями, которые могли бы помочь им преодолеть свои трудности¹⁹⁵. Молодые люди сообщали о затруднении в поиске работы, которая удовлетворила бы их ожидания относительно достаточной заработной платы и долгосрочных перспективах карьерного роста на местном уровне или в городах Ферганской долины.

Другие исследования показывают, что молодым людям не хватает навыков, которые востребованы, и такие необученные молодые люди, не имеющие опыта работы, наиболее уязвимы для увольнения и с большей вероятностью будут страдать от длительной безработицы. Образование воспринимается молодежью как способ личного продвижения и улучшения жизненных возможностей. Такое стремление к образованию может помочь в некоторой степени снизить уязвимость. Хотя положение студентов остается неустойчивым с экономической точки зрения, эта категория молодых людей лучше подготовлена к тому, чтобы справиться со своей экономической уязвимостью¹⁹⁶.

Низкооплачиваемые рабочие места. Жители уязвимых групп в основном заняты на низкооплачиваемых работах, что ограничивает возможности получения постоянного дохода, достаточного для удовлетворения жизненных потребностей домохозяйств. Лица, занимающие должности в государственных бюджетных организациях, находят уровень заработной платы слишком низким, что вынуждает их брать вторую работу, такую, где нет постоянного дохода и зарплата выплачивается ежедневно. Семьи с единственными кормильцами находятся в особенно трудном положении. Занятость в частном секторе часто не снижает уязвимость в долгосрочной перспективе, поскольку не приводит к личному развитию или сбережению накоплений. Молодые женщины, работающие в государственных учреждениях (школах, детских садах) также сообщали о том, что еле сводят концы с концами¹⁹⁷.

Гендерное неравенство. Социально-экономическое благополучие женщин, особенно в сельских районах, в значительной степени зависит от их семейного положения и отношений с мужьями и их семьями. Их благосостояние может резко ухудшиться, когда их бросают мужья или они разводятся. В некоторых случаях эти обстоятельства могут привести к потере финансовой поддержки и даже к тому, что они будут вынуждены покинуть дом. Эти проблемы особенно остро стоят перед многодетными женщинами, которые являются домохозяйками и не имеют официального опыта работы. В свою очередь, многие молодые женщины не имеют достаточной квалификации, чтобы успешно конкурировать за немногие доступные стабильные рабочие места, и вынуждены работать на неустойчивых сезонных работах, где они не могут приобрести навыки, необходимые для развития карьеры. Женщины с большим количеством детей, которые не могут найти постоянную

¹⁹⁵ Хадимуллин Р.П. Проблема радикализации кыргызского общества // URL: <http://berleknpk.com/analytics/4890-cgi-berlek-edinstvo-problema-radikalizaciikyrgyzskogo-obschestva.htm>

¹⁹⁶ Элшими М.С. и др. Исследование факторов, способствующих радикализации среди трудовых мигрантов из Центральной Азии в России / Королевский Объединенный Институт Оборонных Исследований (RUSI), Search for Common Ground / Специальный выпуск RUSI, 2018 // URL: https://prevention.kg/wp-content/uploads/2019/01/%D0%98%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%8B_%D1%8D%D0%BA%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%BC.pdf

¹⁹⁷ Там же.

работу, оказались в наибольшей степени подвержены риску бедности. Уязвимая категория, которая была выявлена в ходе исследования, – молодые женщины, у которых отсутствует необходимое образование или опыт работы. В регионе велики проблемы длительной безработицы среди женщин. Препятствия на пути женщин к трудовой занятости, особенно в сельской местности: низкий уровень грамотности и образования, неспособность приобрести необходимые навыки и отсутствие дошкольных учреждений, в том числе для детей с ограниченными возможностями¹⁹⁸.

В реальности такого рода культурные стереотипы преодолеваются весьма медленно. Надо запастись терпением, много работать, в том числе ломая существующие стереотипы у самих женщин¹⁹⁹.

Афтершок пандемии COVID-19. Пандемия COVID-19 ограничивает возможности для занятости, ограничивая их теми должностями, которые востребованы и считаются жизненно важными, чтобы справиться с растущим числом инфекций (врачи, медсестры, водители). В то же время, временно введенные ограничения мобильности в регионе приостановили деятельность предприятий, в которых занято значительное количество молодежи – кафе, рестораны, торговые центры, строительные площадки, гостиничный бизнес.

5.4. ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ

Исследование «**Возвратная миграция. Международные подходы и региональные особенности Центральной Азии**»²⁰⁰, проведенное на основе более 100 источников информации, показывает, что примерно половина трансграничных миграций в рамках СНГ – это потоки из стран ЦА на работу в РФ и, частично, в Казахстан. Сложился устойчивый миграционный коридор, который является одним из крупнейших в мире с точки зрения движения населения и денежных переводов. КР, РТ и РУз являются активными участниками миграционных процессов в регионе, странами, отправляющими значительное количество трудящихся-мигрантов за границу. В трудовой миграции между странами ЦА и ее принимающими партнерами участвует около 3,8 млн человек, что составляет примерно 14 % экономически активного населения стран ЦА. В РФ направляются до 85 % трудящихся-мигрантов из Таджикистана, до 85 % трудящихся-мигрантов из Кыргызстана, около 70 % трудящихся-мигрантов из Узбекистана.

На фоне депопуляции и старения населения РФ и Казахстана демографическая ситуация в странах ЦА кардинально противоположна: численность населения трудоспособного возраста к 2050 году будет расти: в РУз – на 6,4 млн, в РТ – на 2,8 млн, в КР – на 600 тыс. человек. Странам ЦА присуще расширенное воспроизводство населения – коэффициент фертильности составляет от 2,4 до 3,2 ребенка на 1 женщину, тогда как в РФ – 1,7 ребенка. Даже при ускоренном развитии экономики в государствах ЦА все трудоспособное население не сможет найти работу. С большой

¹⁹⁸ МОМ в Центральной Азии // Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии: первопричины, социально-экономические последствия обратной миграции. – Астана, 2016; МОМ Центральная Азия // Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии: оценка потребности мигрантов и сообществ и управление рисками. – Астана, 2017 // URL: www.iom.kz/en/publications

¹⁹⁹ Матвиенко И. Узбекистан: женщины меньше получают, менее образованы, менее равны // URL: <http://ced.uz/issledovaniya/uzbekistan-zhenshhiny-menshe-poluchayut-menee-obrazovanny-menee-ravny/>

²⁰⁰ Алаева Г., Деловарова Л., Диноршоев А. Возвратная миграция. Международные подходы и региональные особенности Центральной Азии // URL: <https://publications.iom.int/fr/system/files/pdf/return-migration-in-ca-ru.pdf>

долей вероятности в среднесрочной перспективе страны ЦА останутся основными миграционными донорами для Российской Федерации и Казахстана.

КР на протяжении новейшей истории имела отрицательное миграционное сальдо, являясь отправляющей страной. Положительный миграционный баланс отмечается только с тремя странами: РУз, РТ и Китаем. На динамику эмиграции из КР влияют социально-экономические и политические факторы как в самой республике, так и в ключевых миграционных странах-партнерах (например, экономическая ситуация и изменение миграционного законодательства РФ). За пределами страны в качестве трудовых мигрантов находятся более 700 тыс. граждан КР, в том числе в РФ – более 640 тыс., в Казахстане – 35 тыс., в Турции – 30 тыс., в США – 15 тыс., в Италии – 5,5 тыс., в Республике Корея и Германии – по 5 тыс. человек. В 2018 году в РФ на миграционный учет было поставлено 640 тыс. граждан КР – это около 90 % всех мигрантов из КР за рубежом.

На начало 2015 года численность трудовых ресурсов в **РТ** достигла 4 983 тыс. человек. При этом рост числа занятых (92 тыс.) существенно (почти в пять раз) отстает от прироста трудовых ресурсов (453 тыс.), что осложняет неблагоприятную ситуацию на рынке труда. В течение последних 20 лет численность населения РТ выросла на 31 %, а трудовые ресурсы – на 67 %. При этом уровень занятости вырос всего на 9 %, т.е. рост занятости отстает от роста трудовых ресурсов на 58 %. Рынок труда РТ не в состоянии обеспечить все трудоспособное население работой, в этой связи отмечается активная трудовая эмиграция таджиков с целью трудоустройства за рубежом. До недавнего времени на пространстве СНГ РФ оставалась практически единственной страной миграционного притяжения рабочей силы из РТ. Сегодня стремительно растущая экономика Казахстана также активно привлекает трудовые ресурсы из РТ.

В основном трудовая миграция имеет сезонный и возвратный характер, так как в РТ традиционно крепки семейные связи. Большинство трудовых мигрантов рассматривают труд за рубежом как временную меру решения финансовых проблем семьи. Однако за последние 5–7 лет наблюдается увеличение продолжительности пребывания на заработках за границей и рост уровня дифференциации по профессиональному признаку.

Характерной особенностью **РУз** также являются высокие темпы прироста населения. Ежегодный прирост рабочей силы составляет 350–370 тыс. человек. В настоящее время для РУз характерна маятниковая миграция, т.е. передвижение населения из сел в города в течение суток. Анализ данных показывает, что в РУз постепенно меняется соотношение между внутренними и внешними мигрантами. Если в 2010 году около 15 % мигрантов желали эмигрировать за пределы РУз, то уже в 2016 году большинство желало мигрировать внутри страны. Общее количество граждан РУз, выехавших за границу с различными целями в 2017 году, составляло 6,8 млн, а в 2018 году – 13,8 млн человек. Количество мужчин, граждан РУз, выехавших из страны, составило 58 % (8 млн человек), женщин – 42% (5,8 млн человек). В страны СНГ выехали 13,3 млн человек (96 %), в страны дальнего зарубежья – 531 тыс. человек (4 %). Наибольшее число граждан РУз выехало в Казахстан – 7,1 млн (52 %), Кыргызстан – 3,1 млн (23 %), РФ – 1,1 млн (9 %), а также в Республику Корея, Турцию, КНР, США и Германию.

Согласно данным Всемирного банка в 2017 г. 81 % всех трудящихся-мигрантов мужчин и 67 % женщин из Узбекистана работали в Российской Федерации, 12 % и

10 % соответственно – в Казахстане, 3 % и 18 % соответственно – в Турции. В 2018 году в РФ было поставлено на миграционный учет 4,5 млн граждан Узбекистана, из них с целью работы – 1 574 тыс. человек.

Исследование **«Молодежь, мир и безопасность в Кыргызстане»**²⁰¹ отмечает риски миграции для детей и семей, а именно: «Экономическая миграция из сельской местности создает дополнительное бремя для молодых людей, которые остались. Дети, оставленные трудящимися-мигрантами, склонны к психологическому и физическому насилию и имеют ограниченный доступ к социальным услугам, здравоохранению и образованию».

В исследовании **«Трудовая миграция: оценки, проблемы, решения»**²⁰² ставилась цель изучить мнение граждан, выезжавших и планирующих выехать в другие страны с целью трудоустройства, о проблемах, с которыми они сталкиваются в ходе подготовки выезда, непосредственного проживания и осуществления трудовой деятельности, а также изучить потребности в информации, услугах, которые будут содействовать решению возникающих проблем и трудностей на всех этапах трудовой миграции.

Сбор информации осуществлялся посредством проведения телефонного опроса по специализированному вопроснику, подготовленному специалистами Центра совместно со специалистами Агентства по внешней трудовой миграции при Министерстве занятости и трудовых отношений РУз.

Исследование показало, что граждане, трудоспособное молодое поколение, проявляют повышенный интерес к выезду в другие страны с целью осуществления временной трудовой деятельности. Трудовые мигранты проявляют стабильно высокий уровень намерений выехать в другие страны как повторно (респонденты, которые выезжали в течение последних трех лет), так и в первый раз (респонденты, которые озвучили желание выехать в ближайшее время в другую страну). Как показал опрос, длительность пребывания трудовых мигрантов в других странах можно охарактеризовать как непродолжительную, что подтверждает (в целом) установки граждан проживать в РУз.

В исследовании **«Работа с трудовыми мигрантами за рубежом, создаваемые для них информационные ресурсы, проекты и их эффективность»**²⁰³ в качестве опорных тезисов при подготовке материалов, направленных на формирование отрицательного отношения к идеологии экстремизма и терроризма, отобрана информация акцентирующая внимание на их антигуманной сущности. В том числе демонстрации деструктивных последствий экстремизма и терроризма для граждан РУз (в том числе для членов семьи террориста, в первую очередь, родителей). Большое значение придается работе с религиозными лидерами. Акцентируется осуждение имамами, теологами, исламскими учеными идеологии религиозного экстремизма и терроризма, разоблачаются/ тактики идеологов религиозного экстремизма и

²⁰¹ Омеркулова-Озерска Э., Эменгул Ч. Молодежь, мир и безопасность в Кыргызстане // URL: https://www.youth4peace.info/system/files/2018-04/6.%20FGD_Kyrgyzstan_SFCG%20%28Russian%29_0.pdf, исследование основано на 66 глубинных интервью и 6 ФГД

²⁰² Трудовая миграция: оценки, проблемы, решения // Ижтимоий фикр (Общественное мнение). УзЦИОМ. 2020 // URL: <https://ijtimoiyifkr.uz/ru/issledovaniya/obschestvo/trudovaya-migratsiya-osenki-problemy-resheniya.htm>

²⁰³ Работа с трудовыми мигрантами за рубежом, создаваемые для них информационные ресурсы, проекты и их эффективность / ЦИРУ (Центр изучения региональных угроз). 2020 // URL: <https://crss.uz/2020/12/09/prezentatsiya-na-temu-rabota-s-trudovymi-migrantami-za-rubezhom-sozdavaemye-dlya-nix-informacionnye-resursy-proekty-i-ix-effektivnost>

терроризма по умышленной фальсификации и искажению положений Корана, Хадисов и иных священных религиозных писаний.

Большое внимание уделяется необходимости максимального информирования о психологических приемах, обмане и манипуляциях сознанием молодежи, трудовых мигрантов идеологами и вербовщиками. При этом авторы говорят о необходимости проводить работу по убеждению в неотвратимости наказания за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности (в том числе на конкретных примерах плачевной судьбы молодых людей, вставших на путь участия в РЭО и МТО). Но не менее важно для молодых людей формирование уверенности в возможностях ненасильственного решения имеющихся общих социальных и собственных проблем, а также личностного развития и достижения жизненного успеха.

Одно из исследований²⁰⁴ показало, что дети и молодежь из семей, где родители находятся в миграции, не имеют возможности искать оплачиваемую работу. Получая денежные переводы, молодые люди из семей мигрантов заменяют собой родителей мигрантов и занимаются ведением домашнего хозяйства и сельскохозяйственными работами. Кроме того, молодые женщины в семьях мигрантов, как правило, проводят больше времени на неоплачиваемой работе, такой как уход за детьми и престарелыми членами семей, и имеют меньше времени для досуга, что также их вырывает из социальной жизни.

Зарубежные исследователи²⁰⁵ также согласны с тем, что миграция в поисках экономических возможностей – главный двигатель радикализации. Мигранты, в большинстве своем нелегальные, вступают в контакт с вербовщиками. Верные террористическим группировкам часто посещают мечети в Москве и внушают ничего не подозревающим верующим, что им нужно «жить в Сирии, где находится халифат». Вербовка в террористические организации происходит в основном в РФ. Центры – это мечети и молельные комнаты, разбросанные по всей стране, часто посещаемые чеченцами, которые работают над консолидацией молодых мигрантов и дают им чувство безопасности и общности через религию. Социальные сети в интернете играют ограниченную роль.

Переход от «стабилизации идентичности» через радикальное понимание религии к «прославлению идентичности» путем принятия идеи ведения «священной войны» против «отступников» и «неверных» не занимает много времени.

В регионе существует как отдельная/индивидуальная миграция, так и существует миграция с членами семьи (братьями, сестрами, отцами, матерями, зятьями). Трудовая миграция также может иметь долгосрочные неблагоприятные последствия для благосостояния семей и сообществ. Миграция увеличивает рост случаев разводов и распада семьи из-за длительной разлуки супругов. Также существенны такие проблемы как ухудшение состояния здоровья самих мигрантов, а также психологическое бремя – из-за отсутствия родителя рядом с детьми. Невозможность найти подходящую работу на местном уровне продолжает вытеснять молодых людей из Ферганской долины в эмиграцию. Финансовые ресурсы, заработанные за границей, представляют для многих домашних хозяйств значительный вклад в семейный бюджет. В некоторых

²⁰⁴ Карымшаков К., Сулейманова Б. Влияние денежных переводов на трудовые ресурсы молодежи: данные из Кыргызстана. 2016.

²⁰⁵ Singh N. ISIS and Radicalization in the Central Asian Republics. Vivekananda International Foundation. 2016, октябрь. URL: https://www.vifindia.org/sites/default/files/isis-and-radicalization-in-the-central-asian-republics_0.pdf

случаях трудовая миграция может на самом деле усугубить экономическую уязвимость, особенно когда семьи имеют серьезные долги или вынуждены продать все свое имущество, чтобы начать миграцию. Недостаточная подготовка к отъезду, недостаточное знание языка и невозможность справиться с незнакомой средой ставят некоторых мигрантов под угрозу, как в финансовом, так и в личном плане. Некоторым местным жителям приходится применять рискованные стратегии миграции, чтобы покрыть высокие расходы, связанные с поездками и жильем²⁰⁶.

В то же время исследование, проведенное в РФ с охватом репрезентативной группы и глубинными интервью, свидетельствует о том, что миграционный фактор влияет на радикализацию не так сильно, как это желают показать²⁰⁷. Часто повторяемое в политическом пространстве утверждение о том, что радикализация происходит за пределами стран ЦА, имеет цель снизить уровень ответственности правительств и обществ перед реальной угрозой.

Безусловно, миграционные процессы связаны с рядом рисков и вызовов, в том числе и с радикализацией мигрантов. Это особенно актуально для ЦА, где наблюдается устойчивая тенденция роста численности населения и, несмотря на некоторые позитивные изменения, сохраняется высокий уровень безработицы и бедности, а как следствие – трудовая миграция. Мигранты становятся темой для различных спекуляций и манипуляций, оказываясь объектом давления с разных сторон – в принимающих странах, собственных странах, со стороны радикальных проповедников и эмиссаров экстремистских группировок²⁰⁸. «Мигрантская карта» разыгрывается в политической риторике принимающих стран, где эту уязвимую группу очень легко обвинить во всех неудачах и нестабильности, создавая в общественном сознании недружелюбное восприятие мигрантов.

Исследование **«Противодействие насильственному экстремизму и радикализации, ведущим к терроризму: теория и практика»**²⁰⁹ рассматривало в числе прочих вопросы профилактики влияния насильственно экстремистской идеологии среди трудовых мигрантов, с особым фокусом на молодежь и детей подросткового возраста, а также роль СМИ и ННО в противодействии религиозным экстремистским течениям в информационной среде.

В выводах отмечено, что многие журналисты и блогеры, особенно молодые, проявляют большой интерес к освещению темы насильственного экстремизма и радикализации, которые приводят к терроризму. Вместе с тем у них нет глубоких знаний в вопросах истории и сегодняшней активности существующих организованных террористических группировок, их деструктивной пропаганды. Сегодня крайне необходимо специализировать журналистов, готовящих материалы по столь

²⁰⁶ Элшими М.С. и др. Исследование факторов, способствующих радикализации среди трудовых мигрантов из Центральной Азии в России. Королевский Объединенный Институт Оборонных Исследований (RUSI), Search for Common Ground. Специальный выпуск RUSI. 2018. Апрель // URL: https://prevention.kg/wp-content/uploads/2019/01/%D0%98%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%8B_%D1%8D%D0%BA%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%BC.pdf

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Рустам Азизи. Радикализация мигрантов: в чем есть правда, а в чем вымысел // Asia-PlusMediaGroup // URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20181226/radikalizatsiya-migrantov-mifi-i-realnost>

²⁰⁹ Противодействие насильственному экстремизму и радикализации, ведущим к терроризму: теория и практика. ЦИПУ (Центр изучения региональных угроз). 2020. URL: <https://crss.uz/2021/01/12/on-lajn-kruglye-stoly-na-temu-protivodejstvie-nervt-teoriya-i-praktika/>

чувствительно-важной теме, как противодействие насильственному экстремизму и радикализации, которые приводят к терроризму. С пулом журналистов, избравших такую крайне важную для безопасности и дальнейшего развития общества тематику, необходимо проводить специальные курсы обучения.

Жертв радикализации и лиц, подвергшихся влиянию радикальных идей, можно разделить на две группы – пассивные радикалы и активные. Активные – это те, кто реально разделяет идеологию, понимает, согласен со всеми или некоторыми пунктами, выполняет некоторые функции, связанные с их программой. Есть пассивная радикализация – это люди, которые являются жертвами обстоятельств. Например, супруги бойцов или члены их семей, которые зачастую по официальной статистике проходят как радикализованные и террористы. Также мигранты, которых рекрутировали в странах миграции, попали в зону боевых действий и были принуждены участвовать в них, однако, некоторые из них не разделяют их идеологию и вообще ее не понимают, даже не являлись/являются практикующими мусульманами. Эту группу можно рассматривать как жертв обстоятельств. Для активных радикалов выявлены различные факторы, а иногда и совокупность нескольких факторов²¹⁰.

Как отмечают эксперты: «Нарастающие мигрантофобские настроения в развитых странах спровоцированы в значительной степени отказом приезжих от социальной интеграции в принимающее общество, созданием компактных поселений с чуждыми этнокультурными устоями, в которых местное население видит угрозу собственному укладу жизни»²¹¹.

Экстремизм возникает в мигрантской среде в сообществах, подвергающихся риску насилия или преследований, в том числе ксенофобии и предвзятому отношению, настраивающему людей против мусульманского населения в Европе и Северной Америке, существующих потенциальных угрозах безопасности и характерному «образу жизни» для иммигрантов разных культур и религий, которые оседают в европейских городах²¹².

Таким образом, нахождение вдали от дома (означающее одиночество и отсутствие какого-либо контроля), подверженность систематическим трудностям и злоупотреблениям, недостаточность условий жизни и работы – все эти условия приводятся в качестве объяснения уязвимости мигрантов перед вербовкой. Как отметил узбекский исследователь Б. М. Бабаджанов: «вокруг трудовых мигрантов, работающих в РФ, сотворена тьма мифов, созданных преимущественно усилиями некоторых российских СМИ и отчасти соответствующих органов власти принимающей страны. Мифы обретают форму стигматизации (или общественного отторжения) в принимающей стране и потому порождают складывающийся стереотип в отношении к ним на основе социального, национального отчуждения или иных дискриминирующих стереотипов»²¹³.

²¹⁰ Мехрангез Т. Рекрутеры ИГ способны завербовать за несколько часов // Asia-PlusMediaGroup // URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/opinion/20180814/ekspert-rekruteri-ig-sposobni-zaverbovat-za-neskolko-chasov>

²¹¹ Гринько С.Д. Взаимосвязь незаконной миграции и экстремизма // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-nezakonnoy-migratsii-i-ekstremizma>

²¹² Идеи подобного рода были выражены в манифесте под названием «2083: Европейская декларация независимости» Андерса Брейвика, совершившего в 2011 г. террористические акты в Норвегии. URL: https://sites.google.com/site/breivikrusinform/home/breivik_2083_manifest_rus

²¹³ Бабаджанов Б.М. Трудовые мигранты Узбекистана в России: социальные сети и религиозные контексты // URL: <https://crss.uz/2018/03/01/trudovye-migranty-uzbekistana-v-rossii-socialnye-seti-i-religioznye-konteksty/>

5.5. УЯЗВИМЫЕ ГРУППЫ

Исследование **«Уязвимости и устойчивости молодых людей в Кыргызстане к радикализации и экстремизму: анализ в пяти сферах жизни»**²¹⁴ показывает, что ряд регионов страны, в частности Баткенская область и г. Ош более уязвимы к радикализации, чем северные регионы. Это подтверждает статистику кыргызских спецслужб. Однако спецслужбы в КР также утверждают, что 90 % радикалов – этнические узбеки с юга КР. Результаты исследования не подтверждают подобные утверждения, напротив, показывают, что этнические меньшинства в целом и этнические узбеки в частности имеют более высокую устойчивость к радикализации, чем этнические киргизы.

Исследование не выявило прямой взаимосвязи между социально-экономическим статусом семей молодых людей и их уязвимостью/устойчивостью к радикализации. Что делает молодых людей более уязвимыми, так это трудовая миграция, которая может способствовать радикализации как прямым, так и косвенным образом: некоторые молодые люди могут получить более радикальные взгляды из своего собственного опыта трудовой миграции в РФ, в то время как другие дети становятся уязвимее в связи с отсутствием родителей, находящихся в трудовой миграции.

В рамках аналитического отчета²¹⁵ по результатам полевого исследования в рамках проекта **«Социальные медиа для дерадикализации в Кыргызстане: Модель для Центральной Азии»** было определено что «не существует определенной категории молодежи, поддающейся вербовке со стороны экстремистских групп, и данные из полевого исследования, только подчеркнули этот факт. Таким образом, жертвы насильственного экстремизма – это не обязательно социально и экономически уязвимые представители среди молодежи Кыргызстана, они могут быть и образованными, обеспеченными или самодостаточными членами общества».

В исследовании²¹⁶ Barrett R. на основе анализа 62 источников информации, сообщалось, что судимость не является триггером радикализации из постсоветских стран: только четверо из 156 человек были ранее судимы, а семь – в той или иной степени причастны к повстанцам на Северном Кавказе. Мобилизация произошла во всех возрастных категориях, хотя большинство из них были моложе 30 лет. Бойцы из ЦА, многие из которых прибыли из общин рабочих-мигрантов из таких городов, как Москва и Санкт-Петербург, также присутствовали в разных группах. Некоторые новобранцы присоединились к вооруженным группам, в то время как другие, такие как «Имам Бухари Джамаат», Исламская партия Туркестана²¹⁷ и «Катибат Таухид валь-Джихад» создали учебные базы и опубликовали заявления в поддержку различных группировок.

В другом зарубежном исследовании сделаны схожие выводы²¹⁸: «Невозможно построить конкретный профиль потенциального радикала. Более того, неоднократные

²¹⁴ Насритдинов Э., Урманбетова З., Мурзахалилов К., Мырзабаев М. Уязвимость и устойчивость молодых людей в Кыргызстане к радикализации и экстремизму: анализ в пяти сферах жизни // САР, 2019. № 212. Январь. URL: <https://www.caa-network.org/archives/15165>

²¹⁵ Сикорская И. Под общей редакцией: Мирсайитова И. и Каримовой М. Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана // Аналитический отчет по результатам полевого исследования в рамках проекта «Социальные медиа для дерадикализации в Кыргызстане: Модель для Центральной Азии». 2017 // URL: <https://prevention.kg/>

²¹⁶ Barrett R. Russian-Speaking Fighters In Syria, Iraq And At Home: Consequences And Context. The Soufan Center, 2017. URL: <https://crestresearch.ac.uk/resources/russian-speaking-fighters-full-report/>

²¹⁷ Бывшее «Исламское движение Восточного Туркестана».

²¹⁸ Singh N. ISIS and Radicalization in the Central Asian Republics. Vivekananda International Foundation. 2016. October // URL: <https://>

призывы пропагандистов Исламского государства, выражающие свою потребность в образованных врачах, медсестрах, педагогах, компьютерных специалистах, увеличивают возможность набора из обширного и разнообразного круга людей. Тем самым развенчан миф о том, что потенциальный террорист – нищий сумасшедший. Современная «практика показывает, что среди политических и религиозных экстремистов появился другой вид радикалов, которые образованны и интегрированы в общество. При этом образованные становятся лидерами и организаторами необразованных»²¹⁹.

Хотя до сих пор встречаются такие экспертные оценки как: «Практика борьбы с террористической угрозой демонстрирует, что террористы – это «люди» без моральных принципов. В качестве примера можно привести мусульманскую культуру, некоторые представители которой готовы ради своей фанатичной сверхцели отдать все ценности, что есть в жизни – здоровье, семью, родителей, детей и т.д. Для людей, ведущих так называемый «священный джихад», нет очерченных границ морали»²²⁰.

Скотт Гейтс, Суканья Поддер²²¹ отмечают также, что «Профиль иностранных боевиков разнообразен и может варьироваться от невежественных новичков, которые рассматривают присоединение как обряд посвящения, до несгибаемых боевиков, ищущих боевых действий и мученичества, в то время как людей, которые уходят по гуманитарным причинам, часто похищают или заставляют сражаться».

Исследование НПО “Search for Common Ground” и Центра исследования религиозной ситуации при ГКДР КР в качестве наиболее уязвимых групп выделяет следующие:

Молодые люди в целом уязвимы в отношении экстремисткой идеологии, поскольку им свойственно самовыражаться. Вступление в экстремистские организации может рассматриваться ими как один из немногих способов сделать это, в силу отсутствия других альтернатив. Кроме того, это может происходить по причине традиционности общества, где молодежь должна беспрекословно подчиняться старшему поколению и может ожидать появления уважения к своей независимости только с возрастом. Радикальные же течения могут привлекать молодых людей тем, что они наделяют последних важным для них статусом, уверяя в ценности выполняемой ими «миссии». Как отмечают эксперты: «рост молодежного экстремизма – это прежде всего свидетельство провала политики адаптации и социализации молодежи. Такие же факторы, как социальная неустроенность, трудное материальное положение, отсутствие эффективной социализации и доступа к качественному образованию, низкие перспективы трудоустройства, способствуют возникновению чувства социальной незащищенности и недоверие к политическим институтам и власти. Как следствие развиваются асоциальные установки в сознании и склонность к экстремистским проявлениям»²²².

---

www.vifindia.org/sites/default/files/isis-and-radicalization-in-the-central-asian-republics_0.pdf

²¹⁹ Рамазанова Ф. Европейский опыт профилактики экстремизма и терроризма // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-opyt-profilaktiki-ekstremizma-i-terrorizma-povysheniya-pravovoy-kultury-sredi-molodyozhi-na-sovremennom-etape>

²²⁰ Базылева С.П. Антитеррористическая политика Узбекистана в рамках региональной антитеррористической политики ШОС // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antiterroristicheskaya-politika-uzbekistana-v-ramkah-regionalnoy-antiterroristicheskoy-politiki-shos>

²²¹ Гейтс С., Поддер С. Социальные сети, вербовка, верность и Исламское государство. 2015 // URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/446/html> на основе 43 источников литературы.)

²²² Рамазанова Ф. Европейский опыт профилактики экстремизма и терроризма // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-opyt-profilaktiki-ekstremizma-i-terrorizma-povysheniya-pravovoy-kultury-sredi-molodyozhi-na-sovremennom-etape>

Женщины также подвержены радикализации. Находясь под постоянным общественным давлением, они зачастую вступают в брак в раннем возрасте (до 18 лет) и в случае распада семьи или смерти супруга не способны содержать себя и детей, поскольку не имеют высшего или иногда даже полного среднего образования. Кроме того, с недавних пор стал прослеживаться феномен рекрутирования женщин в ряды экстремистов под видом интернет-знакомств.

Еще одной группой риска являются **этнические меньшинства**. Несмотря на свое в целом относительно успешное финансовое положение, они часто испытывают чувство несправедливости относительно реализации своих политических прав как граждан КР. Такое положение дел потенциально подталкивает представителей этнических меньшинств на протест, который они могут видеть возможным выразить путем радикализации. Примечательно, что, несмотря на участие в экстремистских религиозных организациях представителей различных этничностей, среди населения кыргызской национальности превалирует убежденность, что участники таких организаций – исключительно представители этнических меньшинств. Распространенность такого мнения может свидетельствовать о напряжении в межэтнических отношениях и недоверии к представителям других этнических групп.

В докладе МОМ в рамках регионального проекта ПРООН «**Повышение устойчивости сообществ и регионального сотрудничества для предотвращения насильственного экстремизма в Центральной Азии**»²²³ в качестве уязвимых групп выделяются следующие:

Молодежь. Это самый широкий и наиболее общепризнанный способствующий фактор. Из всех вышеперечисленных ключевых факторов – экономических, политических или идеологических – молодежь, пожалуй, наиболее восприимчивая группа. Недостаток жизненного опыта, юношеский максимализм – достаточные аспекты, обеспечивающие вероятность молодых людей быть завербованными очень высока.

Женщины. Часто утверждается, что статус женщин в патриархальных культурах этих обществ толкает их на радикальные и экстремистские действия с целью получения свободы и эмансипации. В то же время, однако, имеются свидетельства того, как женщины приводят в экстремистские группы мужчин и других женщин, следующих в такие группы за их мужьями или родственниками-мужчинами²²⁴. Как отметила журналист из Узбекистана И. Матвиенко: «...в Узбекистане некоторые женщины могут не пойти на собеседование просто потому, что им не разрешили покинуть дом. А если все же пришли на собеседование, то чаще всего работодатель не готов нанимать женщину»²²⁵. По логике бы поставила бы третье предложение на место второго.

В качестве сопутствующих факторов радикализации выделяются следующие:

Роль образования. Недостаточное образование или его отсутствие делают людей уязвимыми для вербовки по радикальным и экстремистским причинам. В качестве способствующего фактора образование рассматривается в двух частях: обычное (светское) и религиозное. Отсутствие светского образования лишает

---

²²³ Доклад МОМ в рамках регионального проекта ПРООН «Повышение устойчивости сообществ и регионального сотрудничества для предотвращения насильственного экстремизма в Центральной Азии» (2018–2020 гг.) Социально-экономическая уязвимость как фактор долгосрочного риска радикализации. Нурсултан, 2020.

²²⁴ Там же

²²⁵ Матвиенко И. Узбекистан: женщины меньше получают, менее образованны, менее равны // URL: <https://cabar.asia/ru/uzbekistan-zhenshhiny-menshe-poluchayut-menee-obrazovanny-menee-ravny>

человека навыков критического мышления, коммуникативных навыков и, в частности, делает менее привлекательным для трудоустройства на хорошую работу. Отсутствие понимания в религиозных вопросах делает человека неспособным оценить то, что ему сказали, склоняет к передаче бесспорной власти в этой области другому человеку или сообществу²²⁶. Как отмечают эксперты: «Проблемы в системе исламского образования обнаружились сразу же после образования независимых государств на территории ЦА. Стало очевидно, что республики не в состоянии обучать собственных имамов и улемов, не прибегая к помощи других мусульманских стран. Кроме того, на локальном уровне отсутствовали образованные духовные исламские лидеры, которые бы могли объяснить особенности религиозного культа простым людям, особенно молодежи. Вследствие этого большое количество молодых людей стало искать ответы на духовные вопросы за пределами своих родных стран»²²⁷.

Личные связи. Сильным фактором радикализации и в Центральной Азии, и в указанном регионе исследования являются личные связи: члены семьи, друзья, знакомые имеют решающее значение при вовлечении человека в экстремистские группы и действия.

Исследование «**Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике**»²²⁸ выделяет следующие группы риска, более всего подверженные экстремизму:

По возрасту: «Молодежь» – 87,6 % (1039), «люди более старшего возраста» – 9,4 % (112), «все» – 1,9 % (23).

По полу: «мужчины» – 73 % (866), женщины – 22,2 % (263).

По месту проживания: «сельское население» – 67,2 % (797), «жители городов» – 28,6 % (339).

По уровню образования: «малообразованные люди» – 61,6 % (731), «со средним образованием» – 32,5 % (386), «с высшим образованием» – 4,2 % (50).

По занятости: «безработные» – 92,9 % (1102), «работающие» – 4 % (48) опрошенных. По итогам проведенного социологического исследования было сделано следующее заключение.

5.6. РЕСУРСЫ УСТОЙЧИВОСТИ

Согласно ряду исследований, границы между государствами, при отсутствии чувствительной государственной политики, могут становиться точками эрозии социальной сплоченности и формирования конфликтов, вплоть до милитаризации, что в конечном счете становится вкладом в возможность радикализации уязвимых групп. «Государства в «нейтральной зоне» формируют среду, которая, с одной стороны, настойчиво требует от местных жителей определиться, с каким государством их соотносить, а с другой стороны, местный отказ/устойчивость производить этот

²²⁶ MOM в Центральной Азии, уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии: оценка потребности мигрантов и сообществ и управление рисками. Астана. 2017 // URL: www.iom.kz/en/publications

²²⁷ Чикризова О.С., Шумакова А.А. Влияние кризиса исламского образования на процесс радикализации Центральной Азии // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-krizisa-islamskogo-obrazovaniya-na-protsess-radikalizatsii-tsentralnoy-azii>

²²⁸ Исследование «Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике» Общая редакция: Чотаев З.Д. Элебаева А.Б. и др. А.Б. Элебаева, Н.С. Эсенаманова, З.Д. Чотаев. Координатор полевого исследования: Молдокеева Ж.Ф. – Б. 2016, 205 С. // URL: http://religion.gov.kg/wp-content/uploads/2016/11/%D0%92%D0%9B%D0%98%D0%AF%D0%9D%D0%98%D0%95_%D0%A0%D0%95%D0%9B%D0%98%D0%93%D0%98%D0%9E%D0%97%D0%9D%D0%9E%D0%93%D0%9E_%D0%A4%D0%90%D0%9A%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%90.pdf

выбор. Это промежуточное состояние исчезает под натиском политики национальной безопасности, которая ведет к милитаризации спорных территорий и артикуляции государственной власти там, где ее всегда было мало – маргинальной периферии»²²⁹.

Вместе с тем, исследования выделяют «акторов и точки» социальной сплоченности, которые находятся под давлением со стороны институциональных логик строительства независимых государств и пребывают в состоянии эрозии: медицинские работники, учителя, мардикёры, трансграничные мурабы и чабаны.

Исследование показало, что общинные организации, такие как АВП и Пастбищные комитеты, так же как и правительства, видят границы своего мандата в рамках административных границ, а не границ фактического использования природных ресурсов, что негативно сказывается на доступе к ресурсам локальных общин и дает пищу для создания недоверия там, где его ранее не было.

В качестве одной из серьезных проблем, обостряющих ситуацию в приграничье, **Медлин Ривз**²³⁰ выделяет отсутствие доступа к правосудию: «Для местного населения, проживающего вдоль оспариваемых участков границы, невозможность оспорить в судебном порядке преступление/правонарушение, совершенное лицом, проживающим на другой стороне границы, практически стало означать отсутствие доступа к правосудию. В приграничных селах пограничники де факто исполняют роль милиции, хотя де юре это не их мандат. Практически каждый конфликт, имевший место в последние 10 лет в приграничье, сопровождался участием пограничных служб. Это ведет к эскалации конфликтов, когда споры между фермерами о распределении воды с участием пограничников превращаются в вооруженное противостояние»²³¹.

В то же время именно выработка устойчивости молодежи к радикализации является приоритетной сферой. Для усиления эффекта устойчивости к радикализму существует целый механизм государственных и общественных действий, который должен способствовать развитию устойчивости у молодежи. Заинтересованные стороны участвуют на всех уровнях (национальном, районном и местном): это МВД, представители прокуратуры, местных органов власти, сотрудники районного уровня МТСР, ГКДР, а также религиозные и молодежные организации и местные имамы²³².

Религиозные лидеры проповедуют во время пятничного намаза преимущественно мужчинам и мальчикам на темы, утвержденные на национальном уровне. Иногда они отвечают на запросы администрации школы и инспекций по делам несовершеннолетних по темам, связанным с предотвращением радикализации и насильственного экстремизма. По запросу школ религиозные лидеры также проводят лекции для школьников на религиозные темы, например, что такое традиционная религия, и рассказывают о способах предупреждения быть вовлеченным в радикализированные религиозные группы.

²²⁹ Мырзакулова А. Вызовы социальной сплоченности и напряженности на границе Кыргызстана и Таджикистана. Исследовательский отчет №2, 2018. URL: https://www.ucecentralasia.org/Content/downloads/Challenges%20of%20Social%20Cohesion_RUS.pdf

²³⁰ Мадлен Ривз. Одомашненный милитаризм: опривычивание государственной границы в сельских районах Центральной Азии / Центр перспективных социальных исследований ИОН РАНХиГС вместе с факультетом политических наук МВШСЭН / Семинар «Политика идентичности // URL <https://www.msses.ru/announcement/odomashnennyy-militarizm-oprivychivanie-gosudarstvennoy-granitsy-v-selskikh-rayonakh-tsentralnoy-azi/>

²³¹ Там же.

²³² Роль образовательных учреждений в повышении устойчивости подростков к радикализации и насильственному экстремизму в Кыргызской Республике. М., 2020. С. 39-40, Алымкулов М. Роль органов внутренних дел Кыргызской Республики. URL: <http://www.arap.kg/uploads/pdf/Вестник%20труды%20препод/Алымкулов%20М.С.%20Роль%20органов%20внутренних%20дел%20в%20обеспечении%20национальной%20безопасности%20КР.%20-%20Б.%20С%202021.pdf>

Однако существует слабая координация совместных действий по развитию устойчивости к радикализму. Было выявлено, что на данный момент нет единого подхода, координации и партнерства. Например, медресе не находятся под непосредственным контролем городских и районных управлений образования. Учреждения интернатного типа находятся под прямым подчинением министерства образования и не контролируются на местном уровне. Медресе не контролируются районным или городским отделами образования.

Для повышения уровня устойчивости к радикализации необходимо повышение осведомленности ключевых заинтересованных сторон (государственных образовательных учреждений на национальном, районном и сельском уровнях, включая администрацию школ, учителей, а также частные и религиозные образовательные учреждения), а также широкой общественности (родители, лидеры общин, общественные организации) о важности ориентированного на ребенка обучения, основанного на правах ребенка, в создании устойчивости детей к радикализации и насильственному экстремизму²³³.

Рекомендации для того чтобы разработать и усилить механизмы и процессы пост-конфликтного примирения и приобщения этнических сообществ на юге страны; избегать подхода к данной работе преимущественно с точки зрения правоохранительных и силовых мероприятий: уделить больший приоритет работе в образовательном и культурном аспектах, и способствовать более конструктивному взаимодействию людей в местных сообществах, а также усилить работу по патриотическому воспитанию молодежи и формированию общегражданской идентичности «Кыргызжараны» среди населения страны всех этнических групп.

Социальная сплоченность и осмысление конфликтов в приграничных районах Кыргызстана и Таджикистана. Исследование Кемеля Токтомушева²³⁴ является одной из самых взвешенных и аргументированных публикаций, посвященных проблемам на кыргызско-таджикской границе. Одним из главных достоинств доклада является утверждение, что конфликты и противостояния на границе не являются предопределенными существующими условиями. Весь набор объективных причин, на которых фокусируют внимание большинство исследователей, таких как нехватка воды, земли, безработица, низкий уровень экономики, высокая плотность населения и т.д., не являются сами по себе условием для конфликтов на границе.

В свете событий 2021 года, подход, который использует автор, заслуживает пристального внимания и изучения, так как им проведен скрупулезный теоретический анализ большинства работ, посвященных данной проблеме, изучена история и этимология конфликтов. На этой базе он развенчивает некоторые утвердившиеся мнения и стереотипы. Прежде всего о том, что конфликты обусловлены непреодолимыми объективными причинами, а их разрешение невозможно без вмешательства извне.

Вопреки множеству мнений о том, что конфликты являются результатом периода независимости, автор показывает, что они носят латентный и перманентный

---

²³³ Роль образовательных учреждений в повышении устойчивости подростков к радикализации и насильственному экстремизму в Кыргызской Республике. М., 2020. С. 56 // URL: https://www.hedayahcenter.org/wp-content/uploads/2020/05/EFCA_Research_Final-Report_RUS.pdf

²³⁴ К. Токтомушев. Социальная сплоченность и осмысление конфликтов в приграничных районах Кыргызстана и Таджикистана. Университет Центральной Азии. Доклад № 40, 2017 // URL: <https://www.ucentralasia.org/Content/Downloads/UCA-IPPA-WP40-Promoting%20Social%20Cohesion%20and%20Conflict%20Mitigation-RUS.pdf>

характер, они происходили с постоянной периодичностью, начиная с 30-х годов прошлого столетия. Еще тогда государство исходило в решениях из своих интересов и предпочтений, не особенно соблюдая интересы людей, проживающих в данной местности.

Автор критикует объективизацию причин конфликта, которая стала уже реально сложившимся стереотипом во многих исследованиях. Большинство работ, посвященных Ферганской долине, начинаются с перечисления стандартных данных про высокую плотность населения, нехватку ресурсов (воды, земли, пастбищ), наследие советского административно-территориального национального размежевания и т.д. Исходя из этого, укрепилось мнение, что причины носят глубокий и укорененный характер, что требует вмешательства извне в форме советов, консультаций, финансов и т.д. В то же время, несмотря на то что конфликты действительно сопровождали всю историю, имеется еще больший опыт решения и сотрудничества между людьми, проживающими в регионе. Этот опыт часто игнорируется, решение вопроса отдано на откуп административным структурам.

Милитаризация границы, когда проблема перехода людей через границы отдана силовым структурам, отмечается как одна из главных причин конфликта. Стоит согласиться с этим утверждением, т.к. вопрос демаркации и делимитации сам по себе не решит проблему. Поводы для недовольства, раздражение создают не простые люди, а именно противоправные действия силовых структур. Укрепление границ без решения вопроса о доступном переходе, без унижения и вымогательства со стороны пограничников, милиции и администрации будет оставлять чувство недовольства против другой стороны.

Убедительным выглядит утверждение автора, что ранее принятые рекомендации по различным вопросам на приграничной территории осуществляются без тщательно собранных фактических данных. Уже много лет эта проблема волнует заинтересованные стороны, однако, до сих пор отсутствуют фактические данные и материалы, которые способствовали бы выработке грамотных, основанных на знаниях рекомендаций и решений.

6. ОТРАЖЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ РАДИКАЛИЗАЦИИ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ

Кыргызская Республика

Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы²³⁵, принятая в ноябре 2018 года (Стратегия), определяет ориентиры развития страны на среднесрочный и долгосрочный периоды.

В качестве стратегической цели определено формирование национальной системы правосудия, способной обеспечить справедливость и верховенство закона, в том числе независимость судов с высоким уровнем доверия, поддержки граждан и признанием на международном уровне. Определены ориентиры на нужды каждого человека, на обеспечение его прав, свобод, обеспечение справедливости в обществе (Стратегия. С. 12).

В разделе «Религия в демократическом обществе» (Там же. С. 30–32), помимо общих принципов и приоритетов государственной религиозной политики в Кыргызстане, отмечается необходимость «работы по противодействию попыткам различных лидеров, организаций и объединений, использующих религию и верующих в целях посягательства на основы конституционного строя. Конституция и законы страны обязывают нас бороться против негативного влияния радикальных, экстремистских и террористических организаций и объединений на государственность и духовность нации».

В этом же разделе указывается на необходимость проведения «разъяснительной, профилактической работы среди населения в целях предотвращения радикализма, экстремизма и терроризма, а также укрепления национального потенциала по проведению религиозно-психологической и лингвистической экспертиз, на основании которых принимаются судебные решения по уголовным делам по обвинению в экстремизме».

В разделе «Верховенство права и обеспечение законности» (Там же. С. 70–71) поставлена задача формирования «системы правосудия, основанной на неукоснительном соблюдении принципа неприкосновенности личности. Суд обеспечивает права человека и гражданина, защищает свободу личности от возможного произвола государственных органов, в первую очередь от правоохранительных органов». Декларировано также стремление к «снижению уровня карательной практики и гуманизация законодательства».

Раздел «Безопасная страна» (С. 73–75) определяет: «государственным приоритетом в деятельности правоохранительных органов станет профилактика и превенция правонарушений, деполитизация и демилитаризация сил правопорядка».

Отмечено, что в сфере информационной безопасности в фокусе государства будет «обеспечение кибербезопасности информационно-коммуникационных технологий, а также информационных систем, создание системы реагирования на киберугрозы и киберинциденты, а также профилактика всех видов экстремизма, терроризма, не

---

²³⁵ Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики // URL: <http://www.stat.kg/ru/nsur/>

подвергая ограничениям свободу слова. Вместе с тем важным является формирование отечественного медиаконтента, способного конкурировать в необходимых сферах». Это может быть использовано при продвижении сотрудничества в рамках Мероприятия 1.8. Проекта.

В разделе «Укрепление национальной и региональной безопасности» (Там же. С. 77) одним из основных направлений деятельности является сотрудничество по противодействию международному терроризму, экстремизму²³⁶.

Среди **Среднесрочных приоритетов развития страны на период до 2023** года Задача 1.10.: «Повышение качества высшего образования» содержит положения, которые могут служить базой для сотрудничества Проекта: «Государство активизирует совместно с заинтересованными сторонами пересмотр содержания высшего образования с учетом требований рынка и современного общества, а также перспектив развития страны. Государство будет поддерживать прямое участие бизнеса в подготовке кадров, в формировании образовательных программ, а также создании систем «вуз – производство», организацию учебного процесса, построенного вокруг научных исследований. Государство всемерно поддержит создание креативных лабораторий, стартапов, научных центров в вузах, в том числе и путем создания необходимых условий» (Там же. С. 92).

Задача 5.4. «Формирование созидательного межконфессионального диалога» предполагает организацию площадок для коммуникаций между представителями разных конфессий и создание координационного совета, состоящего из работников ГКДР, ДУМК, Епархии православных христиан. «Постоянный координационный совет совместно с другими религиозными организациями будет проводить ежегодные межконфессиональные дискуссии по реализации конкретных мер по укреплению межконфессионального согласия и веротерпимости. Будет задействована вся полнота государственных механизмов по противодействию религиозному радикализму и экстремизму на основе принципов прав человека и свободы вероисповедания» (Там же. С. 102–103). Вопросы ПНЭ вполне могут быть внесены в повестку дня координационного совета.

В Задаче 13.3. «Предупреждение распространения радикализма и экстремизма» предусмотрена «комплексная систематическая информационно-разъяснительная работа с применением медиаресурсов, будут продвигаться традиционные ценности религий страны с целью предотвращения радикальных идеологий в сообществах, вузах, общественно-образовательных учреждениях, а также среди государственных и муниципальных служащих, правоохранительных органов, священнослужителей, уязвимых слоев населения, в частности молодежи и женщин, проживающих в отдаленных или «закрытых» территориальных сообществах и имеющих ограниченный доступ к общественным мероприятиям».

Еще один важный документ государственной политики, который может быть использован для работ по ПНЭ является **Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике**. Потому что она предполагала меры, направленные не только на снижение межэтнической напряженности, но и в целом на консолидацию общества на основе общегражданской идентичности²³⁷.

²³⁶ Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики // URL: <http://www.stat.kg/ru/nsur/>

²³⁷ Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы / Национальный статистический комитет

Вопросы ПНЭ в любом случае сопряжены с вопросами идентичности и гражданственности. Религиозная идентичность, являясь предметом добровольного самоопределения личности, не должна входить в противоречие с гражданскими ценностями. Тем более что в резонансных случаях, когда граждане Кыргызстана оказывались замешанными в актах терроризма в разных странах, явственно прослеживается этнический аспект. Об этом говорят многочисленные исследования.

Для целей Проекта важно, что большая часть мероприятий этой Концепции проводилось на местном уровне с вовлечением как местных властей, так и сообществ. Таким образом, Концепция реализовывалась непосредственно при участии конкретных бенефициариев в регионах, где вопросы, касающиеся насильственных конфликтов и сплоченности общества, остаются наиболее острыми, чувствительными и, соответственно, актуальными. Этот опыт может быть полезен для Проекта.

В 2020 году Указом Президента Кыргызской Республики одобрена новая Концепция интеграции общества, завершается работа над Планом мероприятий к концепции.

Сложнее ситуация с другим концептуальным документом, имеющим отношение в теме ПНЭ, – **Концепцией государственной политики в религиозной сфере в Кыргызской Республике**. Концепция и План мероприятий к нему были приняты раньше Плана Правительства, большинство мер политики, заложенных в документе, были интегрированы в правительственный документ. Срок его реализации завершился в 2020 году, разработан проект новой Концепции. На начало июня 2021 года документ проекта официально не опубликован.

Правительством КР одобрен План мероприятий по реализации Программы Правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы.

Особого внимания требуют все пункты Плана в разделе «Поддержка исследовательской деятельности, углубляющей понимание проблематики экстремизма и терроризма и содействующей выработке эффективных мер противодействия». Прежде всего потому, что исследовательский компонент в Проекте очень важен, при этом его реализация сопряжена с рядом рисков. Есть риск взять слишком широкий фокус и провести очередной замер общественного мнения, повторив уже неоднократно изученные вопросы.

В рамках мероприятий Плана по 2 блоку «Совершенствование информационно-разъяснительной деятельности в сфере противодействия радикальному экстремизму и терроризму» большая часть мероприятий ориентирована на молодежь.

При проведении кампаний по информированию молодежи, особенно внеклассной работы, факультативов, информационных акций и организации встреч учащихся с представителями правоохранительных органов, экспертами, религиоведами, необходимо обращать внимание на потенциал самих лекторов и стремиться к его укреплению. В противном случае однообразные мероприятия в устаревших форматах не будут интересны молодым людям.

Особую сложность представляет работа по проведению качественных медиакампаний. Обращает на себя внимание, что меры 2 блока Плана выглядят как разрозненные элементы (например, «Подготовка и размещение наружной

социальной рекламы с утвержденными информационными сообщениями и призывами», «Производство и трансляция цикла специальных телепередач и рубрик, медиапроектов, социальной рекламы, документальных фильмов» и т.д.). В то время как в современном мире это должна быть изначально продуманная, качественная, цельная и долгосрочная медиастратегия, с проработанными слоганами и символами, ориентированными на различные целевые группы, прежде всего – на молодежь.

Проект может стать ключевым в том, чтобы оказать содействие в разработке и реализации такой медиастратегии. Этого невозможно добиться, если Мероприятия всего Проекта не имеют единой, продуманной стратегии в отношении медиа.

Обращает на себя внимание выделение в качестве отдельной меры Плана такого пункта как «Возобновление передачи „Жума Хутбалары“ на КТРК и выделение дополнительного эфирного времени на других телеканалах для трансляции информационных сообщений, утвержденных ДУМК и ГКДР». Такого рода однообразные, нравоучительные программы, уже транслируемые на нескольких телеканалах, не вызывают живого интереса у граждан, интересующихся вопросами религии, особенно – у молодых.

В то же время, обладателями «золотых кнопок» (более миллиона подписчиков) становятся священнослужители, говорящие с молодыми людьми на понятном языке и о реальных жизненных проблемах. Чаще всего это вовсе не сложные богословские темы и дискуссии, а то, что волнует людей, обычные житейские вопросы.

Одна из мер, внесенных в План мероприятий Правительства, является еще одним свидетельством того, насколько важна для повышения потенциала страны терминологическая дискуссия. Предполагается «Введение в организационно-штатную структуру правоохранительных органов и Вооруженных Сил Кыргызской Республики должности «теолог». Сложно понять, для чего эта мера вводилась в План, и не совсем очевидно, что возможно, имелся в виду специалист «религиовед». Потому что компетенции богослова в силовых структурах вряд ли востребованы. Видимо, имелся в виду человек, который мог бы разбираться в религиозных вопросах и проводить разъяснительную работу по этой и смежным темам с личным составом.

В разделе по повышению потенциала предусмотрены меры для педагогических кадров. Эта работа возможна не только в части Мероприятий по краткосрочному результату 2 (2.2, 2.3), непосредственно ориентированному на работу на базе высших учебных заведений, но и требует более активного вовлечения экспертов из академического сектора в другие активности, в частности в процессы обсуждения исследований, политики, законодательства, повышению потенциала государственных органов, организаций гражданского общества и СМИ (1.2, 1.3, 1.4, 1.5, 1.6, 1.7, 1.8).

Раздел Плана 5. «Совершенствование профилактической работы с адресными целевыми группами» имеет отношение к Мероприятию 2.2 в части работы организаций, предоставляющих услуги лицам, осужденным по статьям, сопряженным с насильственным экстремизмом, и их семьям.

В целом План мероприятий по реализации Программы Правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы закладывает основу для межсекторального партнерства, но требует конкретизации.

Республика Таджикистан

РТ первой среди государств ЦА разработала **«Национальную стратегию Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016–2020 годы»** и «План действий» по ее реализации. Стратегия является документом программного характера, который определяет цели, задачи и основные направления государственной политики РТ в сфере противодействия экстремизму и терроризму. В стратегии отмечено, что для эффективного противодействия экстремизму и терроризму необходимо разработать и реализовать «комплекс мер, направленных на нейтрализацию идеологических, социально-экономических, правовых и институциональных факторов их активизации» (ч.3).

Стратегия направлена на проведение разъяснительных работ среди граждан республики (особенно с молодежью) со стороны центральных и местных органов государственной власти, органов местного самоуправления поселков и сел, чтобы население страны не попадало под влияние радикальных идеологий экстремистских и террористических группировок, которые разжигают религиозную рознь в обществе, вербуют молодежь в свои ряды для совершения преступлений экстремистского и террористического характера, стремятся изменить общественно-политический строй страны насильственными путями.

В целом основные цели Стратегии направлены на всех граждан страны и формирование комплексных мер по противодействию экстремизму и терроризму. За период реализации Стратегии была проведена масштабная работа среди населения, в том числе среди молодежи. В осуществление Стратегии, согласно Плану действий, были вовлечены 36 основных подотчетных акторов, в том числе министерства и ведомства, судебные органы, исследовательские и образовательные учреждения, а также местные органы государственной власти областей, городов, районов и джамоатов (сельских советов). Центральным координирующим органом по выполнению Плана действий по реализации Национальной стратегии выступала Генеральная прокуратура РТ. Исследования показывали, что причины и факторы членства граждан страны в экстремистских группировках имели различные характеристики. На этом этапе необходимо разработать комплексный подход для решения этой проблемы. Поэтому в тексте Стратегии отмечено, что для «достижения успеха в этой сфере необходима разработка и реализация комплекса мер, направленных на нейтрализацию идеологических, социально-экономических, правовых и институциональных факторов их активизации». Стратегия для государственных органов, институтов гражданского общества и в целом населения ставила новую задачу. Подытоживать достигнутые результаты НС сегодня еще трудно, поскольку эффект предпринятых мер можно будет реально оценить в среднесрочной перспективе, т.е. после 2025 года.

Реализация Стратегии позволила инициировать и осуществить в 2016–2020 гг. ряд мер, которые способствовали пониманию проблематики экстремизма и терроризма в новой интерпретации – как комплексной проблемы, которая в последующем требует более широкого вовлечения в этот процесс всех слоев населения и других акторов гражданского общества.

Накопленный опыт показывает, что в последующем необходимо разрабатывать больше интеллектуальных продуктов и контента для формирования необходимого общественного мнения по проблематике экстремизма и терроризма. Также важным

представляется подход более мягкого воздействия на эту проблематику и решения социально-гуманитарных последствий радикализации населения.

Другим важным нормативным правовым актом РТ является Указ Президента Республики Таджикистан от 4 апреля 2018 года, № 1042 «**О Концепции государственной политики Республики Таджикистан в сфере религии**»²³⁸.

Концепция отразила новую позицию РТ в отношении современных вызовов, существующих в области религии, и обозначила приоритетные вопросы, касающиеся роста религиозности населения, усиления государственного надзора над гуманитарной поддержкой, предотвращения религиозной вражды, привлечения религиозных объединений к процессу построения светского государства в решении экономических, социальных и культурных проблем общества.

Основными целями Концепции определены: создание благоприятных условий для укрепления созидательного сотрудничества государства и религиозных объединений, реализации конституционных гарантий в сфере свободы совести, обеспечения религиозно-конфессионального равенства и толерантности, предотвращения распространения идей и убеждений радикальных движений и течений в религиозной среде, создания атмосферы толерантности и взаимопонимания в обществе РТ.

Установлено, что для реализации Концепции Комитетом по делам религии, упорядочению национальных традиций, торжеств и обрядов при Правительстве РТ разрабатывается и утверждается План мероприятий на каждые пять лет.

Республика Узбекистан

В 2016–2022 гг. в Узбекистане принят целый ряд важных документов, касающихся данной сферы. Среди них:

- Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах (07.02.2017 г.);
- Оборонная доктрина Республики Узбекистан (09.01.2018 г.);
- Закон Республики Узбекистан «О Службе государственной безопасности Республики Узбекистан» (05.04.2018 г.);
- Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию деятельности в религиозно-просветительской сфере» (16.04.2018 г.);
- Закон Республики Узбекистан «О противодействии экстремизму» (30.07.2018 г.);
- Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О мерах по реализации Национальных целей и задач в области устойчивого развития на период до 2030 года» (20.10.2018 г.);
- Постановление Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по совершенствованию деятельности религиозно-просветительской сферы» (04.09.2019 г.);
- Концепция государственной политики Республики Узбекистан в сфере межнациональных отношений (15.11.2019 г.);

²³⁸ Указ Президента Республики Таджикистан. от 4 апреля 2018 года №1042. О Концепции государственной политики Республики Таджикистан в сфере религии. // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=105582

- Национальная Стратегия Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021–2026 годы (01.07.2021 г.);
- Закон «О свободе совести и религиозных организациях» (3-я редакция, 05.07.2021 г.),
- Концепция общественной безопасности Республики Узбекистан (29.11.2021 г.);
- Стратегия развития системы обеспечения общественной безопасности в Республике Узбекистан на 2022–2025 годы (29.11.2021 г.);
- Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022 - 2026 годы (28.01.2022 г.).

Согласно ст. 5 Закона РУз «**О государственной молодежной политике**» одним из основных ее направлений является: «защита молодежи от действий, приводящих к подрыву нравственных устоев, идей терроризма и религиозного экстремизма, сепаратизма, фундаментализма, культа насилия и жестокости»²³⁹.

Согласно ст. 4 Закона РУз «**О противодействии экстремизму**» основными принципами противодействия экстремизму в РУз являются: законность; приоритет прав, свобод и законных интересов человека; гласность; неотвратимость ответственности²⁴⁰. Согласно ст. 5 того же Закона основными направлениями государственной политики в области противодействия экстремизму в РУз выступают: реализация мер по предупреждению экстремизма, в том числе повышение правового сознания и правовой культуры населения, формирование в обществе нетерпимого отношения к экстремизму, а также устранение причин и условий, способствующих его проявлениям; своевременное выявление и пресечение правонарушений в области экстремизма, устранение их последствий, а также обеспечение принципа неотвратимости ответственности; международное сотрудничество в области противодействия экстремизму²⁴¹.

Согласно ст. 7 Закона, меры по предупреждению экстремизма – это: повышение правового сознания и правовой культуры населения, формирование в обществе нетерпимого отношения к экстремизму; вынесение официального предупреждения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности; внесение представления о недопустимости осуществления экстремистской деятельности юридическим лицом; запрещение ввоза, изготовления, хранения, распространения и демонстрации экстремистских материалов; запрещение финансирования экстремизма; приостановление деятельности юридического лица; признание организации экстремистской²⁴².

Указ Президента РУз «**О мерах по коренному совершенствованию деятельности в религиозно-просветительской сфере**» был подписан 16 апреля 2018 г.²⁴³ В качестве приложения к данному документу опубликована «Программа мер по коренному совершенствованию деятельности в религиозно-просветительской сфере»²⁴⁴. Среди мер отмечено: изучить обеспечение учебными

²³⁹ Закон РУз «О государственной молодежной политике» № ЗРУ-406 от 14.09.2016 г. // URL: <https://lex.uz/ru/docs/3026250>

²⁴⁰ Закон РУз «О противодействии экстремизму» № ЗРУ-489 от 30.07.2019 г. // URL: <https://lex.uz/ru/docs/3841963>

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

²⁴³ Указ Президента РУз «О мерах по коренному совершенствованию деятельности в религиозно-просветительской сфере» № УП-5416 от 16.04.2018 г. // URL: <https://lex.uz/ru/docs/3686283>

²⁴⁴ «Программа мер по коренному совершенствованию деятельности в религиозно-просветительской сфере». Приложение № 1 к Указу Президента РУ от 16 апреля 2018 года, № УП-5416 // URL: <https://lex.uz/ru/docs/3686283>

программами, учебниками, кадрами по предмету «История религий мира» в школах, «Религиоведение» и «Духовно-просветительские основы борьбы с религиозным экстремизмом и международным терроризмом» в ссузах и вузах, широко пропагандировать на международной арене опыт РУз по обеспечению межнационального и межконфессионального согласия, оказать содействие научно-творческой деятельности в данном направлении, предоставлять диппредставительствам РУз материалы, в т.ч. – аудиовизуальные материалы о проводимой работе по укреплению межконфессионального согласия и толерантности, по профилактике экстремизма и терроризма с целью освещения в зарубежных СМИ.

В Постановлении Кабинета Министров РУз **«О мерах по реализации национальных целей и задач в области устойчивого развития на период до 2030 года»**²⁴⁵ цель 16 обозначена как «Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях». А соответственно задачи 16.a обозначены как сокращение коррупции и экстремизма (16.5) и укрепление соответствующих национальных учреждений путем расширения их сотрудничества на национальном и международном уровне в деле предотвращения насилия, борьбы с терроризмом, экстремизмом (16.a).

В **«Концепции государственной политики РУз в сфере межнациональных отношений»** среди главных задач отмечено: «повышение культуры межнациональных отношений, формирование в обществе нетерпимого отношения к экстремизму и бытовому национализму в любых их формах и проявлениях, а также пресечение пренебрежительного отношения к национальным ценностям других этнических групп»²⁴⁶. Пункт 13 «Дорожной карты» по реализации данной Концепции сформулирован как: «Формирование в обществе обстановки нетерпимости к пропаганде и распространению идей экстремизма, ксенофобии, национальной исключительности, направленных на подрыв общественно-политической стабильности и межнационального согласия»²⁴⁷.

В Постановлении Президента РУз **«О мерах по образованию Международного научно-исследовательского центра имама Матуриди»** (от 1 .08.2020 г.) отмечено, что одной из главных задач Центра является: «доведение до народа, особенно молодежи, идей религии ислам, призывающих к учению и просветительству, духовному очищению, миру и спокойствию, прогрессу и созиданию, на основе идеи «просвещение против невежества», изучение явлений фанатизма, а также целей, идеологических основ, современных проявлений и методов экстремизма, с разработкой и предоставлением рекомендаций по применению на практике научно-просветительских основ борьбы с ними»²⁴⁸.

²⁴⁵ Постановление Кабинета Министров РУз «О мерах по реализации национальных целей и задач в области устойчивого развития на период до 2030 года» № 841 от 20.10.2018 г. // URL: <https://lex.uz/ru/docs/4013358>

²⁴⁶ Концепция государственной политики РУз в сфере межнациональных отношений // Приложение № 1 к Указу Президента РУз № УП-5876 от 15 ноября 2019 г. // URL: <https://lex.uz/ru/docs/4597684>

²⁴⁷ «Дорожная карта» по реализации Концепции государственной политики РУз в сфере межнациональных отношений // Приложение № 2 к Указу Президента РУз № УП-5876 от 15 ноября 2019 г. // URL: <https://lex.uz/ru/docs/4597684>

²⁴⁸ Постановление Президента РУз «О мерах по образованию Международного научно-исследовательского центра имама Матуриди» № ПП-4802 от 11.08.2020 г. // URL: <https://lex.uz/ru/docs/4945429>

В статье 104 Закона «**О занятости населения**» (от 20.10.2020 г.) отмечено, что в работе с потенциальными трудовыми мигрантами должно быть организовано: «проведение краткосрочных курсов по изучению соответствующего иностранного языка, традиций и законодательства государства трудоустройства, техники безопасности, профилактике религиозного экстремизма и терроризма»²⁴⁹.

Указом Президента РУз от 26 марта 2021 г. в структуре МВД РУз создан Оперативно-розыскной департамент, в составе которого будет функционировать Главное управление борьбы с терроризмом и экстремизмом²⁵⁰. Это свидетельство того, что государство продолжает уделять серьезное внимание данной проблеме.

В «**Национальной стратегии Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021–2026 годы**» обозначены следующие основные задачи: определение приоритетных направлений деятельности госорганов в сфере противодействия экстремизму и терроризму; выработка предложений по совершенствованию нормативно-правовой и методико-практической базы; объединение усилий госорганов, общественности и международного сообщества, направленных на противодействие экстремизму и терроризму; обеспечение межконфессионального и межнационального согласия в обществе; разработка системы государственных мер по ограждению населения, особенно молодежи, от вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность; внедрение эффективных механизмов противодействия финансированию экстремизма и терроризма; совершенствование регионального и международного сотрудничества в сфере противодействия экстремизму и терроризму²⁵¹.

В «**Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы**» обозначены 100 конкретных целей для реализации их в течение 5 лет. Цель 82 обозначена как «Формирование эффективных механизмов противодействия экстремизму и терроризму». Среди данных механизмов выделены следующие: эффективная госполитика по противодействию экстремизму и терроризму; совершенствование превентивных механизмов предупреждения факторов экстремизма и терроризма; улучшение социально-духовной атмосферы, предотвращение воздействия чуждых идей и устранение проблем лиц, оказавшихся под их влиянием, путем проведения системной работы; формирование у населения, особенно молодежи, иммунитета против идеологии терроризма и экстремизма; совершенствование международно-правовых основ противодействия экстремизму и терроризму; расширение договорно-правовых основ сотрудничества с зарубежными государствами, региональными и международными организациями в сфере противодействия экстремизму и терроризму; обмен информацией и опытом с зарубежными государствами и международными организациями в сфере противодействия экстремизму, терроризму и их финансированию; активное участие в международных и региональных организациях по противодействию экстремизму и терроризму; координация совместных усилий по реализации Глобальной антитеррористической стратегии ООН в ЦА в рамках совместного плана действий; расширение роли Узбекистана в реализации международных инициатив, способствующих обмену информацией и развитию

---

²⁴⁹ Закон РУз «О занятости населения» № ЗРУ-642 от 20.10.2020 г. // URL: <https://lex.uz/ru/docs/5055696>

²⁵⁰ Указ Президента РУз «О мерах по поднятию на качественно новый уровень деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения общественной безопасности и борьбы с преступностью» № УП-6196 // URL: <https://lex.uz/ru/docs/5344121>

²⁵¹ Национальная стратегия Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021–2026 годы. Приложение № 1 к Указу Президента Республики Узбекистан от 1 июля 2021 г. № УП-6255 // URL: <http://old.lex.uz/ru/docs/5491628>

сотрудничества в рамках совместной работы по противодействию экстремизму и терроризму в ЦА; ускорение инициатив мирового сообщества и региональных организаций по обеспечению мира и согласия в Афганистане, привлечение данной страны к процессам регионального сотрудничества, в том числе противодействию экстремизму и терроризму²⁵².

При этом необходимо отметить, что в настоящее время Узбекистан в Глобальном рейтинге террористических угроз занимает одно из последних мест, это безусловно положительный результат (в 2017 г. – 117 место, в 2018 г. – 125-е, в 2019 г. – 135-е, в 2020г. – 134-е). Как отмечает по этому поводу один из известных узбекистанских экспертов Виктор Михайлов: «Результат исследования свидетельствует, что РУз одна из самых безопасных в мире. Безопасность от террористических угроз – результат серьезной и продуманной работы в области противодействия распространения идей экстремизма, ведущих к радикализации и терроризму. Такая профилактическая работа проводится многими министерствами, ведомствами, институтами гражданского общества, а также эффективной работой специальных служб силового блока страны»²⁵³.

В данном рейтинге на начало 2022 г. Узбекистан получил рейтинг 0,000, оказавшись в ряду самых безопасных на сегодня стран, наряду с такими странами как Исландия, Объединенные Арабские Эмираты, Португалия, Сингапур, Словения, Южная Корея, Ямайка и др.²⁵⁴

---

²⁵² Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы. Приложение № 1 к Указу Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 г. № УП-60 // URL: <http://old.lex.uz/ru/docs/5841077>

²⁵³ Михайлов В. Узбекистан потерял одну позицию в мировом индексе терроризма // URL: <https://crss.uz/2020/11/29/uzbekistan-poteryal-odnu-poziciyu-v-mirovom-indekse-terrorizma/>

²⁵⁴ Глобальный индекс терроризма // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7a827cf6-624d83d8-bc9c609c-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Global_Terrorism_Index

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

- В регионе ЦА нет единого мнения в вопросе понимания терминов и понятий, употребляемых при обсуждении вопросов радикализации и экстремизма. При этом существуют разрывы между пониманием ключевых терминов на страновом, региональном и глобальном уровнях. В регионе не сформированы коммуникативные площадки для проведения публичных обсуждений по терминам как основы для сближения позиций государственных органов и экспертов из гражданского общества, повышения их потенциала и обмена опытом и лучшими практиками между странами.
- Экспертный потенциал по вопросам этнической идентичности, нациестроительства, позитивного национализма явно недостаточен. В первые годы независимости разного рода летние школы, конференции и семинары для молодых экспертов, в том числе объединяющие экспертов из нескольких стран ЦА, проводились регулярно. Их участники стали со временем исследователями, экспертами, гражданскими лидерами и активистами. Однако в последние годы таких мероприятий практически не проводится, экспертный потенциал ослаблен. По этой причине в дискуссии по вопросам этничности, национализма вовлекаются маргинальные, недостаточно образованные личности, и эти дискуссии создают нарративы, ведущие к повышению конфликтного потенциала в обществе.
- Отсутствуют также площадки для обмена информацией и опытом по сбору ключевых статистических данных, без которых невозможно проведение качественных исследований. Методологии сбора данных и сам их перечень требуют совершенствования, в том числе за счет унификации, совместного изучения массивов существующих данных, совершенствования системы их сбора.
- Как показали результаты более 100 проанализированных исследований, в регионе ЦА явно недостаточно проведенных исследовательских работ, посвященных изучению преобладающих типов идентичностей молодых людей, на основе которых может проходить мобилизация в радикальные движения. Практически нет исследований, посвященных лево- и праворадикальным, национал-патриотическим молодежным движениям. Существует явная тенденция некритично сводить все вопросы радикализации к религиозному фактору.
- В напряженных ситуациях и конфликтах, в основе которых лежат самые разнообразные социально-экономические, политические и этнические факторы, религиозный фактор преподносится как сугубо негативный, формируя соответствующее стереотипное восприятие.
- Традиционной теоретико-методологической базы сегодня оказывается недостаточно для выявления связей «религия – политика – конфликт». Это предопределило использование в исследовании междисциплинарного синтетического подхода. В его основе – интеграция анализа макрополитических процессов и их проекций на уровень индивида или целых сообществ, с которыми человек себя соотносит, выявление взаимосвязей между индивидуальной и коллективной идентичностью.
- Основным контрнарративом в ПНЭ как среди государственных, так и среди негосударственных организаций выступает лейтмотив замены «плохого ислама» на некий «хороший, традиционный, местный, толерантный, просвещенный, современный, умеренный и т.д. ислам». Неоднозначность данных конструктов

делает интервенции малоэффективными и иногда дает радикалам каналы для продвижения своих идей.

- В исследованиях, государственных программах, а также медиастратегиях по ПНЭ недостаточно внимания уделяется секуляризму, светскому потенциалу и капиталу как инструментам по противодействию радикализации и укреплению толерантности в обществе.
- Нет достаточного количества исследований, проведенных с непосредственными жертвами радикализации (и их близкими) методами глубинных интервью и/или кейс-стади, что делает данные и выводы большинства исследований опосредованными.
- Данные официальной статистики, а также независимых исследований и оценок не позволяют выделить четкую градацию причин и факторов радикализации. Зачастую подталкивающим фактором является совокупность причин, которая может отличаться от страны к стране, от одной социальной группы к другой, и даже в каждом отдельном случае. Официальные и независимые отчеты сформировали ряд клише и стереотипов, которые не всегда подтверждаются реальными данными и глубинным анализом кейсов, однако, перетекают из отчета в отчет.
- Современная практика показывает, что рекрутинг экстремистов происходит из обширного и самого разнообразного круга людей, тем самым развенчан миф о том, что потенциальный террорист – это только «нищий сумасшедший». Среди политических и религиозных экстремистов появился другой вид радикалов – они образованны и интегрированы в общество. И они же становятся лидерами и организаторами для массы необразованных.
- Привлекательность экстремизма в молодежной среде подкрепляется тем, что он позволяет мифологизировать сознание, формулировать ложные, но конкретные жизненные цели и задачи, разделять людей на «своих» и «чужих», конкретизировать личное отношение к государству, этническим группам, религиям. Экстремизм служит соблазном для молодежи, ответной реакцией на кризис идентичности на различных стадиях развития, возможностью компенсировать свои неудачи или проявить себя только в деструктивном ключе перед обществом. Экстремизм в молодежной среде выступает следствием снижения уровня толерантности, культуры и образования, кризиса нравственных и ценностных ориентиров, патриотизма и гражданственности в обществе.
- Исследователи выделяют слишком обобщенные категории в качестве уязвимых групп и категорий молодежи, поддающихся вербовке со стороны экстремистских групп («молодые люди», «женщины», «мигранты»), рассматривая их как гомогенные сообщества, хотя это не соответствует реальности.
- Исследования часто не учитывают голоса женщин и детей равно мужским голосам. Проблема заключается в сложности доступа к женщинам из закрытых сообществ (махалля, религиозные и некоторые этнические группы), особенно в сельских районах.
- Жертвам насильственного экстремизма нужна вера в «светлое будущее», которую они не могут найти у себя в стране. Им не хватает внимания к себе, их близким и правдивых ответов на жизненные вопросы. Именно этими незаполненными пространствами пользуются вербовщики, «запаковывая» экстремистский контент в привлекательные лозунги – «героизм», «настоящая истина жизни на земле»,

«ради мира без коррупции», «если ты настоящий мужчина или мать детей», «помощь братьям по вере» и другие психологически давящие призывы.

- Успех процесса снижения рисков и повышения устойчивости к радикализации среди молодежи требует создания различных платформ для свободного высказывания их нужд и потребностей, продвижения идей плюрализма и разнообразия. Молодежь требует регулярного и полноценного внимания, как в социально-экономических аспектах развития, так и в политико-идеологических, со стороны всех других членов общества и особенно – государства.
- При проведении кампаний по информированию молодежи в регионе ЦА, посвященных предотвращению радикализации, не учитывается тот факт, что потенциал лекторов, тренеров, инструкторов, владеющих современными методиками работы с молодежью, требует постоянного внимания. Проводимые действия имеют разрозненный характер, ни одна из стран не имеет долгосрочной медиастратегии с проработанными смыслами, слоганами и символами, ориентированными на различные целевые группы, прежде всего – на молодежь.
- Каждая республика ЦА принимает комплекс мер по противодействию экстремизму. Несмотря на все эти меры, которые предпринимаются странами в сфере противодействия экстремизму, их нельзя отнести к абсолютно эффективным. Экстремизм как проблема наднационального уровня выходит за рамки отдельных государств и легко адаптируется к их особенностям. Для повышения компетенций странам ЦА необходимо еще больше объединять усилия в вопросах противодействия экстремизму и терроризму.
- Каждая из республик ЦА имеет ряд принятых национальных стратегических документов и планов действий по противодействию экстремизму и терроризму, в том числе по интеграции общества, реализации государственной политики в религиозной сфере и т.д. Не предпринимается достаточных усилий по обмену опытом их разработки и реализации.
- Стратегические документы стран ЦА, касающиеся долгосрочного развития сектора образования, не подвергнуты анализу и дальнейшей работе по внедрению положений, призванных внедрить принципы миростроительства и предотвращения экстремизма и радикализации в отраслевые документы системы образования.

РЕКОМЕНДАЦИИ

По укреплению толерантности и мирного сосуществования в приграничных регионах КР, РТ и РУз:

- Организация публичных обсуждений по терминам, используемым в работе по предотвращению экстремизма и радикализации, может стать основой для сближения позиций государственных органов и экспертов гражданского общества, эффективным способом повышения их потенциала.
- Учитывая, что процессы укрепления государственности и нациестроительства являются очень важными процессами для всех стран региона ЦА, необходимо принять комплекс мер для ускорения формирования общегражданской идентичности в каждой из республик и в регионе в целом. При этом необходимо одновременно продвигать и поощрять дискуссии, экспертные обмены вокруг темы формирования региональной идентичности в ЦА.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

- Государственные программы по противодействию экстремизму и терроризму, принятые и реализуемые в КР, РТ и РУз, должны быть подвержены процессу регулярного мониторинга и оценки реализации с внесением необходимых дополнений, в том числе – с учетом рекомендаций Плана действий Генерального секретаря ООН по противодействию насильственному экстремизму. Такая работа может способствовать начальному этапу координации действий и мер, предпринимаемых в странах ЦА и международными партнерами по развитию, в том числе со структурами и подразделениями ООН, специализирующимися на борьбе с терроризмом.
- При этом необходимо учесть тот факт, что в прошлом планы действий были в основном ориентированы на государственные учреждения и не рассматривали гражданское общество как эффективного действующего актора. Гражданское общество должно быть более широко и эффективно вовлечено в реализацию соответствующих программ.
- Необходимо провести мониторинг и оценку хода реализации национальных программ по работе с молодежью, их обновление, с фокусом на разработку комплекса мер, направленных на социальную адаптацию молодежи, создание рабочих мест, решения проблем социального досуга, а также разработку специальных мер для карьерного роста и расширения возможностей участия в политике и принятии решений на национальном и местном уровнях. В том числе – участие в делах местных сообществ и в партийной политике.
- Внести существенные изменения в образовательную политику, в том числе – в содержательную и методологическую части современного общего, среднего специального и высшего образования, ориентированные на подготовку специалиста, умеющего критически мыслить, имеющего широкий кругозор, обладающего знаниями в естественных и социально-гуманитарных науках, навыками самообразования. Совершенствовать систему профессионального образования, ориентированного на современный рынок труда, в том числе – внешний.
- Создать условия для социальной интеграции и формирования гражданской идентичности молодым представителям различных религиозных и этнических групп путем обеспечения доступа к многоязычному и профессиональному образованию, воспитания чувства гражданского патриотизма.
- Необходимы реформы в государственных (особенно – правоохранительных) органах для решения проблем дискриминации и коррупции, которые в противном случае продолжат служить основой для социального протеста и радикализации. Необходимо усилить работу по предотвращению социального влияния преступных групп на молодежь.
- Создать центры реабилитации и реинтеграции для лиц, которые находились под влиянием радикальных религиозных или других сект, чтоб поддержать их возвращение к законопослушному образу жизни.
- Повышать компетентность и квалификацию умеренного духовенства, которое является фактором первостепенной важности в борьбе с радикальными течениями, а также совершенствовать систему религиозного образования. Вводить в программы обучения в медресе предметы, которые помогли бы будущим

имамам идентифицировать радикальные нарративы и помочь им бороться с ними используя контрнарративы.

- Необходимо разработать систему обучения религиозных деятелей для повышения уровня их религиозных знаний. Внедрять в систему религиозного образования предметы, курсы, семинары, тренинги для преподавателей медресе по правоведению, граждановедению, критическому мышлению, конфликтологии, миротворчеству, медиации, толерантности.
- Отслеживать и нейтрализовывать радикальные экстремистские сайты, выявлять деятельность вербовочных группировок, действующих в социальных сетях.
- Уполномоченным государственным органам по делам религий КР, РТ, РУз наладить механизмы сотрудничества, в том числе через экспертные встречи с целью согласованной разработки методологии по учету и регистрации религиозных организаций, улучшения деятельности по обмену опытом и информацией, в том числе – в создании учебников и методических материалов для медресе и вузов.
- Рассмотреть возможность инициирования создания Центрально-Азиатского духовного управления мусульман (ЦАДУМ), наподобие ранее существовавшего САДУМ (Среднеазиатское Духовное управление мусульман). Такая площадка могла бы стать местом знакомства, налаживания контактов, обмена мнениями представителей муфтиятов стран ЦА.
- Спецслужбам КР, РТ, РУз: регулярно проводить разведывательные, оперативные и превентивные мероприятия по вопросам о возможности активизации талибов, ИГИЛ, Аль-Каида, ИДУ, других экстремистских группировок после вывода из Афганистана военных сил США и НАТО в 2021 году.
- Рассмотреть возможность открытия Центра по исследованию границ в Ферганской долине (с региональными филиалами во всех трех государствах), в рамках работы которого изучать трансграничные конфликты, их историческую подоплеку, пути и методы предупреждения таких конфликтов, разработать и предложить новые методы и технологии по укреплению границ и трансграничного сотрудничества, при завершении делимитации и демаркации границ необходимо будет качественное и безопасное управлять границами.
- Поддерживать и обновлять смыслы местных краеведческих кружков и музеев, что позволит сделать вклад в формирование идентичности молодежи на местах. Необходимо определять ценности местного, национального, регионального уровня, которые могли бы формировать социально приемлемые мечты и стратегии молодежи. Затем необходима разработка системы масштабирования данных ценностей.

По определению исследовательских приоритетов для других компонентов Проекта, тем и вопросов, которые остались неизученными в проведенных ранее исследованиях:

- Провести исследование по оценке текущей ситуации (базовое обследование) относительно понимания гражданской, этнической, религиозной, региональной и других видов идентичностей, оценки уровня чувствительности молодежи по вопросам межэтнических отношений, регионализма, уровня религиозности и гражданственности;

- Провести масштабное исследование и оценку светского потенциала в странах региона ЦА. Подобные исследования должны включать элементы: кабинетного анализа национальных НПА и программ; качественный компонент – глубинные интервью с основными акторами и ведущими экспертами; количественный компонент – восприятие светскости на уровне общества.

По конкретизации дальнейших действий Проекта:

- В ходе реализации Проекта необходимо активнее использовать аргументацию с опорой на национальные стратегические документы. Независимо от их содержания и качества, у государственных органов всех стран существуют внутриведомственные планы мероприятий по их реализации, благодаря чему можно искать точки взаимодействия Проекта с государственными структурами.
- В качестве устойчивого вклада в углубление понимания проблемы ПНЭ в условиях региона ЦА необходимо рассмотреть вопрос о поддержке работы по разработке словаря-справочника по вопросам ПНЭ, его публичного обсуждения, переводе на национальные и английский языки и издание. Его содержание могло бы стать предметом обсуждения на региональных экспертных площадках для государственных структур и гражданского общества по терминологии, возможно, с привлечением международных экспертов.
- Необходимо создать базу данных центрально-азиатских экспертов, ученых и исследователей по конфликтно-чувствительным вопросам. По итогам этой работы реализовать компонент Проекта по повышению потенциала экспертов, прежде всего из гражданского общества и молодых преподавателей вузов, в том числе из региональных, по обучению их основам знаний по нациестроительству и конструктивизму.
- Необходимо предусмотреть серию мероприятий, проводимых во взаимодействии с вузами и академическим сектором в целом, ориентированных на сближение учебного процесса и научных исследований с практическими результатами. Поддерживать создание креативных лабораторий, учитывая существующую заинтересованность вузов в расширении международного сотрудничества.
- Создать постоянную площадку по обмену опытом между странами ЦА с участием госорганов, экспертов, ученых и духовенства. По итогам дискуссий внести рекомендации для внедрения в практику деятельности государственных органов и общественных организаций.
- Способствовать развитию «сети сверстников», которые будут служить образцами для подражания, выслушивая проблемы уязвимых людей, оказывая эмоциональную поддержку и наставляя в преодолении жизненных трудностей. Сеть могла бы быть основана на существующей инфраструктуре (молодежные и женские клубы) и организациях (молодежные и женские НПО) и включать новые каналы: неофициальные консультации между коллегами или онлайн-форумы.
- Организовывать регулярные тематические семинары для обсуждения динамики проблем, затрагивающих уязвимые категории молодежи, и выявления оптимальных путей их выявления и решения.
- Необходимо оказать экспертную поддержку для включения в школьные программы стран ЦА предмета «История мировых религий» и курса по безопасности в

интернете (кибербезопасности), чтобы предотвратить влияние радикальных идей через СМИ и социальные сети.

- Поддерживать информационно-образовательные программы для молодежи по вопросам религиоведения, религиозной и этнической толерантности, миростроительства. Серия тренингов/семинаров/круглых столов и др. на местном уровне по тематике «Молодежь и Религия».
- При проведении кампаний по информированию молодежи, информационных акций и организации встреч учащихся с экспертами, религиоведами необходимо обращать внимание на потенциал самих лекторов и стремиться к его укреплению, что можно сделать отдельным компонентом Проекта;
- Проводить дебатные программы для молодежи по вопросам религии (возможные темы: свобода вероисповедания и совести в демократическом обществе, религиозная система в государствах ЦА, опасности религиозного фундаментализма и экстремизма, соотношение светских и религиозных ценностей и т.д.). Организовывать публичные дискуссионные площадки по вопросам религии, миростроительства и т.д.
- Повышать потенциал педагогических кадров в пилотных вузах. Здесь возможна разработка разного рода «е-курсов», что соответствует приоритету «цифровизации образования».
- Активно вовлекать экспертов из академического сектора в другие активности, в частности в процессы обсуждения исследований, политики, законодательства, повышения потенциала государственных органов, организации гражданского общества и СМИ.
- Способствовать созданию и работе общественных организаций по оказанию психологической поддержки молодым людям, попавшим под идеологическое влияние агрессивных религиозных экстремистских организаций.
- Приглашать молодых людей и женщин, которые когда-то сталкивались с подобными проблемами и к которым обращались вербовщики, с тем, чтобы они могли представить свои свидетельства того, как они преодолевали личную и семейную уязвимость.
- Оказать содействие созданию Ассоциации религиоведов и теологов с участием социологов, культурологов, философов, политологов, психологов, демографов, юристов, историков, востоковедов и т.д.

Для СМИ:

- Эффективными могут быть кампании, проводимые среди мужчин и женщин, находящихся в зоне риска, посвященные различным аспектам экстремистской пропаганды. Эти кампании должны строиться с учетом гендерного фактора и индивидуальных характеристик аудитории и ситуации.
- СМИ и журналистам в ЦА необходимо проходить тренинги по освещению чувствительных тем, особенно в вопросах религии и радикализации, для того чтобы освещение не приводило к усилению социальной напряженности и расколу в обществе. Необходимо наладить сотрудничество между СМИ, журналистами и экспертным сообществом.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

- СМИ и журналисты могут стать важным каналом в обеспечении прозрачности и верховенства права путем эффективного освещения судебных дел против лиц, обвиняемых в экстремизме. Это область, где сохраняются серьезные проблемы, и они создают новую почву для напряженности. Обучение журналистскому расследованию будет очень уместным.
- Необходимы освещение в СМИ и обсуждение острых социальных вопросов, таких как дискриминация, социальное неравенство, несправедливое отношение со стороны правоохранительных органов, на том языке, который дает голос наиболее уязвимым группам и побудит государство к принятию мер.

ПРОЕКТ «ТРАНСГРАНИЧНЫЙ МНОГОСТОРОННИЙ ДИАЛОГ В ИНТЕРЕСАХ ТОЛЕРАНТНОСТИ И МИРА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

Поддержка финансируется
Европейским Союзом

